

БОРЬБА КЛАССОВ

1932 г.

5

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМАКАДЕМИИ ЦИК СССР

За большевистские темпы реализации решения ЦК

Об изучении истории фабрик и заводов

«Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения»¹—писал В. И. Ленин, призывая к теоретическому обобщению 20-летней истории идейной борьбы в рабочем движении.

Неоднократно и настойчиво Ленин требовал изучения основных этапов борьбы рабочего класса и особенно изучения истории революций, в которых Ленин видел источник опыта не только для новых поколений русского рабочего класса, но и для всего международного пролетариата.

Ленин считал революцию «праздником угнетенных масс», когда небывало интенсивными темпами раскрываются творческие силы и энергия наиболее отсталых масс, долго остававшихся пассивными и забытыми, пробужденных к политической жизни подъемом революционной волны.

«Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества,—писал Ленин в статье «Против бойкота», призывая к изучению опыта революции 1905 г.,—вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса... В отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не отклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ»².

Ленин подчеркивал, что буржуазные ученые, выполняя задачи реакции, либо замалчивают обычно опыт революции, либо пытаются представить его как «стихию безумия». «Задача реакции—заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха».

Пролетариат и его партия, исходя из интересов революции, не только не забывают опыта борьбы, отошедшего в близкое или далекое прошлое, а всячески его собирают и изучают. Обобщение этого опыта помогает распространению в широчайших массах знакомства с формами, организациями, лозунгами и результатами прошлой борьбы, сохраняет и использует для будущего боевые традиции прошлого, облегчает рабочему классу строительство настоящего.

Это отношение Ленина к изучению и обобщению пути, пройденного пролетариатом, особенно важно вспомнить сейчас, когда требование

¹ Ленин, т. XVII, стр. 354.

² Ленин, т. XII, стр. 32 — 33, изд. 1929 г.

к сознательным рабочим не быть Иванами Непомнящими и изучить и продумать накопленный грандиозный опыт стало еще более настоятельным.

С тех пор произошли события всемирно-исторического масштаба и значения. Пролетариат пережил четырехлетнюю мировую империалистическую войну и крах II интернационала; в феврале 1917 г. он свалил сгнившее на корню трехсотлетнее дерево романовской монархии; в Октябре, после восьмимесячного опыта пребывания у власти империалистической буржуазии и ее агентуры — меньшевистско-эсеровской керенщины, российский пролетариат вооруженной рукой снял и эту власть, установив пролетарскую диктатуру и могуче развернув под руководством нового, Коммунистического интернационала борьбу за пролетарскую революцию во всем мире.

Базой и важнейшим оружием пролетариата в этой борьбе стало строительство социализма в СССР, вступающее в открывающуюся вторую пятилетку с перспективой полной ликвидации классов и построения бесклассового социалистического общества.

Переживаемый сейчас этап ставит перед рабочим классом задачу, без разрешения которой невозможна творческая строительная работа в грандиозных ее масштабах: обобщить, проанализировать, продумать и творчески использовать пережитый опыт и довести его до сознания миллионов.

Капитализм строили тысячи, социализм строят миллионы; они строят его на протяжении одной шестой части земного шара в невиданных и небывалых в мире размерах, объеме и темпах и при этом строят на глубоко засоренной в прошлом почве, в переплетении различных экономических укладов и сохраняющихся в этих условиях развития мелкобуржуазных пережитков в быту, в психологии людей.

Новое историческое дело строится руками старых людей, ибо человеческий материал, оставшийся нам от прошлого, поддается гораздо более медленной переработке. Наряду с этим в ряды строителей социализма вливаются целые армии молодого поколения пролетариев. Многие из них чрезвычайно мало знают о прошлой борьбе рабочего класса и не осознают еще ее связи с настоящей его борьбой. К ним подтягиваются еще более молодые поколения, которые уже «царя не застали», ибо в Октябре они еще были младенцами.

Перед партией стоит громадной важности историческая задача поднять эти кадры, просветить, направить, научить их.

«Новая обстановка,—говорил в своем докладе о марксистско-ленинском воспитании т. Постышев,—характеризуется в первую очередь сдвигами, происходящими и продолжающимися происходить в рабочем классе СССР.

Основное здесь состоит в том, что кадры старых рабочих, имеющих за своей спиной три революции, нога в ногу с партией дравшихся за ленинизм против троцкизма и правых, уменьшаются в своем удельном весе. Наряду с этим за последние годы в состав рабочего класса влились и продолжают вливаться значительные кадры молодежи, не прошедшей школу капиталистической фабрики, школу гражданской войны... Именно эти массы придется нам в дальнейшем организовать, ими руководить в борьбе за социализм. Из них нам придется отбирать и вовлекать новые и новые тысячи в партию. Именно этот человеческий материал нам дан. И мы должны выковать из него стойких, преданных делу социалистического строительства пролетариев...»¹.

Итак новые поколения рабочего класса надо готовить к их грандиозной, исторического масштаба роли борцов за уничтожение классов, за коммунизм. Это достигается не только практикой сегодняшнего дня. Для понимания того, что наша победа неизбежна, необходимо понимание историче-

¹ П. Постышев, О задачах марксистско-ленинского воспитания.

ского процесса в целом. Пролетариат должен ясно и отчетливо представлять весь свой огромный исторический путь—от капиталистической торговли до эпохи вступления в социализм.

Этой цели в первую очередь и посвящено созданное решением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. такое большое общественное начинание, каким явилась «История заводов», так же как и решение ЦК ВКП(б) об «Истории гражданской войны».

История заводов не является и не должна являться просто академическим научным трудом.

История заводов—средство мобилизации масс и массового обобщения пройденного пролетариатом пути.

Иногда встречаются заявления, что нам некогда и незачем писать историю завода, ибо нужно бороться за промфинплан.

Эти заявления—результат непонимания серьезности поставленных партией задач по созданию «Истории заводов», которую нельзя рассматривать вне задач революционной практики сегодняшнего дня, вне борьбы за промфинплан.

Прошлое в «Истории заводов» берется в свете задач настоящего, для противопоставления двух систем — капитализма и социализма, для мобилизации масс на победу социализма.

Решение ЦК от 10 октября, как и все дальнейшие решения и директивы главной редакции, как и письма и статьи М. Горького, прежде всего подчеркивают политическую актуальность большевистской истории заводов.

«Мы уже столько сделали нового, что имеем полную возможность сравнить трудовые и бытовые условия прошлого с трудовыми и культурными успехами настоящего, с гигантским размахом нашей индустриальной, культурной, коммунальной стройки, изменяющей лицо земли нашей... Учат факты. В Союзе социалистических советов создаются почти ежедневно небывалые факты величайшего напряжения энергии, воплощения ее в жизнь, в действительность...»¹.

«История заводов» сейчас превращается в подлинно массовое предприятие. Решение ЦК от 10 октября и призыв Горького от 7 ноября 1931 г. об издании «Истории заводов» вызвали огромный интерес рабочих масс к изучению истории своих предприятий.

Развернулась большая творческая активность. Немедленно вслед за статьями М. Горького, реализуя решение ЦК, не дожидаясь инструкции, стали создаваться заводские редколлегии, строиться программы,— правда, часто беспомощные и кустарничающие,—собираются воспоминания старых рабочих, обследуются и изучаются фабрично-заводские архивы.

Один из передовых гигантов социалистической индустрии—московский завод «Серп и молот» (б. Гужон) — взялся боевыми темпами за реализацию решения ЦК и вызвал на социалистическое соревнование редколлегии других заводов.

«История заводов» есть большевистское дело,—пишут в своем обращении редколлегия и рабочий актив завода «Серп и молот»,—в котором требуются социалистические методы работы, высокое идеологическое качество и ударные темпы».

Рабочие завода «Серп и молот» обещают создать большевистскую историю завода, достойную нашей великой эпохи.

Автозавод имени т. Сталина, принимая вызов, обещает использовать опыт прошлой борьбы для дальнейшей борьбы с оппортунизмом.

«Мы хотим создать книгу, которая явилась бы руководством к действию рабочих масс нашего завода на окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, на преодоление пережитков

¹ Горький, За работу.

капитализма в экономике и сознании людей, на превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей социалистического общества»—пишут в своем ответе бывшие амовцы, нынешние сталинцы.

Московский инструментальный завод, принимая вызов завода «Серп и молот», взял на себя целый ряд дополнительных обязательств. Встречный план объявили и некоторые другие заводы. Но основное обязательство почти на всех предприятиях сводится к тому, чтобы сделать работу по созданию истории завода действительно массовой, втягивая в нее всех рабочих-ударников завода.

На Надеждинском заводе к составлению истории завода были привлечены 100 старейших рабочих, общий возраст которых составляет 5.237 лет, общий производственный стаж — 3.117 лет.

«В эту работу вовлекаются все, начиная с пенсионеров и кончая комсомольцами,—пишут в своем обращении старые рабочие Надеждинского завода.—Пусть новое поколение рабочего класса знает, как рос, креп рабочий класс, как росла большевистская партия, как сломано здание капитализма».

На путь массовости в изучении истории заводов стали и такие предприятия, как завод «Серп и молот» (б. Гужон) и Трехгорная мануфактура, где работа была начата Институтом истории Комкадемии.

При помощи двух-трех историков развернулась подлинно коллективная работа, в которой весьма активно проявляют себя старые участники, ударники и т. п. На заводе «Серп и молот» в разработке событий 1905 г. принимало участие свыше 220 старых рабочих. Многие старые рабочие, отошедшие или отходившие от партии, вновь вступили в партию во время кампании по изучению 1905 г. на заводе.

На Трехгорной мануфактуре с помощью громадного количества старых рабочих и активных ударников и ударниц был подготовлен и напечатан ряд предварительных материалов и сборников; на путь массовости стал и такой крупнейший завод, как Ижорский, существующий с петровских времен (основан в 1710 г.). Поднять громадный материал по истории трех сотен лет могут только сотни авторов — старых революционных деятелей завода. Завод стал на путь организации этих авторов, организовав группы старых ижорцев в Москве и Ленинграде.

На тот же путь организации массового авторства стал и другой гигант, фактически отражающий наиболее выпукло историю рабочего класса в России,—завод «Красный утиловец». Для написания его истории создано особое общество старых утиловцев, которое собирает и привлекает к работе над историей заводов бывших рабочих-утиловцев, где бы они сейчас ни находились. В настоящее время в работу включилось 300 рабочих с 25-летним стажем. Для написания истории завода «Красный треугольник» на многолюдных собраниях рабкоровского и рабочего актива было избрано руководящее ядро редакционного совета в 30 чел. старейших производственников и активнейших рабкоров. В работу включается не менее 700 ударников завода в качестве авторов. Проявляют значительную активность рабочие-выдвиженцы и хозяйственники, работающие по 25—30—40 лет на заводе.

Таким образом широкой волной творческой инициативы откликнулась на решение ЦК о создании истории заводов рабочая масса. Значительно медленнее и слабее, не поспевая за подъемом снизу и за потребностями рабочего писателя-массовика, идет развертывание организационного и научно-методического руководства. После постановления ЦК и инструкции главной редакции на заводах стали организовываться под руководством местных партийных организаций редакционные коллегии и вокруг них—творческие коллективы будущих авторов. Однако достаточного методологического и методического руководства со стороны Общества историков-марксистов и его отделений на местах местные редколлективы не получают.

Программы составляются заводскими редколлегиями с большими трудностями и ошибками. В одних случаях они сводились к общим схемам истории классовой борьбы, без конкретного содержания и без фактического материала из истории данного завода. В других случаях наоборот — программы построены совершенно вне связи с общими вопросами, как будто бы завод рос и развивался совершенно независимо от общих условий.

Отсутствие систематического, конкретного руководства, обеспечивающего единство, преобладание самотека в работе—особенно на первых порах—было одной из самых важных причин медленных темпов реализации решения ЦК об издании «Истории заводов».

Главная редакция в своем последнем постановлении отметила ряд дефектов в работе по созданию истории заводов, идущих в основном «по линии недостаточного понимания задач, отсутствия четкой плановости, далеко не достаточной оформленности и организованности всей работы».

На некоторых крупных предприятиях работа до сих пор не развернута, ибо кое-где необходимость и важность ее недооценивается местными партийными и общественными организациями. Научные и писательские организации не подошли еще вплотную к рабочим коллективам, ведущим работу по истории заводов, и не оказывают им практической помощи.

Необходимо очень решительно и резко заострить внимание к этой работе научных институтов и особенно коллективов историков-марксистов. Темпы их участия в реализации решений ЦК в области истории надо признать совершенно недостаточными.

А между тем историки прежде всего должны были самым непосредственным образом включиться в эту работу, поднять ее на должную научную высоту, применить свои знания и опыт в деле методологии и методики изучения истории заводов, помочь в составлении программ, в критической проработке и выявлении архивных и иных источников и т. п. Участие в создании большевистской истории заводов—дело чести для каждого историка. Ни один из них не должен стоять в стороне от тех обязательств, которые партия своими решениями в области исторической науки возлагает на историков-большевиков.

II

Решение ЦК о создании «Истории заводов» требует от историков-марксистов не только боевых, большевистских темпов, но и высокого идеологического качества работы.

Все решения и инструкции главной редакции направлены к тому, чтобы было обеспечено создание действительно большевистской истории заводов.

Чем же должна быть такая большевистская работа и какими методологическими установками определяется ее содержание?

Ленин в своих лекциях о государстве перед свердловцами в 1919 г. говорил, что «самое надежное в вопросе общественной науки и самое необходимое для того, чтобы действительно приобрести навыки, подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной,—это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие новые этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития следует смотреть, чем данная вещь стала теперь».

Это общеметодологическое замечание Ленина в высокой степени применимо к истории заводов, где опасность затеряться в мелочах и не найти основной линии развития особенно велика. Самый материал, используемый для истории заводов, таков, что он требует большого умения при

его систематизировании и разработке, чтобы, с одной стороны, не сбиться на детальное и скучное описание «собственной колокольни», и с другой—не потопить конкретной истории завода в общих рассуждениях, описаниях и обобщениях.

Нужна единая схема, общая мысль, центральный стержень, определяющий расположение и освещение всех накопленных материалов.

Надо решительно отбросить старые буржуазные методы более или менее добросовестного изложения хронологии, пассивного следования по пути случайно найденных документов, вырывания отдельных фактов и более или менее верного описания отдельных событий. Большевицкий историк должен прежде всего установить связь между фактами и событиями, восстановить диалектическое единство между ними. «Нужно понимание закономерностей развития, нужно заострение внимания на главных и основных вопросах, на решающих этапах нашей революции» (Каганович).

Наряду с этим требованием, в развитие его, большевистская история завода должна, как и всякая история, своими фактами и установками бить по тем буржуазным и оппортунистическим теориям и по всякого рода фальсификациям, которыми классово враждебные пролетариату элементы пытаются исказить его историю, смазать его революционную роль, затушевать и свести на-нет его исторические задачи.

Большевистская история заводов должна быть совершенно четко пронизана стремлением показать в резком противопоставлении две системы: фабрику и завод в условиях капитализма и социализма.

Нужно показать, как рабочий класс из объекта эксплуатации при капитализме стал передовым борцом против всякой эксплуатации, создателем, организатором социалистического способа производства, преобразующим под руководством своей партии весь экономический и социальный строй с целью создания бесклассового социалистического общества.

Таким образом центральным и основным вопросом большевистской истории завода должен явиться вопрос о том, как и почему в такой экономически отсталой, сравнительно с передовыми капиталистическими странами, стране, как Россия, пролетариат оказался передовым борцом и застрельщиком в борьбе против капитализма, за практическое и победоносное строительство социализма.

«Как случилось,—ставит в очень заостренной форме этот вопрос М. Горький в своей статье «За работу»,—что эта отсталая страна вдруг стала самой яркой точкой на земле, что на ней сосредоточены внимание, симпатии и надежды пролетариев всех стран? Как случилось, что затравленный, замученный народ вдруг встал на ноги и пошел один, первый, к великой цели пролетариата всего мира? Как развилась и выросла эта сказочная энергия? Сколько энергии затрачено рабочим классом старой царской России для того, чтобы создать из плоти и крови своей партию большевиков—аккумулятор его энергии?»

История дореволюционной, капиталистической фабрики должна показать конкретно и детально историю развития и роста рабочего класса и оформления его революционного классового сознания. На путях этого развития стояли многочисленные преграды и трудности; сильнее других тормозили его развитие политический гнет, тяжелые полудикакие бытовые условия жизни, почти сплошная неграмотность и низкий культурный и политический уровень, антипролетарская политика и пропаганда мелкобуржуазных партий—меньшевиков и эсеров,—а зачастую и прямая контрреволюционная работа черносотенцев. И несмотря на все это в массе пролетариата возник и оформился передовой революционный отряд—большевистская партия, которая шаг за шагом разрушала эти преграды и привела рабочий класс к полной победе.

История заводов не должна свестись к истории революционного движения или к истории партийной организации в пределах одного завода.

История заводов должна дать синтез, обобщение всей борьбы пролетариата против капитализма, за социализм, она должна показать всю совокупность условий, в каких происходило созревание рабочей массы на ее пути борьбы за диктатуру пролетариата, и при этом особенно четко и решительно показать, что без партии как авангарда, без большевистской партии, руководителя пролетарской борьбы, такое политическое созревание и в таких темпах было бы невозможно.

Не превращая историю завода в историю партийной организации, вместе с тем надо истории партии и роли большевиков на заводе отвести центральное и решающее место в общей истории завода. Большевистская история завода обязывает нас при этом показать, в каких экономических и политических условиях росли пролетариат и его партия.

Историю завода невозможно отрывать от общих условий хозяйственного и политического развития страны в целом.

Историки-марксисты не могут, подобно буржуазным историкам, рассматривать завод как самодовлеющее, замкнутое целое, как некий самостоятельный организм. Подобного рода установки особенно широко пропагандируются в настоящее время среди буржуазных и социал-фашистских ученых и политиков Запада, которые даже изобрели особое «учение о предприятии». Они пытаются доказать, исходя из этого «учения о предприятии», что утверждения коммунистов о глубоком кризисе и предстоящем крахе капитализма опровергаются фактом «цветущего состояния» отдельных предприятий, которые якобы могут процветать вне зависимости от общих условий и которые таким образом составляют базу для «оздоровления» капитализма, опоры его жизнеустойчивости.

Нетрудно понять политический смысл этих теорий и всего «учения о предприятии». Его смысл — в замазывании, затушевывании противоречий капитализма с целью внести успокоение в среду буржуазной интеллигенции, мелкой буржуазии и в некоторые слои пролетариата, еще не освободившиеся от влияния буржуазии и ее агентуры — социал-фашизма. Но какими бы рекламными или апологетическими целями ни задавались буржуазные «теоретики» и «историки» отдельных предприятий, им не удастся опровергнуть, что весь империалистический мир есть неразрывное целое и что независимо от процветания того или иного предприятия этот мир переживает совершенно неизбежный путь разрушения. С другой стороны, им не удастся опровергнуть и другого факта, о котором свидетельствует большевистская история заводов, что только в СССР и только в результате ликвидации капитализма возможны не отдельные благополучные базисы, а общий расцвет социалистической промышленности, общий подъем благосостояния рабочего класса.

Перейдем теперь к вопросу о том, какое место в истории развития завода должны занимать техника и экономика и как увязать их изучение с общим развитием классовой борьбы и рабочим движением на изучаемом предприятии. Какое значение имеют вопросы техники с точки зрения основных установок истории заводов и прежде всего ее воспитательных целей?

Стержнем изучения должен быть сравнительный показ и конкретное противопоставление двух систем: капиталистической и социалистической. История заводов должна научить понимать, ценить и укреплять революционные завоевания рабочего класса.

С этой точки зрения изучение технического развития заводов чрезвычайно важно. Оно должно показать, как под руководством ленинской партии пролетариат строит сейчас невиданными темпами свое социалистическое хозяйство и, мобилизуя все силы на овладение техникой, выводит СССР на одно из первых мест в техническом отношении.

«История старой России,—говорил т. Сталин,—состояла между прочим в том, что ее непрерывно били за отсталость: мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹.

История заводов, уделяя значительное место вопросам техники в общем плане изучения завода, должна показать, как в прошлом происходило то отставание в техническом отношении, о котором говорит т. Сталин и которое сказывается на наших трудностях, и как в настоящем мы догоняем и перегоняем передовые капиталистические страны. Но технику мы не должны изучать в качестве самодовлеющего фактора, мы должны брать ее в непосредственной связи с экономическим развитием предприятия, с общей характеристикой условий труда и общим ходом классовой борьбы на данном этапе. Изучая технику, мы должны показать ее социальную обусловленность, определив, как влияло техническое состояние предприятий на характер эксплуатации и на развитие борьбы рабочего класса.

То же основное методологическое замечание мы должны сделать и в отношении изучения экономики предприятия, которую мы не можем рассматривать вне общей эволюции капитализма.

Ленин, придававший огромное значение изучению экономической истории России, особенно настойчиво подчеркивал необходимость изучения конкретного анализа форм и методов эксплуатации. Изучая экономику предприятия в свете общих вопросов развития капитализма, необходимо ставить ее в связь с общей хозяйственной обстановкой страны, района и отрасли промышленности, выделяя те особенности, которые изучаемое предприятие имело в рамках народного хозяйства на данном отрезке времени. При этом особенно необходимо иметь в виду увязку изучения экономики капиталистического предприятия с практикой социалистического строительства.

Смотря на прошлое глазами участника великой социалистической стройки, необходимо при изучении экономики прошлого выделять такие моменты, которые отчетливее и резче противопоставляют социалистические стороны современного предприятия.

История рабочего движения на отдельном предприятии есть важнейшая и ведущая часть в изучении истории фабрик и заводов эпохи капитализма. Целью истории рабочего движения на заводе является показ оформления и роста революционного сознания рабочих в процессе классовой борьбы, происходящей в стране и находящей свое отражение на предприятии, в связи с общим ходом рабочего и революционного движения. Иначе говоря, нужно показать тот путь, каким рабочие отдельного предприятия пришли к Октябрю.

Необходимо показать, что путь к Октябрю рабочие изучаемого предприятия прошли в неустанной и непрерывной борьбе с капиталом и с помещичьим самодержавием как вне предприятия, так и в нем самом. Поэтому на всем протяжении изучения истории рабочего и революционного движения на предприятии необходимо показывать, как отражались в нем классовые сдвиги и классовые отношения в стране в тот или иной период развития революции.

Взаимоотношения рабочих и капиталистов, рабочих и технической интеллигенции, рабочих и крестьянства, рабочих и агентов царского самодержавия, рабочих и представителей церкви и т. д.,—все это должно найти свое отражение при изучении рабочего движения. В этой же связи должны быть изучены такие вопросы, как экономическое и правовое положение рабочих, условия их труда и быта, вопросы применения фабричного законодательства и т. п.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 748, изд. 9-е.

Жизнь предприятия мы изучаем в системе других таких же общественно-производственных единиц; поэтому при изучении истории рабочего движения на одном предприятии встает необходимость изучать его в связи с теми явлениями и событиями, которые происходят в других таких же общественных организациях. Таким образом нужно изучать рабочее движение на одном предприятии в связи с развитием рабочего движения во всей данной отрасли промышленности, во всем районе и во всей стране в данную историческую эпоху. В соответствии с этим необходимо учитывать не только экономическую, но и общеполитическую обстановку, влияющую на размах, характер, формы и результаты борьбы рабочих.

Вместе с тем должно быть учтено конкретное своеобразие условий изучаемого предприятия в его влиянии на местное рабочее движение. Замыкание в рамках отдельного завода, попытки исходить только из его «внутренних» условий объяснить революционное движение могут привести исследователя методологически к «экономическому материализму» и к меньшевизму.

Общая обстановка является не только фоном, на котором разворачивается борьба исследуемого отряда рабочих. К этой обстановке необходимо подходить как к активно действующему и влияющему фактору. Изучая рабочее движение на одном заводе в связи с общей борьбой пролетариата, необходимо показать, что особенного, специфического внесли рабочие данного завода в эту общую борьбу, и ни в коем случае не сводить задачу к простой иллюстрации истории революционной и профессиональной борьбы всего рабочего класса.

Развитие рабочего движения происходило не только в силу объективных тенденций развития пролетариата, а под влиянием такого мощного фактора, каким являются большевистская партия и ее руководство. В основу анализа роли партии при изучении рабочего движения на предприятии должно быть положено учение Ленина о стихийности и сознательности. Выводить «политические задачи революционной партии пролетариата из «экономической» (профессиональной) борьбы» значит «непростительно суживать и опощлять социал-демократическое понимание и приносить задачи всесторонней политической борьбы пролетариата»¹.

История партийной организации на предприятии до Октябрьской революции изучается таким образом вместе с изучением рабочего движения в целом. Необходимо особенно стремиться раскрыть процесс классового, политического пробуждения пролетариата на данном предприятии, дальнейший процесс и особенности развития классового самосознания и роль в этом процессе большевистской партии. Если в предприятии играли какую-нибудь роль меньшевики или эсеры, надо выяснить, на какие слои рабочих распространялось их влияние и как протекала борьба за массы между большевиками и мелкобуржуазными партиями. Особенно интересен для выяснения путей и процесса большевизации рабочего движения период между двумя революциями (1905—1917 гг.) и восьмимесячный период перерастания революции буржуазно-демократической в пролетарско-социалистическую (между февралем и октябрём 1917 г.).

Революционное движение рабочих данного предприятия должно быть показано со всеми его трудностями и временными отклонениями, вызванными той обстановкой, в которой боролся весь пролетариат, и специфическими местными условиями. Для выяснения качественного типа изучаемого рабочего движения важен анализ форм и методов борьбы (особенно стачек) с точки зрения их экономического или политического характера и выяснения диалектики перерастания одних форм в другие, политически более высокие. Чрезвычайно опасен разрыв между экономической и политической борьбой, механический подход к ее изучению. «Экономи-

¹ Ленин, т. VII, стр. 38.

ческие и политические стачки находятся в самой тесной связи»¹. Это надо иметь в виду и при изучении влияния и роли на первый взгляд чисто экономических стачек на предприятии.

Существенное значение имеет в истории завода выяснение связи революционного движения рабочих с крестьянством. Важно показать, как иногда отдельный рабочий коллектив политически вырастал до роли руководителя крестьянского движения.

Особенное внимание должно быть уделено изучению рабочего движения на фабриках и заводах, расположенных в национальных республиках и районах, для определения местных форм и характера этого движения и для развития политической партийной борьбы. Для национальных районов должны быть выработаны программы с учетом роли и характера национального момента.

При изучении истории рабочего движения на отдельном предприятии надо принять к руководству следующие основные методологические принципы общего порядка:

а) определение состава рабочих с точки зрения роли отдельных слоев рабочих в общем ходе движения на различных этапах;

б) выяснение по мере возможности места отдельных ведущих и отстающих цехов в развертывании движения. Такое выяснение даст положительные результаты только для крупных цехов, крупных фабрик и заводов при условии, что эти цехи не будут рассматриваться как самодовлеющие единицы, изолированные от всей обстановки на предприятии и за его пределами;

в) определение роли предприятия в данном районе, его связи с другими предприятиями, было ли оно передовым или отсталым в политическом отношении, вело ли за собой другие предприятия или, наоборот, шло за ними;

г) сравнение отдельных этапов борьбы на данном предприятии для выяснения развития революционного сознания рабочих.

Периодизацию истории рабочего движения на фабрике или заводе следует давать на основе общей периодизации истории всего рабочего движения. Материал необходимо изучать, располагая его по основным хронологическим эпохам в развитии предприятия. Это однако не исключает возможности, а иногда и необходимости составления общей картины стачечного движения на данном предприятии в целом за весь исторический период. Интересно дать статистику стачек в сравнении участия в борьбе рабочих данного производства с другими для определения их места и роли в общепролетарском движении.

Работа по созданию «Истории фабрик и заводов» имеет огромное политическое значение. На этой истории будут учиться новые кадры активных строителей социалистического общества. Надо всячески усилить и расширить эту работу, вовлекая в нее широкие пролетарские массы. Постановление ЦК нашей партии вызвало большую волну внимания и активного участия самой рабочей массы в создании этой истории. Надо всячески укреплять этот подъем, углублять и расширять его, руководя той работой, которая началась в предприятиях всего Советского союза. На эту работу должны мобилизоваться все историки-коммунисты. Приходится констатировать однако, что целый ряд исторических учреждений и организаций (и в том числе Общество историков-марксистов) до сих пор или совсем не принимает участия в работе по созданию «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов» или включится в эту работу совершенно недостаточно. Надо добиться во что бы то ни стало ликвидации этого отставания.

За большевистские темпы в выполнении решений Центрального комитета нашей партии!

¹ Ленин, т. VII, стр. 43.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

М. Н. Покровский — боевик и безбожник *

Товарищи, мне хочется подчеркнуть такую сторону работы Михаила Николаевича, которая меньше всего освещена в нашей литературе, это — его участие в нашей военной и боевой работе.

Я встретился с М. Н., в 1905 году здесь, в Москве, незадолго до декабрьского восстания, когда подготовка к восстанию шла довольно оживленно. На квартире в то время у нашего товарища по партии, у проф. Рожкова, собралась группа литераторов — литературная группа. В эту литературную группу входило довольно много народу, но чаще всего на этих собраниях бывали М. Н. Покровский, И. И. Степанов-Скворцов, К. Н. Левин, Н. Л. Мещеряков, затем Луниц и целый ряд других товарищей. Но это не была литературная группа в узком смысле слова. Она обсуждала все важнейшие боевые вопросы нашей партии. Из этой группы особенно выделялся М. Н. как человек, который проявлял исключительный интерес к вопросам военным, боевым. Рядом с ним стоял другой профессор-коммунист, тоже чрезвычайно яркая и красочная фигура первой революции и революции 1917 г., человек, который был в Военно-революционном комитете Замоскворечья в 1917 году — профессор астрономии К. К. Штернберг, который соединял занятия астрономией с очень боевым темпераментом настоящего боевика.

И вот эти два коммуниста-профессора — один профессор астрономии, другой профессор истории — в то время гораздо больше занимались не историей прошлого, а тем, что творили историю будущего, при чем творили ее чрезвычайно активно. К. К. Штернберг например помог нам, тогда молодым боевикам, которым нужны были знания и которых у нас не было, издать книжечку, которая называлась или «Техника взрывчатых веществ» или «Химия взрывчатых веществ» — точно не помню. Эта книжка вышла легально и служила нам пособием по изготовлению бомб, гранат и т. д. М. Н. Покровский выполнял другого рода работу. Он вместе с нами, членами военной и боевой организации, разрабатывая вопросы нашей стратегии — военной стратегии того времени, разрабатывал с нами планы военной боевой работы в отношении создания наших боевых дружин и организаций.

Чрезвычайно характерно, что во время декабрьского восстания Н. А. Рожков написал значительную часть одного из томов своей истории. В то время, когда шли баррикадные бои, он сидел и работал над «Историей России». М. Н. Покровский не мог сидеть в это время за литературной работой. Он рвался на улицу, к рабочим массам. И после декабрьского восстания М. Н. этим вопросам — военным, боевым — уделял очень большое внимание. Мы ведь в 1906 г. не считали, что революция окончилась и что положение таково, что в ближайший период не может быть восстания. Мы исходили из того, что еще возможно новое восстание и новый под'ем. И вот в предвидении этого нового под'ема М. Н. вместе с нами потратил очень много сил, сделал очень много для лучшей подготовки нашей военной работы. У нас была здесь, в Москве, довольно большая группа людей, которые занимались военными вопросами: Кудрявцев, Гиммер, Костицын (теперь профессор математики, давно отошедший от партии вправо, но тогда большевик, член нашего военного бюро). Эти товарищи разрабатывали очень подробно вопросы нашей боевой работы. При чем мы всегда советовались с т. Покровским, которого называли тогда Домовым. Работая под этим именем, он считался среди большевиков зна-

* Речь т. Ярославского 28 апреля на траурном заседании Института Маркса — Энгельса — Ленина, Комкадемии и Наркомпроса.

током военного дела. Некоторые называли его «домовым» (у нас вообще были тогда такого рода клички. Одного из членов нашей Московской боевой организации мы например называли тогда «лешим»).

Этот интерес к военным вопросам не остыл у М. Н. Покровского и впоследствии. Вы можете проследить на всем протяжении его дальнейшей работы этот огромный интерес к военно-боевым вопросам. Я думаю, что в своем интересе к этим вопросам он был очень близок к тому, как интересовался ими Владимир Ильич Ленин, хотя конечно работа шла у них в несколько разных направлениях. Если вы проследите деятельность М. Н. после октября 1917 года, вы увидите, что очень часто в его выступлениях, как литературных, так и устных, этот интерес к военным вопросам, к военной технике играет очень большую роль.

Мне кажется, что нашим товарищам историкам следует собрать все, что относится к этой деятельности М. Н., показать, как марксист-ученый, профессор с большим именем (даже для того времени) умел сочетать в себе охват очень большого горизонта прошлого с большим охватом перспектив будущего, соединять глубоко теоретические интересы с самым боевым делом сегодняшнего дня.

И еще на одном вопросе я хотел остановиться. Это — на большой роли М. Н. в разработке вопросов, связанных с историей церкви и с ролью церкви в истории России, а также в разработке им вопроса о происхождении религии. Правда, это область, мало чем связанная с тем, о чем я только что говорил. Но я этим хочу подчеркнуть то, что М. Н. умел сочетать в себе чрезвычайно многосторонние интересы; он не замыкался в пределах какой-нибудь узкой специальной области и тем не менее он был несомненно глубоким специалистом в своей области — истории. Вот в этой области, — быть может я слишком мало знаком с литературой, — но я думаю, что первая попытка дать марксистское освещение, марксистский анализ роли церкви в истории России была сделана именно М. Н. в четырехтомнике по истории России. Вместе с проф. Никольским М. Н. разработал историю церкви с такой стороны, с какой она действительно никогда до него не освещалась. Они показали классовый характер церкви, ее значение как орудия классового государства, подчеркивая эксплуататорскую роль, которую играла церковь, и т. д.

Уже после октября 1917 года, как вы знаете, разгорелась полемика между М. Н. Покровским и И. И. Степановым-Скворцовым по вопросу о происхождении религии. Я думаю, что если бы М. Н. был здесь, он согласился бы с тем, что он во многом был неправ в этой полемике; я должен здесь сказать, что было бы оскорблением памяти М. Н., если бы мы сказали, что в его работах не было никаких ошибок. Несомненно, в работах М. Н. по истории религии, как и в других, были ошибочные положения. Но М. Н. чрезвычайно оригинально поставил ряд вопросов, связанных с историей происхождения религии. И в конце концов, несмотря на то, что дискуссия была очень короткая (закончилась она очень скоро), она помогла нам усвоить целый ряд вопросов, связанных с историей возникновения религии.

Я думаю, что также и эта сторона работы М. Н. как историка заслуживает очень большого внимания.

Сейчас после смерти М. Н. мы имеем отдельные брошюры, в которых собраны речи, сказанные о М. Н. Мне кажется, что нужно сделать одну очень важную вещь: выбрать из работ М. Н., из очень многосторонних, больших его работ, самое важное и нужное, то, что можно дать широкому кругу читателей, в виде сборника. Конечно выбрать необходимо то, что сам М. Н. одобрил бы, то, что он, как сам говорил, «пылесосом уже проветрил» как следует. Дать это надо в очень большом тираже широкому кругу читателей. Это, мне кажется, наш долг перед памятью Михаила Николаевича.

Лицо социал-фашиста

Мемуары социал-демократа Зеверинга

В 1927 г. Зеверинг издал книгу о своей деятельности в качестве правительственного комиссара в Рейнско-вестфальском горнорабочем районе в 1919/20 г. В настоящее время, когда Зеверинг снова стал политейминистром, не мешает напомнить рабочим о его деятельности в качестве представителя социал-демократического правительства.

Тысячи рабочих находятся еще в социал-демократической партии. Многие рабочие все еще по старой традиции продолжают отождествлять имя социал-демократа с защитой интересов рабочих; они видят в нем попрежнему известную гарантию охраны и помощи против буржуазии.

Несмотря на систематическое предательство современной социал-демократией интересов пролетариата, все же ей еще удается благодаря ее широко разветвленному аппарату профсоюзов, кооперативов и больничных касс, благодаря богатой прессе и литературе обманывать рабочих. Книжка Зеверинга потому и заслуживает внимания, что она с беспримерным цинизмом и откровенностью показывает, как он шаг за шагом изменял рабочим. Зеверинг останавливается на некоторых столкновениях пролетариата с буржуазией, которые достигли высшей точки во время капповского путча. Последуем за его рассказом.

ПОЛОЖЕНИЕ ГОРНОРАБОЧИХ

Зеверинг начинает с описания условий жизни в Рейнско-вестфальском горном районе. С большим знанием дела он рассказывает о безотрадном существовании горняков, загнанных в «серые неприветливые дома» и тянущих, как рабы, лямку за голодную зарплату. Он рассказывает о нужде в годы войны, о дороговизне и голоде.

«Война невыносимо ухудшила условия жизни» (стр. 6).

Военная промышленность нуждалась в угле, и изголодавшиеся горняки и их жены были вынуждены работать сверхурочно.

«Рабочая сила расходовалась хищнически. Всем, кто сопротивлялся, грубо угрожали окопами и всячески их притесняли.

Слишком долго горнорабочие терпели жесточайшие лишения, выполняя самые тяжелые работы». «Слишком низко должны они были сплываться под давлением военных законов и произвола грубого начальства» (стр. 7). Таково резюме самого Зеверинга.

Революция принесла горнорабочим восьмичасовой рабочий день, но попрежнему остро стояли вопросы питания и жилища; кровопийцы-начальники не были удалены. Борьба и началась прежде все за эти элементарнейшие требования.

Как же изображает впоенный и подкупленный германским империализмом выпешедший из рабочей аристократии бывший пролетарий Зеверинг стачечное движение за улучшение «невыносимых условий существования»?

Зеверинг разрешает вопрос очень просто. Он рисует рабочих какими-то несовершеннолетними, которые вовлекаются в борьбу лишь благодаря «демагогии», «награвливанью» и «принуждению» безвестных и безответственных элементов.

...Зеверинг..

«Случалось часто, что никто не знал анонимных организаторов (собраний)... В большинстве случаев это были не местные рабочие, которые насильно врываются на рудники и так запугивали рабочие коллективы, что никто не смел протестовать против вынужденной забастовки» (стр. 12).

«Повсюду вооруженные спартаковцы с ручными гранатами и револьверами врываются на рудники и принуждали прекращать работу... Они (рабочие) ушли из копей, подчиняясь насилию, после того как несколько спартаковцев бросили в массу ручные гранаты, которыми два горняка были убиты и трое ранены» (стр. 15).

Это, само собой разумеется, не мешает Зеверингу вместе с тем клеветать и на рабочих, изображая их как простых преступников. «Убийство, грабеж, хищения и жестокости были в порядке дня» (стр. 7).

Не таким ли точно языком обыватели, лавочники и старухи пытаются внушить страх перед революционными рабочими? Несмотря на всю «ловкость» Зеверинга, его собственные показания вскрывают лживость его утверждений. Зеверинг говорит: «В большинстве случаев это были не местные рабочие» (стр. 12). А дальше:

«Поэтому не было ничего удивительного в том, что на в с е х шахтах находилось некоторое количество рабочих, готовых в своем коллективе действовать в духе спартаковских идей» (стр. 13).

«Рабочих насильно принуждали к приостановке работы» (стр. 12, 13, 15), но: «Горнорабочие были—по крайней мере в нескольких округах—почти полностью под влиянием людей, о которых никто не знал, откуда они пришли» (как таинственно!) (стр. 12). Иными словами, они почти полностью были на стороне «спартаковцев».

До какой степени рабочие симпатизировали идеям «спартаковцев», видно из дальнейшего изложения.

«При том лихорадочном состоянии, в каком еще находился немецкий народ в начале 1919 г., требование социализации углепромышленности нашло сочувственный отклик среди горняцких масс. Технический персонал копей был также распропагандирован» (стр. 11).

«Они следовали охотнее за теми, кто требовал экспроприации владельцев рудников и социализации рудничных предприятий, чем за теми товарищами, которые вызвали к разуму» (стр. 7).

Можно до бесконечности умножить число подобного рода доказательств, но у Зеверинга есть вечный припев, что рабочих можно было привлечь к забастовкам, лишь «применяя угрозы и насилие».

«Большинство рабочих уступало неохотно и не без колебаний».

ПОЛЕВЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И ОТХОД ОТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Рабочие скоро поняли, что социал-демократическое правительство и профсоюзы совсем не были склонны улучшить существенным образом их материальное положение. Они начали сомневаться в том, возможно ли найти выход средствами «демократии».

«Вопрос о советской республике или учредительном собрании был поставлен в центре внимания, и в такой сильной мере, что специфически горняцкие требования отошли на задний план» (стр. 11).

Все заметнее становится отход от социал-демократии и профсоюзов.

«Ненависть масс была направлена не только против директоров и рудничных чиновников: мишенью диких нападков нередко становились руководители профсоюзов и издатели газет...» (стр. 7). «Борьба теперь в первую очередь и с особой остротой была направлена не против горнозаводского управления, а против горнорабочих организаций» (стр. 12).

Социал-демократическому правительству удалось снова путем обещаний и кровавых бань сдержать на миг рабочих. Но рабочие стремятся к решительным действиям. Все вновь и вновь настойчиво вспыхивает борьба за социализацию. Положение обостряется. В конце марта нейнарская комиссия—организация революционных рабочих Рура—созывает делегатскую конференцию. Она постановляет не вести больше никаких переговоров с правительством и высказывается за всеобщую стачку как средство проведения своих требований.

Сначала правительство отвечает на это методами осадного положения. Однако «неискусное и нецелесообразное применение осадного положения» (стр. 23), как называет Зеверинг аресты, преследования и расстрелы рабочих, вызывает еще большее возбуждение и возмущение. 6 апреля 400 тыс. горняков готовы к стачке.

Правительство беспомощно. Становится ясно, что нужны новые методы для того, чтобы разбить движение. В этот тяжелый

момент Зеверинг становится вершителем судеб рабочего класса.

ЗЕВЕРИНГ— ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КОМИССАР

Зеверинг обращается с воззванием к «товарищам». Он говорит о соглашении и о «смягчении резкостей, допущенных военными». Он хотел бы разговаривать с рабочими как представитель рабочих и действовать на пользу рабочих как рабочий. Он обещает, что «расположенные в Бохумском округе войсковые части, стянутые сюда без особой острой нужды», будут отозваны и что «будет облегчено» осадное положение там, где оно было объявлено (стр. 27).

Однако при первой встрече с главнокомандующим, генералом фон-Ваттером, произведшим на Зеверинга впечатление «свежего, открытого, проникнутого чувством ответственности солдата», Зеверинг раскрывает перед ним свой план. Нужно использовать ни к чему не обязывающие переговоры для того, чтобы оторвать от движения несознательных рабочих, видящих еще в Зеверинге свое спасение. Военные остаются попрежнему верхней опорой правительства.

Генерал вполне одобрил этот хитрый план.

«Он признал также правильным, чтобы, действуя методами соглашения, оттянуть членов профсоюзных организаций от забастовочного движения» (стр. 30).

Несмотря на это, Ваттер «живо» возражает против предполагаемого отвода войск. Но и здесь Зеверингу удается полностью его успокоить: он этого вовсе и не предполагал.

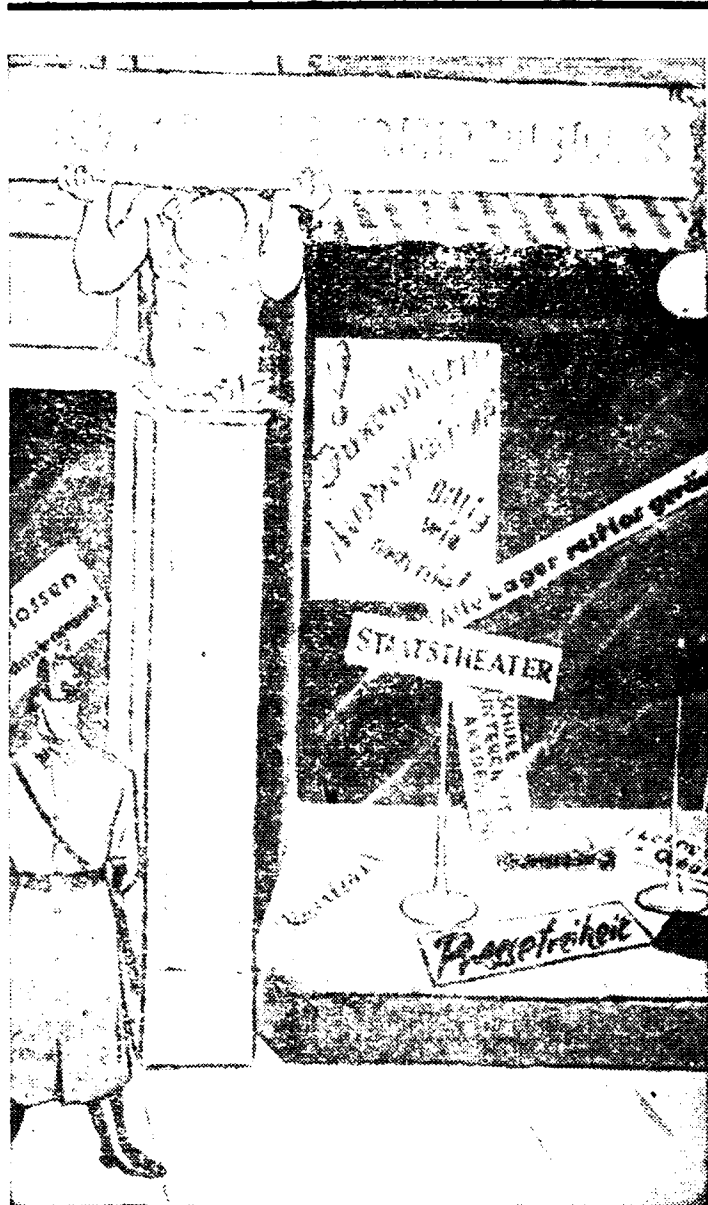
«Я ему возразил, что я ни в коем случае не думал высказываться за всеобщий отвод войск. Там, где они нужны для охраны заводских помещений и населения, они должны остаться» (стр. 30).

Но что мешает при этом давать обещания рабочим?

«Задача состоит в том, чтобы снова пустить в ход производство. При этом необходимо считаться с доброй волей рабочих, раздражать которых было бы в настоящий момент величайшей глупостью» (стр. 30).

Зеверинг хочет быть вполне лояльным. Он и впредь не допустит никаких «своевольных» воззваний.

«Мы договорились о том, что в будущем воззвания политического характера и ме-

„Дешевая распродажа демократии“. Германская республика распродает все „достижения революции“, как например выборы в завком, „свободу печати“, пособия по инвалидности и т. п. Магазин закрыт, так как уже все распродано

роприятия решающего значения будут приниматься и публиковаться лишь при личном участии и с личного согласия командующего корпусом и правительственного комиссара» (стр. 31).

ЗЕВЕРИНГ — ШТРЕЙКБРЕХЕР

В тот же день Зеверинг демонстрирует перед генералом Ваттером первый маленький опыт своей будущей деятельности. Недолго думая, он—заметьте—в 1919 г., вскоре после революции, издает приказ, напоминающий закон об осадном положении 1851 г.:

«1. Все мужское население в возрасте от 17 до 50 лет обязано в случае надобности по требованию муниципальной власти выполнять необходимые работы на всех предприятиях, служащих сохранению общественного хозяйства.

2. Кто не подчинится требованию, обращенному к нему на основе пункта 1 настоящего приказа, тот будет оштрафован денежным штрафом до 500 марок или же подвергнут тюремному заключению сроком до 1 года» (стр. 32).

Это распоряжение произвело большую сенсацию даже в официальных кругах. Позже оно было отменено властями, и штрафы были признаны незаконными. Но цели своей оно достигло.

«Власти имели право задерживать идейных руководителей стачки (т. е. любого революционного рабочего) и заставлять их выполнять общественно необходимые работы. Зачинщики стачки попали таким образом в не особенно приятное положение. Они либо подчинялись этому распоряжению и тогда выбывали из движения, вызывая разочарование у своих товарищей, либо они отвергали обязательные работы, и в таком случае власти имели возможность расправиться с ними иным образом» (стр. 32).

Таким образом стачка «мало по малу распалась». Теперь не могло быть и речи об исполнении обещаний Зеверинга. Выставленное почти всеми заводскими собраниями, конференцией союза немецких горнорабочих и других горняцких организаций требование об отводе войск «встретило слабый отклик».

За единственную уступку, сделанную рабочим,—введение семичасовой рабочей смены,—Зеверинг извиняется в весьма выразительной форме: эта уступка была выгодна лишь для буржуазии.

«Представители союза горнорабочих заявляли, что противодействие движению за сокращение рабочего времени было бы недопустимым в силу тяжелого продовольственного положения. По тем же соображениям сохранение восьмичасовой смены не означало бы увеличения продукции». Зеверинг готов сделать уступку рабочим лишь в том случае, когда это не причинит вреда буржуазии.

Однако все его любезные услуги не находили сочувствия у военных. Зеверинг горько жалуется на то, «какими непонятливыми оказываются часто местные командиры». Его воззвание «к товарищам» с обещанием отвода войск из некоторых мест стало известно и в Эссене. Об этом пустяке Зеверинг уже успел забыть. Однако командующий войсками в Эссене забил тревогу и потребовал объяснений. Зе-

веринг с большой готовностью оправдывается перед ним.

«Это (отвод войск из Эссена) я отвергал, ибо я совершенно не желал, чтобы весь Рур был оголен от войск. Напротив, был живейшим образом заинтересован в том, чтобы известные районы были заняты сильными войсковыми частями» (стр. 33).

Вместо того, чтобы удовлетвориться этим «частным» объяснением и промолчать, эссенский командующий войсками издал следующее распоряжение:

«Вывешенное в Эссене воззвание правительственного комиссара не имеет, согласно разъяснению правительственного комиссара Зеверинга, никакой силы для Эссена и вывешено незаконно. Командующий войсками Кайзер» (стр. 36).

Вполне понятна досада Зеверинга на «непонятливость» военного, разоблачившего своего собственного верного союзника.

Этот случай имел еще свое комическое продолжение. Доктор Лютер и доктор Шмидт (Рурское объединение по производству котлов) были привлечены к военному суду за то, что вывесили плакат с воззванием Зеверинга. Последний попытался заступиться за этих господ. Тогда военное командование заявило ему, что Лютер и Шмидт «симпатизируют спартаковцам».

Зеверинг, само собой разумеется, присмирел. Всегда жаждущий выслужиться, он спешит довести до сведения общест-венности, что Шмидт «представляется ему мало подходящим к роли руководителя городской полиции в Эссене» (стр. 37).

ЗЕВЕРИНГ СОЗДАЕТ ШКОЛУ

Зеверинг не ограничивается разгромом рабочих в собственном округе. За короткое время он приобрел такой опыт, что скоро почувствовал себя «специалистом» в деле борьбы против рабочих. Когда в Верхней Силезии начались «беспорядки», Зеверинг спешит в Катовицы, чтобы «поделиться своим опытом» со своим другом Герзингом.

По совету Зеверинга Герзинг издает в управляемом им округе штрейкбрехерский приказ, аналогичный зеверинговскому.

«И здесь в результате приказа Герзинга стачка начала ослабевать и скоро провалилась» (стр. 49).

«КОГДА ГОТОВ» — ПРОТИВ РАБОЧИХ

Свое штрейкбрехерство Зеверинг пытается обосновать продовольственной нуждой и высшими государственными интересами. В Верхней Силезии бастующие потребовали снятия особенно ненавистного комиссара.

Во вступлении к своей книге Зеверинг нам рассказывает о преследованиях рабочих со стороны «грубых комиссаров». В снисходительном тоне повелителя он повествует:

«Некоторые из поступивших ко мне жалоб были, пожалуй, преувеличенными, но все же в общем создается впечатление, что масса обладает тонким чутьем того, как к ней относятся. При товарищеском, хотя и не особенно хорошем, отношении она сравнительно легко мирится с трудностями. К сожалению, нельзя сказать, чтобы подобное обращение особенно практиковалось» (стр. 51).

Однако Зеверинг признает справедливость жалоб отнюдь не для того, чтобы их удовлетворить. Он хочет лишь показать, что сам он во всех этих «спорных случаях» всегда охраняет интересы буржуазии. Старых профсоюзников он старается убедить в том, что снятие директоров, на которых особенно жалуются рабочие, было «несправедливостью». И так как Зеверинг за «справедливость», то он не может терпеть «подобного произвола». Там, где подобные рассуждения, распространяемые им устно и письменно, оказывали свое действие, дело разрешалось «демократическим путем». В противном случае, храбро заявляет Зеверинг, «требовалась решительная помощь».

Смакуя, как садист, он рассказывает о том, как «интересно» происходило водворение обратно одного особенно жестоко обращавшегося с рабочими горного агента, доктора Фиклера. Несмотря на то, что шахтный рабочий комитет «состоял из спокойных и рассудительных товарищей, он не решался, не рассчитывая на успех, довести до сведения делегатского собрания мою точку зрения» (стр. 51). Зеверинг сам отправляется на собрание, на котором присутствовало 2 тыс. человек. Свое выступление он кончает заявлением, что «Фиклер под моей охраной снова возвратится к исполнению своих обязанностей». Возмущение этим решением было столь велико, что «кое-кто из недисциплинированной молодежи при моем отъезде

стал бросать камни в мою коляску» (стр. 51). Так Зеверинг вполне убедительно доказал, что он является вернейшим слугой горных директоров, за которых он готов буквально дать побить себя камнями.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ НУЖДА И БЕСПОРЯДКИ

Доведенные до крайности голодом и спекулятивными ценами рабочие ухватились за меры самопомощи. Они ввели на рынках твердые цены на овощи, фрукты и другие продовольственные продукты. Эти принудительные меры Зеверинг называет «грабежом», «ужасными бесчинствами» и отвечает на них «посылкой сильных войсковых частей» (стр. 65), жестокостями и расстрелами.

По своему обыкновению Зеверинг не удовлетворяется простым констатированием этих фактов. «Особо интересные случаи» он излагает со всеми подробностями, с тем, чтобы наглядно продемонстрировать свою плодотворную деятельность. Он останавливается на событиях в Билефельде. «Беспорядки возникли на рынке и состояли в том, что мужчины и женщины заставили торговцев вопреки их желанию (заметьте!) продавать фрукты, свежие овощи и рыбу» (стр. 66).

Полиция оказалась беспомощной в первый момент. Правление с.-д. партии и профсоюзы в воззвании в «Volkswacht» попытались убедить рабочих, чтобы они отказались от «принудительной продажи» (выходит, не грабеж!), так как «это могло лишь привести к повышению цен». Но Зеверинг не полагается на действие социал-демократического воззвания. Он приводит охрану и заставляет ее стрелять в собрание, которое осмелилось обсуждать продовольственный вопрос.

ЗЕВЕРИНГ — УБИЙЦА

Тогда «дело дошло до диких эксцессов... Была брошена ручная граната, которая убила нескольких участников собрания и многих ранила!..» (стр. 66, 67).

«Требование выдачи убийц, само собой разумеется, не было удовлетворено» (стр. 67).

Однако Зеверинг боится, что при таком описании: «пришло», «случилось», «были убиты», буржуазия может не заметить той руководящей роли, какую он сыграл в погромах рабочих. Поэтому он подчеркивает:

«Все направлялись ко мне, так как стало известно, что я лично обратил внима-

ние полицейского управления на необходимость предохранительных мер и дал соответствующие распоряжения» (стр. 67).

Далее он рассказывает, как сильно ненавидели его рабочие за его кровавые дела и как ему угрожала тысячеголовая масса. Но он вызвал армию: «тогда-то и Билефельд дождался осадного положения» (стр. 68).

С той же наглостью рассказывает Зеверинг о своих действиях и в других городах, например в Дортмунде:

«По мнению многих рабочих, дортмундская охрана действовала слишком резко» (стр. 69).

Когда вследствие этого большинство крупных предприятий потребовало роспуска рейхсвера, Зеверинг холодно ответил:

«Это требование выдвинуто в состоянии возбуждения и уже по этой причине не может быть выполнено» (стр. 69).

ЗЕВЕРИНГ — ПРОВОКАТОР

Желание Зеверинга солидаризироваться с убийцами настолько велико, что он совсем теряет голову. В своем стремлении обелить рейхсвер он делает драгоценное признание:

«Мирные обыватели, знакомые с местными условиями, вопреки сложившемуся мнению, дали мне понять, что здесь имела место провокация» (стр. 69).

Господину Зеверингу конечно лучше известно, имела ли место провокация с целью инсценировать беспорядки и потом ввести белый террор. Может быть всерьез собираетесь утверждать, что рабочие оплачивают известные креатуры для того, чтобы они их затем выдали защитникам порядка? У Зеверинга нередко встречаются подобного рода подтасовочки. Так, чтобы оправдать свои мероприятия против рабочих, он вспоминает требование революции: «Грабители должны быть наказаны смертью». Изголодавшихся рабочих, прибегающих к принудительным мерам против паразитов и спекулянтов, которые отнимают у них последние запасы путем произвольно взвинченных цен, он приравнивает к мародерам. Но это значит дать самому себе пощечину, ибо он показывает, что революционные рабочие не терпят грабителей в своих рядах. Но быть может еще сыщутся дураки, не знающие это? На них-то он и собирается спекулировать.

ЗЕВЕРИНГ ПОЛУЧАЕТ ПОБОИ

В одном месте Зеверинг впадает в «сентиментальный» тон. Однажды на собрании

доверенных лиц он пытался раз'яснить доводы властей, защищающих решительные действия охраны против «грабежей». Во время этого раз'яснения один из присутствующих выступил с сообщением, что как раз сейчас четыре человека расстреляны войсками перед зданием ратуши.

«Путь к ратуше принадлежит к наиболее болезненным воспоминаниям моей жизни: в доме союза рабочих-металлистов и в непосредственной близости к ратуше меня решительно атаковали несколько злодеев» (стр. 68).

Ну, конечно, побои — вещь весьма болезненная!

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАЧКА В ЯНВАРЕ 1920 ГОДА

Железнодорожная стачка началась с чисто экономических требований: за «улучшение заключаемых тарифных договоров в связи с повышением цен на продукты потребления» (стр. 110).

Хорошо выдрессированные в предательстве рабочих руководители профсоюзов вели такие длительные переговоры, что рабочие потеряли терпение и в отдельных местах бросили работу. Германский железнодорожный союз конечно отмежевался от такого «дикого движения», но ему однако не удалось сорвать стачку.

Чтобы расколоть движение, Зеверинг пытается его «скомпрометировать», объявляя его политическим в связи с тем, что «спартаковцы» требовали снятия осадного положения. Чтобы завербовать хоть немногих сознательных рабочих, он предлагает правительству возможно скорее объявить о тех «уступках, которое оно готово сделать народу» (!). Он пытается всеми средствами «повлиять на доверенных лиц союза железнодорожников, чтобы они со всей решительностью выступили против дикого движения» (стр. 113).

Когда все это оказалось недостаточным, он объявляет город на осадном положении и пред'являет ультиматум, которому мог бы позавидовать любой палач:

«Кто в течение трех дней не отойдет от первоначально дикого, а ныне разжигаемого бесовскими подстрекателями и имеющего политический характер движения и не возвратится к работе, тот будет уволен железнодорожным правлением» (стр. 115).

Стачка была задушена, сотни рабочих выброшены за ворота. «У железнодорожного правления началась подлинная лихорадка увольнений» (стр. 115). Уволены были такие рабочие, которых даже Зеверинг называет «далеко не худшими». Ультиматум дошел до них слишком поздно, так что они не могли своевременно прекратить стачку.

Зеверинг называет «неподобающим такое поведение представителей власти» и становится на сторону «неправильно уволенных». Но и на сей раз он извиняется перед буржуазией, раз ясная, по каким мотивам он действовал таким образом. При этом он конечно исходил отнюдь не из любви к рабочему классу.

«Это было не только требование справедливости. В нем было заинтересовано и железнодорожное правление, которое не должно было навлекать на себя подозрение, будто оно плохо обращается как раз с теми, кто в тяжелые времена, жертвуя собой и своим добрым именем среди рабочих, призывали к спокойствию и разуму» (стр. 117).

Зеверинг обходит полным молчанием террор осадного положения. Он высмеивает «устроителей» демонстраций протеста против солдатчины: они-де не пользовались успехом, а повторные стачки протеста «давали управлению предприятий повод к увольнению сотен бастующих» (стр. 117).

Тут же между прочим он упоминает, что январское движение—стачка за повышение заработной платы — «снова потребовало десятков человеческих жертв» (стр. 117).

Это значит, что при участии и активной помощи Зеверингов десятки рабочих были снова убиты солдатами.

ВВЕДЕНИЕ СВЕРХУРОЧНЫХ РАБОТ

После усмирения железнодорожной стачки Зеверинг осмелел. От обороны он переходит к наступлению на горняков.

В начале января он принудительным порядком вводит сверхурочные работы в горном промысле.

Сверхурочные работы были не только бесстыдным грабежом рабочей силы. Сам Зеверинг признает, что с такой грубостью и бесцеремонностью введенные сверхурочные работы были совершенно излишни и оправдывались лишь «соображениями высшей политики» буржуазии. Даже рабочие, верившие Зеверингу, говорившему, что по-

вышение добычи связано с улучшением материального положения, заявляли:

«Нет ни малейшего основания увеличивать добычу тогда, когда добытый уголь не может быть вывезен и угрожает опасность пожара больших запасов угля» (стр. 129).

Бессмысленность этих сверхурочных работ была столь очевидна, что уже по истечении первого договора 14 марта сам Зеверинг и Ваттер вынуждены были высказаться за «отказ от всяких принудительных мероприятий. Вопрос же о продлении договора предоставить свободному соглашению» (стр. 130).

Во всем горнорабочем районе проводилась усиленная агитация за проведение шестичасовой рабочей смены.

Зеверинг вынужден прибавить:

«Нельзя отрицать, что столь популярное само по себе требование введения шестичасовой смены нашло сочувствие в рабочих массах. Под давлением масс правительство было вынуждено созвать комиссию и сделать вид, будто оно хочет «ближе познакомиться с вопросом». Вопреки всем этим маневрам, рабочие представители выдвинули следующее требование:

«6-часовая смена с 1 февраля 1920 г. должна быть, как правило, введена во всем горном районе Рура» (стр. 121).

Предатели рабочего дела начали борьбу против этого требования.

Прежде всего началась «идейная» подготовка. Гух и Гузман, вместе с христианскими и гиришдункеровскими профсоюзами, обвинили рабочих в том, что благодаря уменьшению добычи угля они лишают работы рабочих других отраслей производства. Горнорабочие «обязаны показать свою солидарность с другими рабочими и повысить производство». Затем пришло разяснение Зеверинга, что правительство «всемерно будет противодействовать введению 6-часового рабочего дня». С помощью профсоюзов, которые шли рука об руку с правительством, рабочим разясняли, что «политическое и хозяйственное положение Германии не позволяет в настоящее время сокращать рабочий день в горной промышленности» (стр. 123). Был установлен неслыханный террор. «Среди прочих мер» последовало запрещение заводских собраний, забастовочных пикетов и роспуск стачечных комитетов (стр. 124).

Чтобы провести принудительные работы, обратились снова к штрейкбрехерскому приказу Зеверинга от 9 апреля 1919 г.

Рабочая печать была совершенно задушена. «Было воспрещено печатание, продажа и распространение всех вновь выходящих газет, журналов, листовок и плакатов всех направлений» (стр. 124).

Когда, несмотря на все это, в различных шахтах Гамбургского, Эссенского, Гельзенкирхенского, Дортмундского районов рабочие пытались бросить работу после 6 часов, «этому воспрепятствовали» (какими методами, в это Зеверинг нас не посвящает). После всего этого «товарищ» Зеверинг похваляется:

«В истории профессионального рабочего движения всех времен было мало таких актов, которые, подобно этому, с самого же начала были обречены на провал» (стр. 124).

Но Зеверинга это не удовлетворило. Он знал, что лучшим закреплением победы является дальнейшее наступление. Таким наступлением было введение сверхурочных работ.

«Настроение было сломлено, и теперь волей-неволей должны были принять сверхурочные работы» — говорит Зеверинг.

Каково было, по собственному признанию Зеверинга, положение горнорабочих в это время?

«Начиная с середины декабря 1919 г., сократилось снабжение хлебом. Бохумский округ в течение последних 4 недель вместо причитающихся ему 12 тыс. получил лишь 4.800 двойных центнеров муки... Горнорабочие нередко вынуждены были спускаться в шахты без хлеба... Нехватало всего, не только жиров и муки, но и картофеля...» (стр. 73).

Горнорабочие вынуждены были «возмещать этот недостаток, совершая нередко дальние поездки за картофелем, мукой и салом» (стр. 73).

«Почти все горнорабочие вынуждены были заниматься мешочничеством. Поездки были столь утомительны, что в последующие дни рабочие не могли справиться со своей работой» (стр. 73).

«Более чем естественно, что в силу недостаточного снабжения продовольствием рабочие отказывались от сверхурочных работ» (стр. 127).

Несмотря на все уговоры, «ни одна организация в этот момент не решалась, вместе с горным союзом, взять на себя ответственность за введение сверхурочных работ» (стр. 125).

...в ногу...

Тогда за это взялся Зеверинг вместе с командующим войсками. Они попросту ввели сверхурочные работы принудительным порядком. Объяснение Зеверинга, почему необходимо было применить принуждение, положительно очаровательно! Так как рабочие не соглашались добровольно, то «было установлено, что без принуждения со стороны властей нельзя провести сверхурочные работы».

Но как просто было, оказывается, отказаться от принуждения:

«...Правительство охотно отказалось бы от всякого принуждения, если бы можно было добиться дополнительной добычи добровольным соглашением заинтересованных сторон» (стр. 128).

Зеверинг превзошел все ожидания буржуазии. Его усиленно чествовали — правда, не рабочие. Тогдашний старшина Эссенской торговой палаты — тайный советник доктор Кватц предложил Зеверингу место председателя дюссельдорфского (провинциального) правления, «так как я, по его мнению, сумел справиться с тяжелой обстановкой в Дюссельдорфском округе» (стр. 129).

ЗЕВЕРИНГ И КАППОВСКИЙ ПУТЧ

Зеверингу недолго пришлось наслаждаться своей победой над горняками. Обнаглевшая солдатчина считала, что настало ее время, ибо теперь можно обойтись без Зеверинга и открыто объявить

монархию. Из Берлина пришла весть о капповском путче.

Капповский путч поставил Зеверинга, так же как и всю социал-демократию, перед дилеммой: либо сделать дальнейший шаг и связать себя на жизнь и на смерть с открытой реакцией и милитаризмом, либо же вместе с рабочими повести борьбу по всей линии.

С беспримерным единодушием пролетариат поднялся против капповцев.

На чью сторону стать?

Зеверинг колебался недолго. Он высказался за сохранение буржуазного государства, даже если придется пойти вместе с открытыми монархистами.

Он бежит к Ваттеру и пытается доказать ему, сколь ложным шагом было бы прикнуть к Каппу. Его войска не устоят против рабочих, «они будут сломаны, как спички» (стр. 134).

Скрыть от рабочих свои действительные намерения—такова заповедь политической мудрости. Ваттер не располагает достаточной военной силой для того, чтобы открыто заявить о своих политических симпатиях:

«Посылка слабых войсковых частей в промышленные районы без этой ясной установки (вернее сказать, без того, чтобы они и з о б р а ж а л и из себя республиканцев) была бы равносильна их разгрому» (стр. 134).

Все эти просьбы и соображения Зеверинга остались без последствий. Ваттер решил подождать. Он может себе это позволить. Зеверинг—ничто без него. Если капповское предприятие будет проиграно, он всегда успеет использовать Зеверинга для разгрома рабочих во имя «демократии».

Зеверинг не строил себе никаких иллюзий ни о Ваттере, ни о добровольческом отряде. Он рассказывает сам:

«Никто не сомневался в том, что все офицеры готовы были уступить Каппу Западную Германию» (стр. 149).

Над казармами развевались черно-белокрасные знамена. Войска шли со знаменами, призывавшими к поддержке Каппа.

Уже при первых столкновениях добровольческие отряды держали себя так вызывающе, их поведение по отношению к населению было настолько провокационно, «что они возбудили не только ненависть рабочих, но и во многих случаях недо-

вольство всего населения» (стр. 157).

Однако Зеверинг не даст ввести себя в заблуждение подобными пустяками. Его позиция хуже, чем позиция мелкой буржуазии, в части своей симпатизировавшей рабочим.

«В Гагене даже демократы и центр требовали вооружения рабочих» (стр. 145).

Даже самые отъявленные реакционеры заняли более левую позицию, чем Зеверинг:

«В Дюссельдорфе даже германская национальная народная партия требовала отзыва военного руководства» (стр. 158).

Только Зеверинг ничего не желал и не требовал. Он лишь делал попытки «сглаживать и выпрямлять». Ваттера и его соратников он изображал как верную опору конституционной власти. Даже в самых крайних случаях он не останавливается перед защитой военщины.

«Допрашивая Газенклевера, я не мог установить, является ли он сторонником капповского правительства» (стр. 146),—так говорит Зеверинг о человеке, у которого были найдены воззвания о поддержке Каппа.

Все его симпатии—на стороне капповских преступников. Пресловутого Лихтшлага, который «имел обыкновение обращаться с населением, как с жителями враждебной страны», он изображает так:

«Стройная, рослая фигура, солдат до кончика ногтей, человек необыкновенной личной храбрости, сорви-голова... Его отряд был ему искренно предан».

Социал-демократ Зеверинг но-отечески наставляет его:

«Такая тактика была бы достаточно во вражеской стране, но здесь одним лишь наскоком ничего не достигнешь» (стр. 153). Когда 16 марта Ваттер открыто отрекся от Каппа, дело которого было окончательно проиграно, Зеверинг в листовках и объявлениях поспешил разъяснить, что Ваттер стоит «безоговорочно на платформе старого правительства» (стр. 151), а войска ставят себе задачей «обеспечить мирной работе необходимую ей безопасность» (стр. 151).

«Историческую ошибку генерала Ваттера» Зеверинг видит лишь в том, что тот запоздал с признанием поражения капповского предприятия на три дня. «Его ошибка—в недостатке политической дальновзоркости». Продолжая защиту Ваттера, Зеверинг прикидывается наивным:

«Мне неизвестны факты, которые могли бы обосновать это обвинение» (что Ваттер поддерживал Каппа) (стр. 151).

А где был Ваттер с 13 по 16 марта, господин Зеверинг? Капповцы, всюду проводившие борьбу, были разбиты наголову. Попытка вернуться к старым методам и рассказывать сказки о «выступлениях и беспорядках рабочих» не удалась. Все население было настроено резко против капповского путча. Широчайшие круги считали, что военщина—единственный виновник того, что движение приняло такие размеры. Увеличились случаи неповиновения и даже перехода на сторону пролетариата. Рабочие завоевывали одну позицию за другой. Стало совершенно ясно, что без моральной поддержки социал-демократии всякий акт, направленный против пролетариата, был бы в то время обречен на неудачу.

Заявление Ваттера развязало Зеверингу руки. Кончились времена мирных переговоров. Надо готовиться к борьбе.

«Вот почему командующий и я были постоянно озабочены тем, чтобы стянуть войска» (стр. 168).

Это была действительно трудная задача. Зеверинга осаждали, требуя, чтобы он не посылал никаких войск. Железнодорожники часто отказывали в транспорте. Социал-демократы, наиболее верная опора Зеверинга, начинали выступать против Ваттера. При этом не было недостатка в «тягостных недоразумениях», которые почти что уничтожали все старания Зеверинга.

БОЛЕЕ РОЯЛИСТ, ЧЕМ САМ КОРОЛЬ

Мюнстерский социал-демократический Комитет действия подал жалобу на Ваттера, и рейхсканцлер Бауэр распорядился по телеграфу:

«Расследовать и приостановить жалобы на Ваттера» (стр. 169).

Эти глупцы приняли ответ всерьез и огласили его как «сенсационное разоблачение» (вместо того, чтобы напечатать его в таком месте, где оно не бросалось бы в глаза):

«Начато расследование против генерала Ваттера».

Зеверинг был этим извещением «совершенно сражен» (стр. 169). Он спешит присоединиться к протестам офицеров. Он заверяет, что он «больше еще, чем офи-

церский корпус, глубоко сожалеет о случившемся, как по политическим, так и по личным основаниям» (стр. 169). Зеверинг угрожает подать в отставку, если отзовут Ваттера и тем «раздробят силы», необходимые для того, «чтобы предотвратить страну от наихудшего» (наихудшее для Зеверинга—это революция).

Борьба против «наихудшего» еще не может начаться. Стягивание войск еще не доведено до конца. Зеверинг должен выиграть время. Из январских и других боев он знает, как это делается. Пока что он разглагольствует о демократии, обещает реформы в организации охраны. Он в высшей степени озабочен тем, чтобы не допустить пролития крови, ибо «дело идет, к сожалению, о рабочей крови». Он ласков и добр. Он заявляет, что никакие войска не придут в Рур «до тех пор, пока не будут исчерпаны все средства, чтобы сговориться с рабочими» (стр. 171).

Чтобы устранить всякое недоразумение, Зеверинг считает необходимым оправдаться перед буржуазией за эти речи и более подробно изложить свои взгляды. Проявленное им «послабление» имело вполне реальную основу:

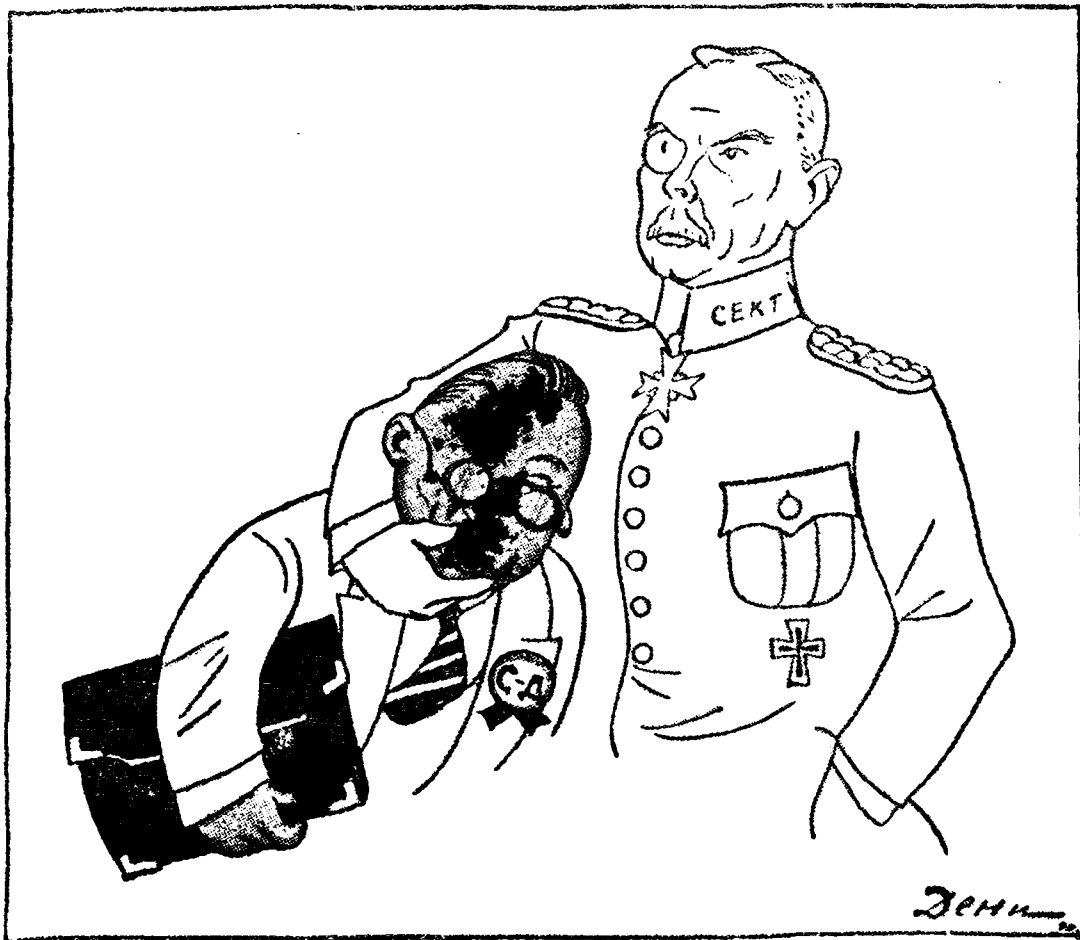
«При всем желании командование не могло выставить больших сил. Вся область была оголена от военных и полиции» (стр. 172).

Зеверинг развивает свою программу:

«При отсутствии достаточных военных сил я не мог действовать ни в каком случае... ибо это привело бы... к новому успеху зачинщиков. Я мог дать свое согласие на ввод новых войск в Рурскую область лишь в том случае, если бы превосходство силы армии сделало невозможным всякое сопротивление» (стр. 172).

Однако в Рурской области было 50 тыс. готовых к обороне рабочих.

Борьба не могла быть решена одной лишь силой армии. Поэтому необходимо было, «пока стягивались войска», попытаться еще раз подействовать испытанным методом переговоров. «Было бы уже большим достижением», если бы удалось расколоть борющихся, если бы удалось «изолировать те части красной армии, которые хотели превратить борьбу в бессмысленную резню и в простой грабеж (для Зеверинга борьба с реакцией является бессмысленной резней и простым грабежом)... оторвать от движения ту часть рабочих, которые присоединились к нему лишь для защиты конституции» (стр. 173).

...Генеральский сотрудник

Лишь к этой цели—к расколу пролетариата—призывал Зеверинг билефельдскую конференцию. Он говорит сам:

«Если считать проявлением слабости эти соображения, повлекшие за собой созыв билефельдской конференции, то подобное обвинение меня нисколько не трогает. Наоборот, если когда-либо в жизни я получал ничем не омраченное удовлетворение в своей служебной деятельности, то это было от созыва билефельдской конференции» (стр. 173).

Революционный пролетариат больше не верил обещаниям Зеверинга и принимал оборонительные меры против его маневров. Но большинство рабочих шло еще за вождями, которые в лучшем случае были оппортунистами или же, как Зеверинг, открытыми предателями. Во время всеобщего подъема они не смели идти против настроений масс, но тотчас же отступали, как только в процессе борьбы появлялись трудности. Переговоры были приманкой, на которую они охотно поддавались, чтобы снять с себя ответственность.

Однако на этот раз им предстояла «отнюдь не легкая задача» (стр. 183). Обещания, которые правительство вынуждено было дать рабочим на билефельдской конференции, чтобы оторвать их от движе-

ния,—показатель того, какой силы достигло движение.

Результаты билефельдского соглашения были таковы:

«Пункт 2. Немедленное разоружение и наказание всех виновных в путче или в свержении конституционных правительств, в том числе и чиновников, предоставивших себя в распоряжение незаконного правительства.

Освобождаются от наказания все те, кто отошел от контрреволюционного движения до момента заключения настоящего соглашения, но не позже 8 часов утра 25 марта».

«Пункт 3. Основательная чистка от контрреволюционеров всех общественных учреждений и управлений предприятиями... Восстановление всех представителей организаций, отстраненных от общественной работы по политическим или профсоюзным соображениям».

«Пункт 6. Немедленно приступить к социализации созревших для этого отраслей хозяйства. В основу социализации положить постановления комиссии по социализации, к участию в которой привлечь представителей профсоюзов...»

«Пункт 7. Роспуск всех изменивших конституции контрреволюционных военных формирований и замена их надежными

республиканцами, особенно из среды организованных рабочих, служащих и чиновников».

«В связи с этим,—по мнению комиссии,—подлежат роспуску корпуса Люцова, Лихтеншлага и Шульца...» (стр. 178 и 179).

Зеверинг не обмолвился ни единым словечком о том, каким образом провести в жизнь все эти решения. Как будто совершая переход к порядку дня, он лишь указывает, как «удачно» сошел его хитрый трюк. Он называет это «разделением фронтов». «Профсоюзные работники, сторонники демократов, центра и социалистов большинства очень скоро отвернулись от рабочей армии» (стр. 181).

«С каждым днем оказывались все более изолированными эти безрассудные люди, не слушающие никаких резонансов», т. е. революционные рабочие (стр. 183). Однако Зеверинг и не думал использовать ослабление пролетариата для ликвидации движения мирным путем. «Несмотря на хорошие результаты билефельдского соглашения, под ружьем стояло еще до 10 тыс. рабочих». Им нужно было противопоставить численно превосходящую их армию. «С этой целью для стягивания войск шла непрерывная работа». Эта цель была достигнута лишь к концу марта. Зеверинг решительно опровергает мнение, будто он хотя бы день медлил с избивением рабочих. «Неверно утверждение, будто несколько лишних дней было потеряно» (стр. 183).

Измена Зеверинга льет воду на мельницу капповцев. Они сразу же начинают поднимать голову. Полковник Гогенштейн пишет в бюллетенях военного командования, что в билефельдском договоре о перемирии «приняты во внимание лишь требования противной стороны (т. е. рабочих), а не военного командования» (стр. 184).

Этот откровенный язык вывел Зеверинга из себя: «Не знаю, кого думал успокоить полковник этой заметкой» (стр. 184).

Но и правительство не находит более нужным считаться с «ослабевшим» врагом. Когда стало ухудшаться положение «изолированных» и «безрассудных», когда Эссенский центральный совет 28 марта хотел начать переговоры, правительство потребовало полной капитуляции.

Своими «дополнениями» к этому требованию правительства генерал Ваттер чуть было не испортил всей тонкой рабо-

ты Зеверинга. Они открыли глаза даже готовому вести переговоры Эссенскому центральному совету и побудили его провозгласить всеобщую стачку и продолжать борьбу. Слишком рано генерал Ваттер показал рабочим свое подлинное милитаристское лицо. Это снова вызвало величайший отпор со стороны рабочих. Они поняли, что их единственное спасение—борьба с белой армией. Слова «белая армия» Зеверинг иронически ставит в кавычки. Начинают исчезать «хорошие результаты» билефельдского соглашения. Рабочие снова сплываются.

Снова Зеверинг пускает в ход свое хитрое искусство, чтобы загладить «неловкость» Ваттера. «И снова перо должно было восстановить то, что уничтожил меч» (стр. 202). Чтобы создать иллюзию, что он взял все дело в свои «социалистические» руки, Зеверинг заставляет правительство предоставить ему расширенные полномочия. Сам он не придает никакого значения этим полномочиям и именуется иронически: «так наз. расширенные полномочия» (стр. 192).

Зеверинг спешит успокоить Ваттера: «Я никогда не собирался играть роль гири у ног командующего» (стр. 192).

«Никогда не собирался», итак — *carte blanche* всевластному Ваттеру и его добровольческому корпусу! Пусть действуют, как им только заблагорассудится!

31 марта Зеверинг приглашает партийных руководителей и делегатов исполкома на новое обсуждение, при чем отобраны были такие, «в которых я был уверен, что они вместе со мной, пусть и по иным мотивам (да позволено будет спросить, какими мотивами руководствовался «друг рабочих» Зеверинг? — *Р. Л.*), будут стремиться избежать лишнего кровопролития при неизбежных военных операциях» (стр. 189). Зеверинг считает ошибочным рассматривать эту конференцию как «Мюнстерский мир» (стр. 189). Он совершенно не думал заключать с рабочими мир. «Главную цель заседания я видел в том, чтобы сообщить представителям рабочих твердое решение правительства установить порядок при помощи военных».

Зеверинг играет массами, как искусный жонглер. Он приглашает лишь тех «представителей рабочих», о которых он заранее знает, что они не будут бороться против него. Им вполне достаточно будет

показать плеть (сообщить «твердое решение правительства»), чтобы привести их к повиновению.

Какова цель мюнстерской комедии?

Зеверинг цинично разъясняет:

«Мюнстерская конференция ценна была постольку, поскольку она успокоила возбуждение последних двух дней» (стр. 190).

На Мюнстерской конференции Зеверинг обещает рабочим отсрочку еще на два дня. По этому поводу он говорит сам: «Лишь чудом можно было выполнить ко 2 апреля поставленные правительством условия» (стр. 191).

Аппарат социал-демократической партии снова показал себя во всеоружии лжи и искусства разложения. Вся с.-д. пресса старалась воздействовать на население, «чтобы обеспечить войскам вполне сознательный и достойный прием» (стр. 209). Она «содействовала сближению населения с рейхсвером» (стр. 208).

Подобно враждебной армии в начале войны, революционные рабочие были объявлены вне закона. Зеверинг называет теперь рабочих не иначе, как «грабителями и вымогателями», «преступниками» (стр. 182), «отъявленной бандой», «борющейся толпой», «бандой мародеров», «дикими бандами», которые воруют и грабят, бродяжничают и поджигают (стр. 184, 191, 194, 201).

Так Зеверинг называл рабочих, в большинстве своем принадлежавших к его собственной партии, организованных в профсоюзы и между прочим, как показали позднейшие списки, более чем наполовину состоявших из женатых рабочих, имевших по 2—3 ребенка.

Зеверинг совсем забыл, что несколькими страницами выше он писал:

«Независимый с.-д. Людвиг из Гагена пригласил делегатов посетить вместе с ним промышленный район, где все находится в наилучшем порядке» (стр. 175).

Он забывает также и другие свои слова:

«В первые дни (когда бои служили еще защите его друзей в правительстве) наблюдалась достойная удивления военная дисциплина» (стр. 195).

Позже, когда дело разгрома рабочих было завершено и Зеверинг мог снова стать «гуманным», он роняет признание, что те, кого он выдал солдатчине, были не какими-либо бандитами, а трудолюбивыми рабочими, на законных правах защищавшимися от нарушивших присягу военных.

«Что знали отряды господина фон-Аулка или Россбаха о законной самозащите трудолюбивых рабочих против нарушивших присягу военных? Для них всякий рабочий, восставший против Каппа, был большевиком, его пытать и уничтожить казалось им патриотическим делом» (стр. 250).

Тщетно просил Жозеф Эрнст в обращении к гагенскому боевому центру не допускать впредь сосредоточения войск, обещая в 1—2 дня мирно уладить дело. Тщетно еще 3 апреля Эттингауз убеждал в необходимости отозвать войска. Тщетны были заявления пленарного заседания исполкома промышленной области от 1 апреля о том, что оно позаботится о немедленном проведении билефельдского соглашения при сохранении принятой в Мюнстере отсрочки (стр. 197).

Эти просьбы и пожелания не имели успеха. Они лишь показали сведущему врагу, что рабочие этих районов слишком слабы, чтобы бороться. Зеверинг заявляет:

«Эти просьбы и пожелания были приняты во внимание в той степени, в какой они отвечали военным планам Ваттера» (стр. 197).

«Сначала (какое ценное «сначала»! — Р. Л.) необходимо было сконцентрировать силы в тех районах, где имелась еще красная армия».

Очередь остальных районов тоже наступит в свое время.

«Только теперь, когда войска выступили в поход, обнаружился весь успех билефельдского соглашения и мюнстерских переговоров. До 6 апреля войска заняли без боя Дуисбург, Мюльгейм, Гельзенкирхен, Буер, Герне и Дортмунд. 7 апреля заняты были Бохум и Эссен. Ряды красной армии поредели. Дело ограничилось лишь отдельными стычками» (стр. 205).

Результат билефельдского соглашения Зеверинг видит в том, что рабочие без боя сдались на милость разнузданной солдатчины. Он вполне прав.

В течение многих месяцев натравливания против большевиков-коммунистов социал-демократии удалось представить методы «голового насилия» как несовместимые с честью дисциплинированного и организованного пролетариата. Эти рассуждения оказывали свое действие на рабочих, не освободившихся из-под влияния с.-д. вождей.

Они не знали, что социал-демократия лишь тогда выступает против насилия, ко-

гда оно направлено против буржуазии. Они не знали, что они фактически находятся вне закона и всякое насилие над ними может сойти безнаказанно.

Войска, введенные Зеверингом, вели себя в районах борьбы хуже, чем во вражеском лагере. Они чувствовали себя, как в старой кайзеровской Германии. Они привезли с собой черно-бело-красные знамена, провозглашали «ура» кайзеру, расклеивали антисемитские воззвания, в некоторых местах принуждали рабочих петь «Heil Dir im Sieger Kranz» (стр. 207).

Начались массовые аресты. Достаточно было какого-либо непроверенного доноса, чтобы «предать военному суду спокойнейших граждан и рабочих» (стр. 211).

Арестовывали совершенно случайных людей, и «сотни сидели неделями без допроса» (стр. 227).

«Сотни арестованных не были повинны ни в каком преступлении... Несмотря на то, что арестованных освобождали сотнями, количество их не уменьшалось, так как на освобождающиеся места приводили новых» (стр. 211). В судах кипела работа, тем не менее «арестованные неделями ждали допроса» (стр. 224).

Естественно, что при такой сутолоке на арестованных не обращали ни малейшего внимания.

«...Стариков и молодых, здоровых и больных сажали вместе, что приводило к росту заболеваний».

«Насилия и самовольные расстрелы отмечались ежедневно». Раненых добивали. «В Гамме двоих раненых рабочих посадили на один стул и затем расстреляли». «Расстрелянных самовольно, без всякого допроса, исчисляли сотнями».

«На братском кладбище под Гаммом лежит 98 расстрелянных рабочих» (стр. 210).

«В Реклингаусском районе в течение нескольких дней было вынесено 33 смертных приговора из числа 66 обвиняемых, для которых требовали смертной казни» (стр. 216).

Этой участи не избегли и собственные «партийные товарищи» Зеверинга, которые раньше всех попали к нему в сети. Они также познакомились с тюрьмой и подверглись насилиям и произволу. Когда Ваттер решил из-за перегруженности судов делами освободить из тюрьмы социал-демократических рабочих, то «число арестованных видимо сократилось» (стр. 225). Социал-демократические рабочие разделили участь своих товарищей по классу, в

то время как Зеверинг даже перед лицом этих бесчинств берет под защиту классовых врагов пролетариата и пытается смягчить и сгладить все их преступления.

Он лишь в очень скромных тонах указывает военным властям, что было бы неразумно наказывать тех рабочих, которые «были в нужде их лучшей опорой».

«Но старые услуги плохо вознаграждались военными» (стр. 209).

Сочувствие Зеверинга носило чисто теоретический характер. На практике он облегчал вешателям их работу, пытаясь всячески их выгородить.

Изложение их преступлений перемещало у него например с такими рассуждениями:

«Конечно не все донесения были обоснованы... При существовавшем возбуждении все рисовалось в более мрачном свете» (стр. 210).

Поведение войск генерала Гааса, шедшего под черно-бело-красными знаменами, распространявшего антисемитские воззвания и предпринявшего массовые аресты, Зеверинг называет «безукоризненным и безупречным» (стр. 207).

Совместное тюремное заключение больных и здоровых, «приводившее к росту заболеваний», Зеверинг, — как ни невероятно это звучит, — называет «относительно сносным» (стр. 225).

Оскорбления и издевательства над иностранными корреспондентами, из коих один был расстрелян, Зеверинг называет лишь «бестактностью» военных (стр. 213).

Зеверинг повторяет всю клевету, распространяемую военными о рабочих. По Зеверингу, среди населения вплоть до право-настроенных кругов, господствовало представление, будто официальные военные донесения нарочно преувеличивали положение дел, чтобы обосновать и извинить некоторые «недоразумения» с войсками» (стр. 218).

Зеверинг считает, что «не будет преувеличением, если назвать поведение левой прессы бессовестной травлей».

И здесь Зеверинг не отстаёт от буржуазии. Он вслед за ней занимается травлей рабочих. Он перечисляет целый список «преступлений» революционных рабочих и пишет: «Трудно сказать, на чьей стороне было больше жестокостей» (стр. 212).

Зеверинг, рассказывавший, что «после вступления войск не было больше никаких настоящих боевых столкновений» (стр.

217), все же пытается и рабочих сделать ответственными за бойню.

«Здесь, в этой кровавой гражданской войне, казалось имела место лишь жажда мести и нечеловеческая жестокость» (стр. 213).

Террор принял такие размеры, что «возбудил опасение даже в тех кругах, которые желали применения строгих мер по отношению к зачинщикам» (стр. 250).

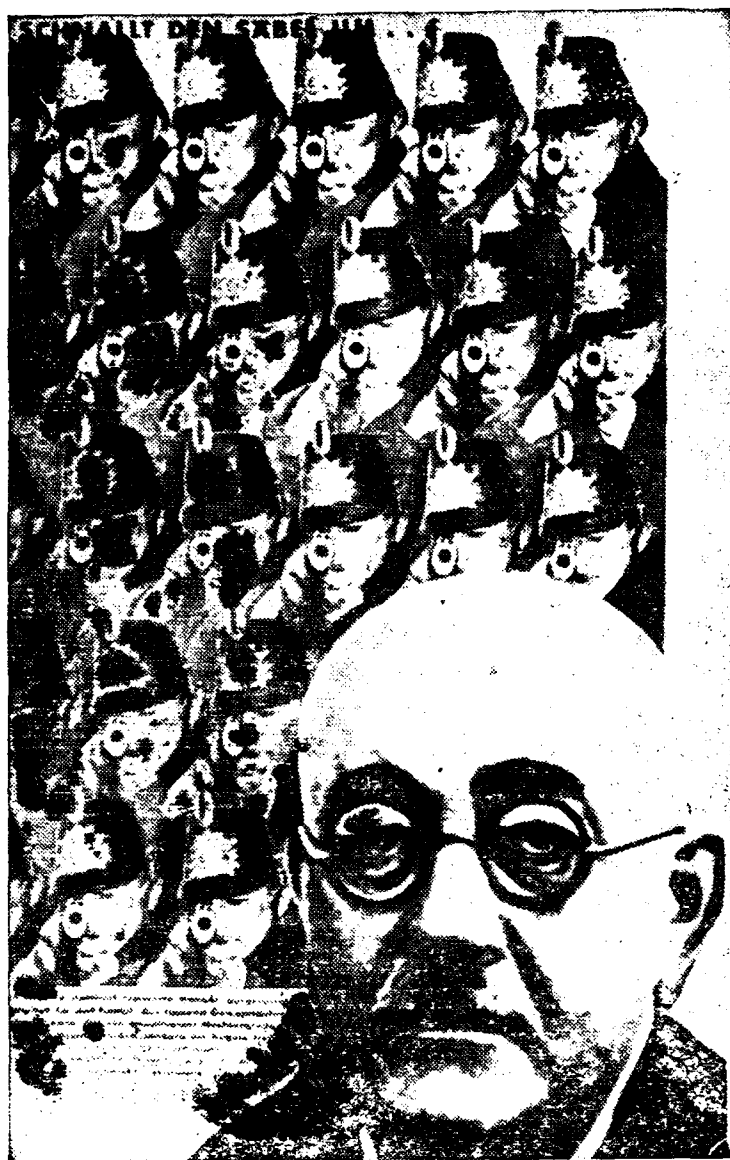
Не Зеверингу, а некоему Ярресу принадлежит проект реорганизации военных судов, с которым он обратился к Зеверингу. Сам Ваттер вынужден был издать приказ войскам, чтобы умерить неслыханные бесчинства. Требование отставки Ваттера было также делом не Зеверинга, а парламентской комиссии, состоявшей из представителей центра, демократов и социал-демократов.

Многие социал-демократические рабочие и низовые функционеры, помогшие Зеверингу спасти «государственный разум» и вместе с ним изменившие революционным рабочим, были искренне убеждены в том, что войсками распоряжается социал-демократическое правительство. Об этом позаботился уже Зеверинг, сообщивший в прессе, что Ваттер «безоговорочно подчиняется конституционному правительству». Однако Зеверинг очень хорошо знал, что это неверно. Он знал, кем был Ваттер и что представляли собой войска.

«Где можно было в то время сыскать войска, которые повиновались бы социалистическому вождю?» (стр. 181).

Зеверингу были известны по прежней борьбе также и те методы, которые применялись военными против рабочих. Но тогда речь шла скорее об авангарде пролетариата. Борьба против капповского путча была массовым движением в широком смысле этого слова. Зеверинг знал, что он выдает военной клике с головой эти массы, и среди них—сотни своих партийных товарищей. На этот раз он больше не мог ссылаться на формальную «демократию», ибо большинство рабочих было за изгнание и наказание капповцев и по крайней мере за усиление контроля над государственным аппаратом. Зеверинг видел, что социал-демократия пала до простого придатка военных, больше того—до вывески, которая должна была покрывать все их преступления.

Зеверингу оставалось еще утверждать, что он не ожидал бесчинств в таком раз-
мере и что он не мог больше совладать с

НОСКЕ ЛЮБУЕТСЯ... 9 марта 1932 г. социал-демократ Носке выступил в Ганновере перед полицейскими с речью, в которой между прочим заявил: «Передо мной ОКОЛО ТЫСЯЧИ человек, выдрессированных стальной дисциплиной, прекрасно вооруженных, подготовленных к борьбе. Из тысячи ружей, дулами которых могут пользоваться все мечтающие о насильственном захвате власти, можно не только стрелять, но и попадать». Редакция немецкого коммунистического журнала «АИЦ», помещая этот монтаж, указывает в примечании: «Просят не смешивать господина Носке ни с Вильгельмом II, ни с Гитлером. Он „был“, „есть“ и „будет“ честным социал-демократом».

силами, которые он сам вызвал. Он пытается также обелить себя различными lamentациями о проделках военных.

Но тут происходит нечто чудовищное. После всего того, что он знал, и после всех его «lamentаций» Зеверинг снова повторяет свою игру.

Борющиеся рабочие спаслись от наступающего врага в занятую область. Нищета беженцев была невыразима. Без денег, без убежища и пищи они кочевали из города в город. Не это однако беспокоило Зеверинга. «Бегство в занятую область вызывало необходимость проведения важнейшей задачи — сдачи оружия» (стр. 127).

Беженцы захватили с собою оружие, и

о нем-то Зеверинг и беспокоится. Надо заманить беженцев обратно.

Зеверинг и Ваттер обращаются с воззванием к беженцам. Они обещают, что «всякий, кто хочет вернуться к работе, не встретит никаких препятствий» (стр. 218).

Воззвание вызвало огромное возбуждение. Население видит, что беженцы будут обмануты и снова безжалостно выданы военным. Зеверинга штурмуют со всех сторон, убеждая «не доверять военным» (стр. 218). «Не поддается описанию, как обходился рейхсвер с людьми, заподозренными в участии в движении».

Беженцы им тоже не доверяют и не решаются вернуться.

Зеверинг прибегает к уловке, «к посредничеству лиц, пользовавшихся доверием масс и личным влиянием» (стр. 220), а также «специальной комиссии по делам беженцев» (стр. 220).

Находившиеся в безвыходном положении беженцы вынуждены были вернуться... чтобы быть арестованными, преследуемыми, наказанными драконовыми военными судами. И Зеверинг с невинным видом заявляет: «Конечно часто войска обманывали меня и Ваттера».

Зеверинг сам сообщает о двух расстрелах «во время бегства» и спрашивает лицемерно, будет ли искуплено это убийство? (стр. 222).

Он заранее знал, что дело примет такой оборот, и писал:

«Несмотря на распоряжение генерала, дисциплина совершенно не укрепилась, так что при вступлении войск надо было ожидать подобных жестокостей» (стр. 230).

Однако он остерегается утверждать, что это вступление войск совершилось без его согласия. «Такое мнение было неверным» (стр. 230).

Всю операцию нужно было проделать как можно скорее. Германия стояла перед выборами, до этого срока необходимо было водворить спокойствие. Итак, «время, чтобы начать атаку, было определено само собою» (стр. 230).

Стесняться Зеверингу было нечего. Рабочие были побеждены, организации сознатального пролетариата разбиты. «Центральный совет влачил жалкое существование». Таким образом без всякого риска можно было напасть на беззащитных.

«В этих условиях вряд ли можно было ожидать большого сопротивления» (стр. 229).

Это разоружение было заключительным подвигом Зеверинга.

Из изложения Зеверинга всплывает его образ как злейшего врага рабочих. Он по мере надобности то клеветает и издевается над рабочими, то раскалывает их. В этой работе вешателя его не могло остановить никакое насилие и убийство.

Своих союзников и рабочих он мерит двумя различными мерками. Он оправдывает армию, которая, по его собственному признанию, была виновна в величайших насилиях и которую его собственная пресса называла «убийцами из-за угла в мундирах», и третирует революционных рабочих как воров и грабителей. Ведь армия лишь положила предел «грабёжам, поджогам и вымогательствам» (стр. 227).

Зверства войск он называет «бестактностью», «глупостью», «нецелесообразностью», «ограниченностью» и т. д.

Не следует однако думать, что Зеверинг не прибегает к более резким выражениям по врожденной деликатности. Когда речь идет о рабочих, он выражается совершенно иначе. Тогда он находит слова вроде: «банда», «борющаяся толпа», «известные преступники», «убийцы» и т. д.

Он полностью перенимает терминологию буржуазии. Перед каждым кровопусканием,—все равно, идет ли речь о разгроме стачки или о ликвидации последствий капповского путча, — почти автоматически всплывают эти истасканные фразы в том виде, как их употребляет любая контрреволюция:

«Грабежи», «поджоги», «вымогательства», «спокойствие» и «порядок».

На предприятиях—«неизвестные подозрительные элементы, молодежь, подстрекатели, насильно принуждающие рабочих к борьбе».

Против рабочих дозволены все средства: сословные суды, о которых он потом скажет, что их «вообще не следовало применять» для водворения спокойствия и порядка, насилие и убийства.

Эта двойственность ярче всего выражена в следующих словах: «против путчистов справа рабочие находили средство во всеобщей стачке, а против недисциплинированных вооруженных банд из их собственной среды иных средств не было» (стр. 180). Все эти жертвы, сотни калек, убитые, которых Зеверинг насчитывает до 1 тыс. человек, разбитые жизни,—все это не мешает Зеверингу «испытывать все же

спокойное удовлетворение при подведении этого грустного баланса» (стр. 231).

Зеверинг доказывает, что он неразрывно связан с буржуазией. На обвинение партии центра, что он не обнаружил «достаточно силы», он отвечает:

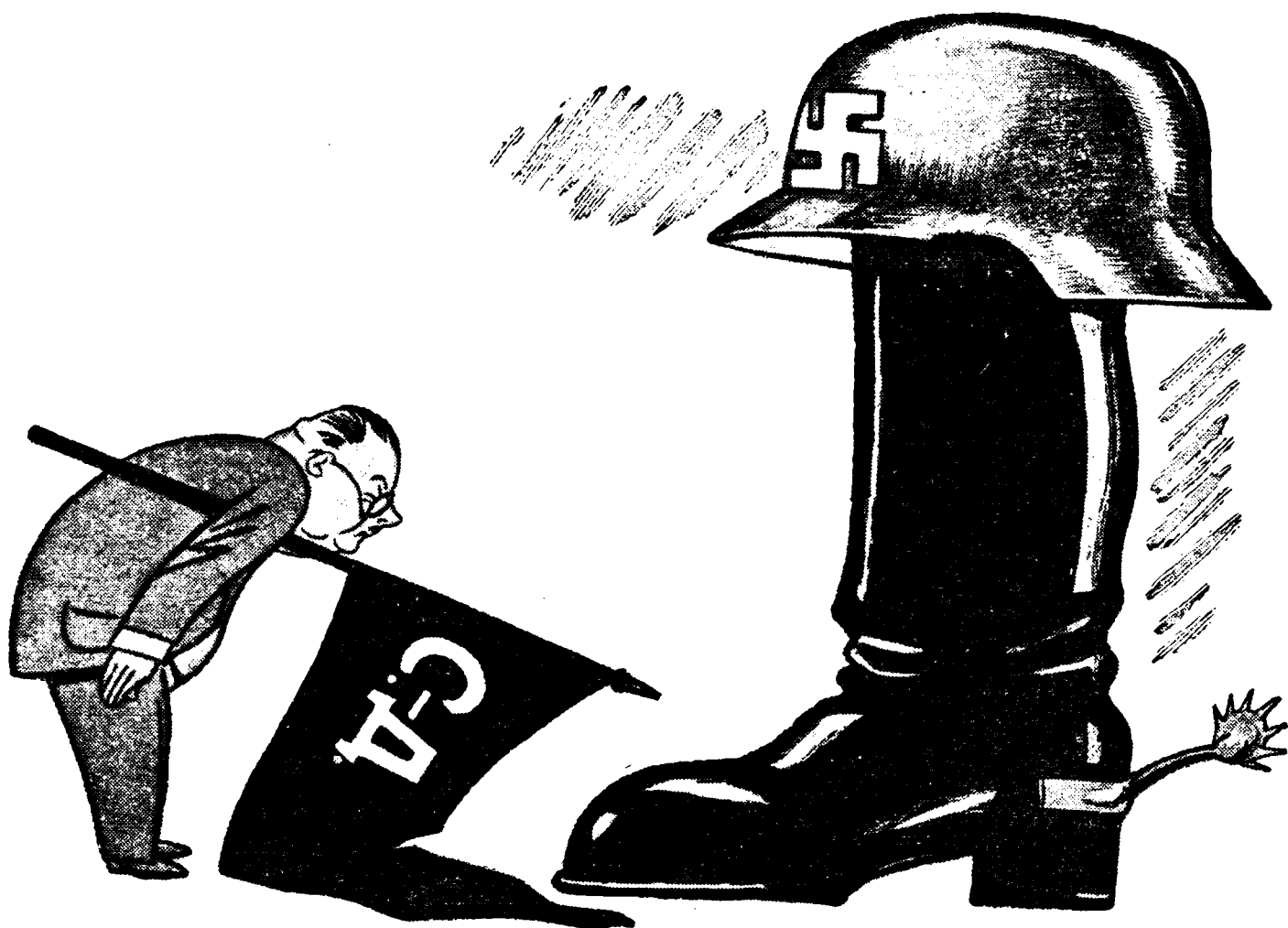
«Это обвинение меня удивило, ибо до сих пор я думал, что отдал свою личность, свое имя, свою честь, короче говоря, все для спасения государства от надвигавшейся анархии» (стр. 203).

А против обвинения в разрыве с рабочим классом он заявляет:

«С самого начала я отдавал себе ясный отчет в том, что я рискую своим хорошим именем и немалым фондом доверия среди рабочих. Я знал, что вскоре придется оставить Рур с именем черносотенца (Schwarzen Mann) и предателя рабочего класса» (стр. 33). Но это его не беспокоит.

И теперь еще он может держать наготове против них дубинки и ружья лишь потому, что еще многие рабочие следуют за вождями социал-демократии.

Но широчайшие рабочие массы начинают понимать и скоро поймут окончательно, что Зеверинг (социал-демократия)—это самый ярый и опасный враг пролетариата.

Ленин и Парижская коммуна

Парижская коммуна, «этот сфинкс, задавший такую трудную задачу буржуазным мозгам» (Маркс), до сих пор остается тем величайшим событием XIX века, вокруг которого не прекращаются самые ожесточенные споры представителей различных классовых сил и направлений.

Коммуну пытались забыть, замолчать, ее значение и уроки пытались извратить, но всякий раз снова и снова грозный призыв коммуны заставлял явных и скрытых врагов рабочего класса возвращаться к этой теме.

Со своей стороны классики марксизма неизменно обращались к опыту Парижской коммуны и подчеркивали ее всемирно-историческое значение. У Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина мы неизменно находим одну и ту же оценку Коммуны.

Маркс в своей «Гражданской войне во Франции», написанной в Лондоне в 1871 г., заявлял, что «тайна ее (Коммуны) заключается в том, что она по существу своему была правительством рабочего класса».

Двадцать лет спустя Энгельс в своем предисловии к третьему изданию «Гражданской войны» Маркса писал: «В последнее время филистер снова стал обнаруживать ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое диктатура? Вспомните в Парижскую коммуны. Это была диктатура пролетариата».

Среди многочисленных высказываний Ленина мы находим у него заявление, относящееся к апрелю 1917 г., о том, что «советы — власть того же типа, какого была Парижская коммуна»¹.

Наконец т. Сталин в своих лекциях «Основы ленинизма» в 1924 г. говорил:

«Республика Советов является таким образом той искомой и найденной наконец политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская коммуна была зародышем этой фор-

¹ Ленин, Соч., т. XIV, ч. 1-я, стр. 24, изд. 1-е. Цитирую Ленина везде, где не оговорено, по третьему изданию.

мы. Советская власть является ее развитием и завершением»².

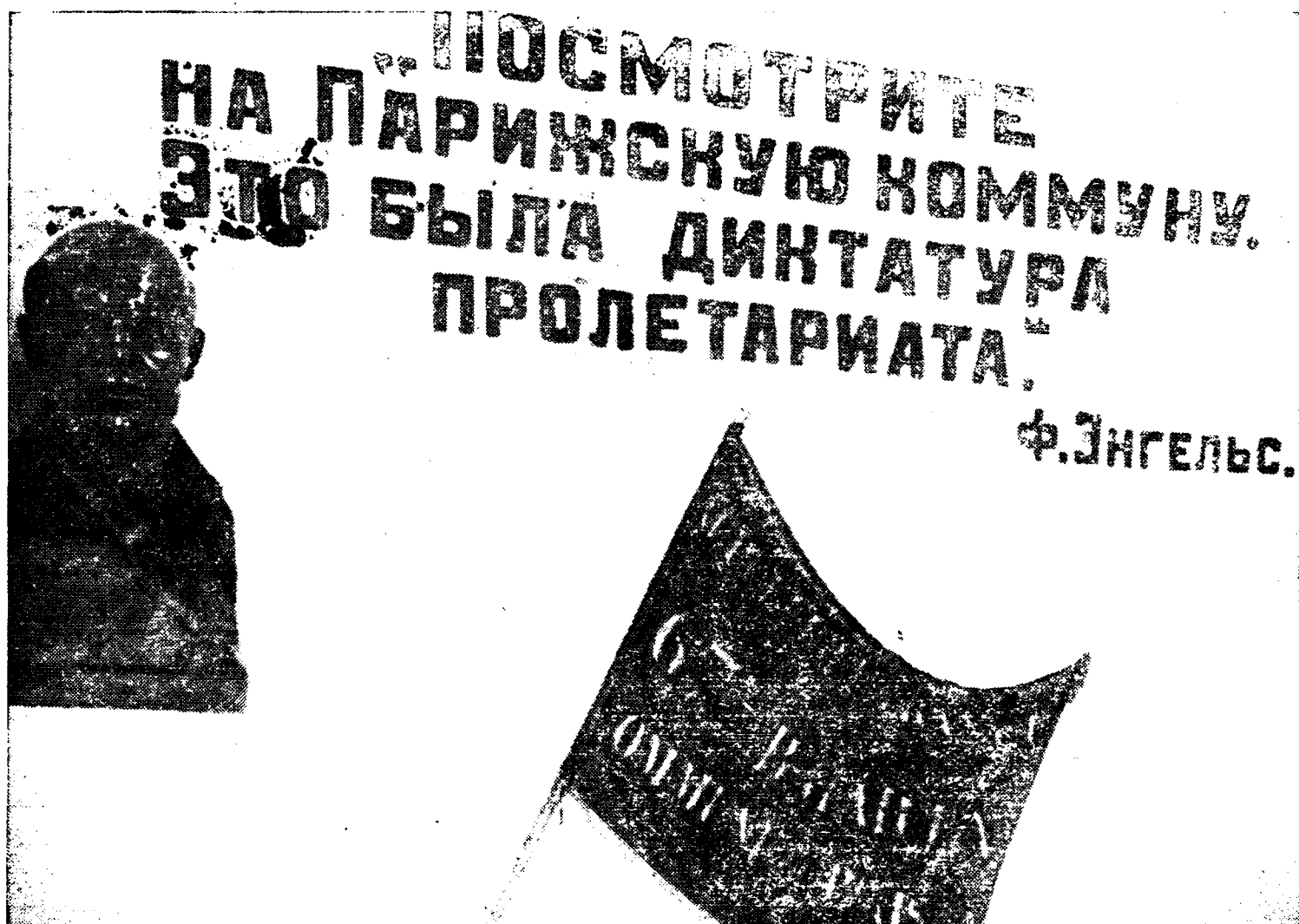
Естественно, что Ленин с чрезвычайной серьезностью изучал опыт Парижской коммуны.

Неудивительно также, что оппортунисты разного толка, социал-фашисты исписали десятки тысяч страниц, чтобы затушевать, извратить истинный смысл Коммуны. От Фольмара, Бернштейна, Каутского и Троцкого до их достойных продолжателей они делают одно и то же дело: извращают уроки и значение Коммуны. Это особенно неприкрыто делается в наши дни. Так например в с.-д. литературе, вышедшей в связи с 60-летием Коммуны в прошлом году, опыт Коммуны подвергается самому беззастенчивому извращению. В частности социал-фашист Г. Вендель в своей статье по поводу 60-летия Парижской коммуны, помещенной в с.-д. газете «Der Abend» от 18 марта 1931 г., задает такой вопрос: «Была ли Коммуна диктатурой пролетариата, как ее еще и теперь представляет московский комсомол?» И отвечает: «Коммуна не сделала ничего социалистического, ни даже революционного», она была лишь «бланкистским путчем». Политический смысл всех подобных утверждений совершенно ясен.

Ленин на протяжении всей своей политической деятельности боролся с оппортунистическим извращением уроков Коммуны как в российском, так и в международном социалистическом движении. При этом он изучал историю Коммуны с той исключительной тщательностью, о которой говорят хотя бы материалы по подготовке его книги «Государство и революция», опубликованные в XIV Ленинском сборнике, и его «План чтения о Коммуне», опубликованный в XVI Ленинском сборнике.

Все, что Ленин оставил нам о Парижской коммуне, составляет величайшее богатство, на основе которого еще должна быть написана подлинно научная марксистско-ленинская история Парижской коммуны. Не-

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 36.

Знамя Парижской коммуны

сомненно историки-марксисты много занимались изучением Коммуны и имеют в этой области заслуги. Этот факт ставят им в «вину» наши враги вроде белоэмигранта Востокова, который пишет, что в Советской России создали своего рода культ Парижской коммуны и что «русские марксисты изучают революционную топографию Парижа с таким же неослабевающим вниманием, с каким русские византологи изучали историческую топографию Царьграда». Необходимо однако со всей силой подчеркнуть, что разработка ленинского наследия в этой области еще впереди.

Ленин изучал историю Коммуны как вождь и организатор революционной борьбы пролетариата. Именно это обстоятельство с исключительной наглядностью подтверждает то марксистское положение, что история нас учит, что история является объяснительной главой к политике. Ленин неоднократно высказывал это в связи с Парижской коммуной, в истории которой он видел первый опыт осуществления диктатуры пролетариата.

«История нас учит,—писал Ленин в те-

зисах «О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата»,—что еще нигде угнетенный класс не получал и не мог получить власти без предшествовавшего периода диктатуры»¹.

В статье «К истории вопроса о диктатуре» Ленин пишет: «История всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре. Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области»².

Историю Коммуны Ленин изучает прежде всего под этим углом зрения.

Как истинный вождь революционных марксистов Ленин с самого начала отличался от так называемых марксистов II интернационала тем, что он «распространял признание борьбы классов до признания дик-

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 37, изд. 1-е.

² Ленин, т. XVII, стр. 349—350.

Коммунары

татуры пролетариата». Идея диктатуры пролетариата проходит красной нитью через все его работы.

Начиная с самого первого и кончая самым последним высказыванием о Парижской коммуне, Ленин подчеркивает и исходит в своем анализе опыта Коммуны из того бесспорного для истинного марксиста факта, что Коммуна была диктатурой пролетариата.

Но вместе с тем Ленин, отправляясь от Маркса и следуя за ним, отнюдь не скрывает ошибок Коммуны. Систематически изучая ее уроки, как это мы покажем ниже, он всячески подчеркивает всю несовершенство этой первой диктатуры рабочего класса.

«Из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей,—говорил он в январе 1918 г.,—мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение»¹. Коммуна была лишь «зачатком советской власти»².

В своей статье «Памяти Коммуны», написанной в связи с 40-летней годовщиной Коммуны (1911 г.), Ленин дает исключительно глубокий, блестящий и сжатый анализ истории Коммуны. Этот очерк, дающий цельное представление о точке зрения Ленина на вопрос, «в чем заключается наследство Коммуны» (Ленин), представляет исключительный интерес. «Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял,—пишет там Ленин. — Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица сре-

ди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии, негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу, реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики,—все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии. Это было невиданным в истории событием»³.

Конечно указание Ленина на стихийность восстания не следует понимать так, что Коммуна вообще не была подготовлена. Вся деятельность I интернационала указывает на то, что готовилась именно пролетарская революция. И недаром Маркс писал, что это восстание «является славнейшим подвигом нашей партии».

Каков был характер этого восстания?

«Власть перешла к пролетариату,—говорит Ленин. — Но в современном обществе пролетариат, поработенный капиталом, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску»⁴.

Такой же сжатый и четкий ответ дает Ленин на вопрос о составе, о движущих силах восстания. «Вначале движе-

¹ Ленин, т. XXII, стр. 205.

² Там же.

³ Ленин, т. XV, стр. 157.

⁴ Там же, стр. 158.

ние было крайне смешанным и неопределенным,—пишет он. — К нему примкнули и патриоты... Его поддержали и мелкие лавочники... Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы... Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники)... Только рабочие до конца остались верны Коммуне»¹.

Наконец, касаясь причин поражения Коммуны, он пишет: «Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддержанная, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение... Буржуазной коалиции... удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата...

Для победоносной социальной революции нужна наличность по крайней мере двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 году оба эти условия отсутствовали... С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса... Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы» (159).

Значение Коммуны велико; Коммуна «первой на деле,—как говорил Ленин,—осуществляла идею диктатуры пролетариата»².

Так характеризует Ленин значение опыта Коммуны для революционного движения пролетариата.

Однако как вождь этого движения он всякий раз, когда в ходе политической борьбы обращается к этому опыту комму-

¹ Ленин, т. XV, стр. 158.

² Там же, стр. 90.

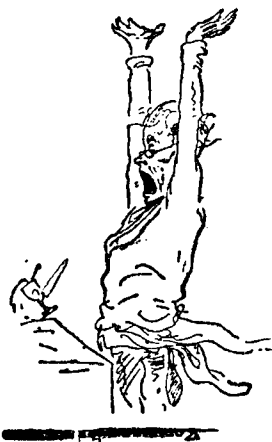

Thiers
Nach einer Zeichnung von André Gill

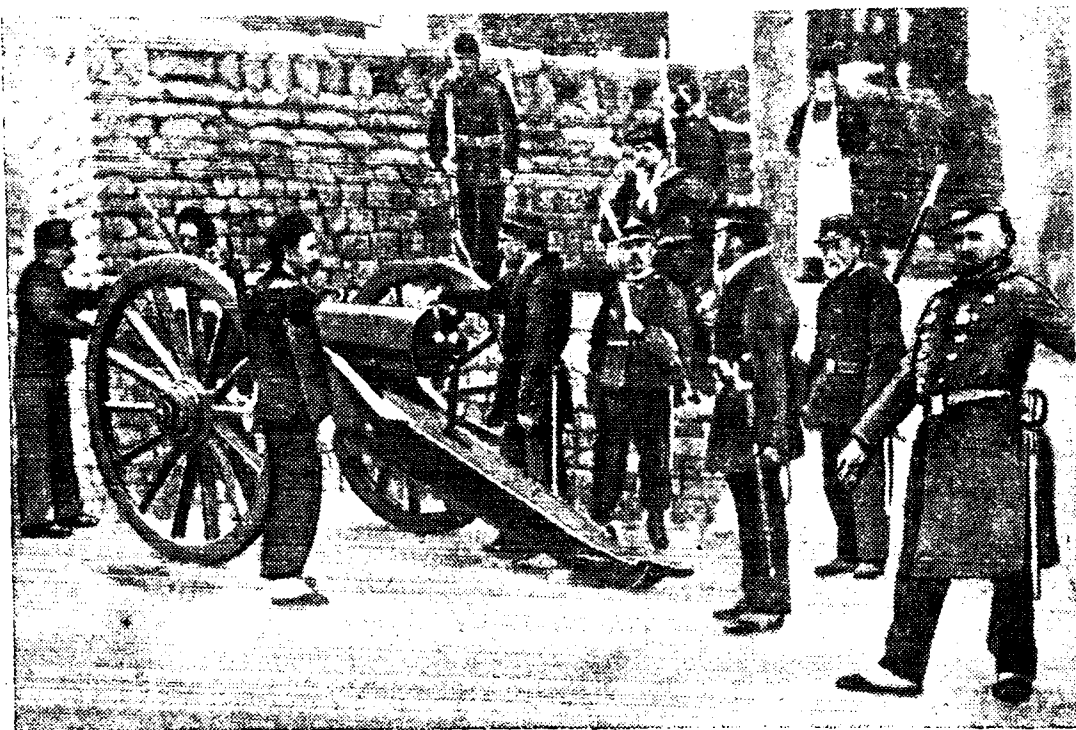
Тьер

наров, выделяет актуальные лозунги Коммуны, соответствующие положению дел в каждый данный момент.

При анализе опыта Коммуны Ленин целиком отправляется от высказываний Маркса и Энгельса при изучении истории Коммуны и неустанно борется с оппортунистами II интернационала за очищение истинного смысла и значения этих высказываний от навоза оппортунистических комментаторов. Однако Ленин далеко не ограничился этим. Используя опыт Коммуны, он поднял

Версальцы

Коммунары у баррикады
на Вандомской площади

изучение ее истории на новую ступень. Ленин, неизменно фиксируя свое внимание на главном—на ее значении как диктатуры пролетариата, неизменно используя ее положительный опыт и лозунги, неизменно подвергая беспощадной критике все ошибки Коммуны, отираясь при этом от положений Маркса и Энгельса, разрабатывал далее теорию диктатуры пролетариата, теорию пролетарского государства. На основе опыта Коммуны и революции 1905 г., он пришел к идее советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата. Тов. Сталин по этому поводу с полным основанием говорил: «Ленин не знал еще в 1915 году советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата. Ленин знал еще в 1905 г., что отдельные советы являются зачатком революционной власти в период свержения царизма. Но объединенную в государственную форму диктатуру пролетариата он еще не знал тогда. Республику Советов, как государственную форму диктатуры пролетариата, Ленин открыл лишь в 1917 г.»¹

«Ленин открыл советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата,—писал далее т. Сталин,—использовав для этого опыт Парижской коммуны и русской революции».

* * *

¹ Сталин, Об оппозиции, стр. 520.

Опыт Парижской коммуны Ленин начал изучать с самого начала своей революционной деятельности. Во всяком случае уже в 1903 г. в № 44 «Искры» он в своей статье «Национальный вопрос в нашей программе» называет Парижскую коммуны «величайшим движением пролетариата в XIX веке»². Из опубликованного в XVI Лен. сборнике «Плана чтения о Коммуне» и других данных видно, что в эпоху 1905 г. у Ленина имелся разработанный план специальной работы по истории Парижской коммуны.

В эту же эпоху, в эпоху революции 1905 г., как известно, разгорается жаркий спор между большевиками и меньшевиками по вопросу о допустимости участия социал-демократов во временном правительстве, которое должно прийти на смену царской монархии. Меньшевики защищают свой известный тезис о том, что пролетарская революция должна произойти в первую очередь обязательно в стране наиболее развитого капитализма. Исходя из этого, меньшевики намечают тактику в революции 1905 г.; меньшевистская конференция записывает: «Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках, именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны».

² Ленин, т. IV, изд. 1-е, стр. 243.

В июле 1905 г. т. Воровский выступает против меньшевиков со статьей «Парижская коммуна и задачи демократической диктатуры», помещенной в № 8 «Пролетария». Эта статья до последнего времени считалась написанной Лениным; Ленину принадлежит в ней, как известно теперь, лишь последний абзац, в котором он говорит, что «реальной задачей, которую пришлось выполнять Коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум»¹. Говоря о проведении «программы-минимум», Ленин прежде всего указывает лишь на один период развития классовой борьбы того времени. При этом общеисторическое значение Коммуны как первого опыта диктатуры пролетариата, на что Ленин всегда указывал, нисколько не умаляется. В том-то и была гениальность Ленина, что он мог проанализировать данный конкретный момент в развитии революции 1905 г. в свете опыта одного из периодов революции 1871 г. Это сравнение приобретает исключительную важность в связи с ленинской теорией перерастания. В итоге из этой «исторической справки» Ленин в своем заключительном абзаце делает два практических вывода.

Первый вывод для переживаемого тогда периода в связи со спором большевиков с меньшевиками заключался в том, что «участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно»².

Второй вывод, касающийся изучения опыта Парижской коммуны, заключался в том, что, «извлекая уроки для себя из Парижской коммуны, мы должны подражать не ее ошибкам (не взяли Французского банка, не предприняли наступления на Версаль, не имели ясной программы и т. д.), а ее практически успешным шагам, намечающим верный путь»³.

При чем Ленин считает, что «не слово «коммуна» должны мы перенимать у великих борцов 1871 г., не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделять программные и практические ло-

зунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»⁴. Эта статья относится к июлю 1905 г. Но в то же время (в июне—июле 1905 г.) Ленин пишет, а в августе того же года издает свою брошюру «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Со всей мощностью своей революционной энергии Ленин нападает на меньшевиков в частности за их разговоры о «революционных коммунах», которые сводятся к извращению опыта Парижской коммуны. Он доказывает, что употребление слова «революционная Коммуна» в резолюции представителей социал-демократии есть революционная фраза и ничего более, что Маркс не раз осуждал подобную фразу, когда за «обаятельный» термин отжившего прошлого прячут задачи будущего. В подобных случаях «обаятельность» термина, сыгравшего роль в истории, превращается в пустую и вредную мишуру, в погремушку. Ленин всячески высмеивал меньшевиков, этих «начетчиков» и «беспомощных революционеров», за такой учет опыта Коммуны, так как они вместо намечения практических программ партии сегодня занялись «некстати... в резолюции преподаванием истории»⁵.

Большевистское понимание уроков истории совершенно иное: «Чем дороже для нас... Парижская коммуна 1871 г., тем непозволительнее отделяться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г. в своем «Манифесте») перед каждым актом Коммуны»⁶.

Внимание Ленина к изучению Парижской коммуны не ослабевало и в годы после революции 1905 г., в годы глухой реакции (1908—1909) и в годы нового подъема пролетарской борьбы (1911—1912).

В феврале 1907 г. Ленин пишет предисловие к русскому переводу брошюры «К. Маркс. Письма к Кугельману». В этом предисловии он вновь на основе исторических данных разоблачает меньшевиков.

Сопоставляя оценку Марксом Коммуны (в письмах от 12 и 17 апреля 1871 г.) с поведением русских меньшевиков (и особенно Плеханова) после неудачи декабрьского

¹ Ленин, т. VI, стр. 283, изд. 1-е.

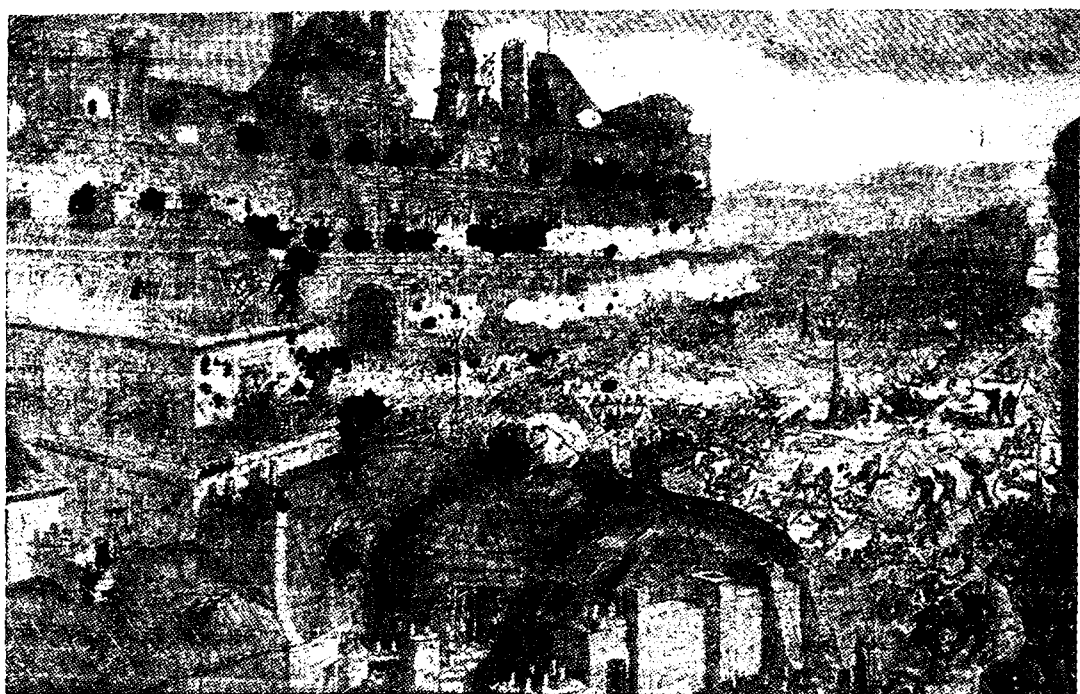
² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ленин, т. VIII, стр. 82.

⁶ Там же, стр. 81.

Штурм ратуши

восстания 1905 г., Ленин подвергает уничтожающей критике позицию Плеханова (меньшевиков), малодушно и по существу контрреволюционно восклицавшего после декабря 1905 г.: «Не надо было браться за оружие».

Ленин дает здесь новый классический образец увязки изучения исторического опыта борьбы пролетариата с текущей практикой и задачами революционного пролетарского движения. Из всего анализа писем Маркса о Парижской коммуне он делает несколько политически заостренных практических выводов.

1. «Историческую инициативу масс,—пишет Ленин,—Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке исторической инициативы русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 г.»¹.

2. «Нашим нынешним квази-марксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не умение творить будущее,—совсем непонятна, даже чужда в принципе такая постановка вопроса (что «бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя подготовки их к следующей борьбе»). Плеханов и не подумал о ней, когда приступал после декабря 1905 г. к задаче «тормозить»².

Какие же стороны опыта Парижской коммуны Ленин выдвигает на первый план

в этом предисловии? Он настойчиво фиксирует внимание читателя на тех местах из писем Маркса, которые показывают его (Маркса) отношение к Парижской коммуне.

«Маркс не проникся премудростью лискарей, боящихся обсуждать технику высших форм революционной борьбы»³. Он не скрывает от пролетариата ни одной ошибки Коммуны. «Надо было сейчас же идти на Версаль»—пишет Маркс в апреле 1871 г., т. е. за несколько недель до кровавой недели. «Вторая ошибка,—продолжает Маркс,—Центральный комитет (национальной гвардии.—П. Ф.) слишком рано сложил свои полномочия».

Да, Маркс предупреждал французских рабочих: восстание будет безумием, однако это делал он до восстания. Но как только «безумно храбрые» парижане, «готовые штурмовать небо», восстали, Маркс «не стал брюзжать, как классная дама», а восторженно приветствовал это восстание, считая его подвигом своей партии. «Как бы там ни было,—писал он,—парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания». Всякие указания в ходе самого восстания на безнадежность дела, на романтику в противоположность реализму Маркс отбрасывал со всем пылом революционера.

«Творить мировую историю,—пишет он,—было бы, конечно, очень удобно, если

¹ Ленин, т. VIII, стр. 194.

² Там же, стр. 196.

³ Ленин, т. VIII, стр. 195, изд. 1-е.

бы борьба предпринималась только под условием непогрешимости шансов».

Совершенно иначе относился к восстанию пролетариата в 1905 г. Плеханов со своим печально знаменитым: «Не надо было братья за оружие».

Из всего сказанного Ленин делает вывод и прогноз: «Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо»¹.

Тремя неделями позднее, а именно 18 марта 1908 г., Ленин выступает от РСДРП с докладом о Парижской коммуне на интернациональном митинге в Женеве, организованном по поводу трех годовщин: 25-летия смерти Маркса, 60-летия мартовской революции 1848 г. и 27-й годовщины Парижской коммуны. Как истинный вождь пролетариата Ленин останавливает свое основное внимание на уроках Коммуны.

«Урок, полученный пролетариатом, не забудется,—говорит он.—Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России, в декабрьское восстание»².

В чем же заключается этот урок?

Он заключается, по мнению Ленина, в том, что «Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»³.

Российский пролетариат в своей революции должен был прибегнуть к тому же способу борьбы, начало которому дала Парижская коммуна,—к гражданской войне. Ленин говорит, что «бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне, и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании»⁴.

Правда, при этом Коммуна допустила серьезные ошибки. «Роковой ошибкой» французских социалистов явилось «соединение противоречивых задач—патриотизма и социализма»⁵. Помимо того были допущены две ошибки, которые «погубили плоды блестящей победы».

Первая ошибка: «Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о высшей справедливости в стране»...

Вторая ошибка: «излишнее великодушие пролетариата».

«Но при всех ошибках,—подчеркивает Ленин,—Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века»⁶.

¹ Там же, стр. 197.

² Ленин, т. XII, стр. 163.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ Там же, стр. 162.

⁶ Там же, стр. 163.

...Задержанные с мозолистыми руками были расстреляны.

Нападая на буржуазно-либеральные взгляды по вопросу о парламентаризме, Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм» (апрель 1908 г.) доказывает, что «парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик», что он «подготавливает не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций». В доказательство он ссылается на 1871 и 1905 гг.

«Парижские события весной 1871 г. и русские зимой 1905 г.,—пишет Ленин,—показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения»¹. И, как бы в доказательство правоты Ленина, история через 15 лет после этой статьи и через 52 года после Парижской коммуны дает новый, исключительный по своей оригинальности факт сделки буржуазии с общенациональным врагом против пролетариата. Это происходит в 1923 г., и на этот раз роли французской и немецкой буржуазии меняются. Победлена не Франция, а Германия, помощи у врага

против «своих» рабочих просит не французская, а немецкая буржуазия. И с какой «исторической» мотивировкой! Городской голова Дюссельдорфа, немецкий буржуа, пишет слезное письмо французскому генералу, в котором просит помощи против «своих» рабочих.

«Я должен напомнить,—пишет он в этом письме,—что в те времена, при восстании Коммуны, германское военное командование всячески цло навстречу французским властям с целью дружного подавления восстания. Того же прошу и я...»

Действительно, история повторяется!..

По мере приближения к Октябрю Ленин обращается к опыту Парижской коммуны все чаще и чаще.

Неизменно подчеркивая основную суть, основное значение Коммуны как первого опыта диктатуры пролетариата, как нового типа государства, Ленин вместе с тем на каждом этапе революционной борьбы выделяет лозунги Коммуны, «отвечающие положению дел в России» (Ленин).

В эпоху войны 1914 г. Ленин обращает внимание на то, что Коммуна была также превращением войны народов в гражданскую войну; в период кануна революции 1917 г. он всячески подчеркивает тот факт, что Коммуна раз-

¹ Ленин, т. XII, стр. 187.

Расстрелянные коммунары

Женщины-коммунарки

рушила старую государственную машину, что она была новым типом государства.

В первом же документе нашей партии, выпущенном по поводу войны 1914 г., представляющем декларацию Центрального комитета РСДРП, написанную Лениным и напечатанную в «Социал-демократе» от 1 ноября 1914 г., мы находим ссылку на Коммуну. Большевики, как известно, оставшись верными марксизму, в новой обстановке выдвинули новые революционные лозунги и начали непримиримую борьбу за их осуществление. Они не преминули назвать сразу же вещи их собственными именами. «Вожди Интернационала, — заявили они, — совершили и измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты»¹. Большевики подвергли самой резкой, самой беспощадной критике как позицию социал-шовинистов, так и их «беспомощных прислужников» (Ленин) вроде Троцкого, который в № 105 «Нашего слова» по поводу войны писал, что желание поражения России есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла».

Ленин разоблачал социал-шовинистов всех воюющих стран. «Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II интернационала, — пи-

сал он в декларации ЦК РСДРП. — Нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны»².

Он разоблачал оппортунистиков и их прислужников своей страны. «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома, — пишет он в статье «Поражение своего правительства в империалистической войне» в июле 1915 года. — И оспаривают ее только сознательные сторонники или, беспомощные прислужники социал-шовинистов. К числу первых принадлежит например Семковский. К числу вторых Троцкий и Буквоед»³.

Против этих «прислужников социал-шовинизма» Ленин борется со всей беспощадностью. При этом он ссылается на исторический опыт Парижской коммуны.

«Возьмите период Коммуны, — пишет он. — Победила Германия Францию, и Бисмарк с Тьером победили рабочих!! Если бы Буквоед и Троцкий подумали, то увидели бы, что они стоят на точке зрения войны правительства и буржуазии, т.е. они раболепствуют перед «политической методологией социал-патриотизма», говоря вычурным языком Троцкого»⁴.

Но самым важным в опыте Коммуны с точки зрения тактики по отношению к

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 63.

² Там же.

³ Там же, стр. 167.

⁴ Там же, стр. 170.

войне для Ленина был несомненно тот факт, что «Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну»¹. Именно этот факт Ленин подчеркивает в статье «Положение и задачи социалистического интернационала», появившейся в «Социал-демократе» от 1 ноября 1914 г. Именно поэтому Штутгартский и Базельский конгрессы в резолюции, предвидевшей империалистическую войну, говорили, не о «защите отечества», а об «ускорении краха капитализма», об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Таким образом, опираясь на опыт Коммуны и опыт российской революции 1905 г., пролетариат в ответ на одурачивание масс буржуазией, в ответ на попытки прикрыть империалистический грабег старой идеологией «национальной войны» провозглашает лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Так, в одном из важнейших документов, написанных Лениным («Воззвание о войне») и опубликованном впервые только в 1928 г., он, ссылаясь на резолюцию Базельского международного социалистического конгресса 1912 г., сформулировал вопрос о тактике пролетариата во время войны так: «образцом тактики для рабочих,—говорит он,—является Парижская коммуна 1871 года и октябрь — декабрь 1905 г. в России, т. е. революция»¹.

Можно сказать, что во всех своих выступлениях против социал-шовинизма Ленин, изобличая необоснованность ссылок на тактику Маркса по отношению к войнам, доказывает, что война 1914 г. есть война империалистическая, что отсюда вытекает и тактика пролетариата.

«Базельский манифест,—пишет он в 1915 г. в брошюре «Социализм и война»,—прямо ссылается на пример Парижской коммуны, т. е. превращения войны правительств в войну гражданскую. Полвека тому назад пролетариат был слишком слаб, объективные условия социализма еще не назрели, соответствия и содействия революционных движений во всех воюющих странах быть не могло, увлечение части парижских рабочих «национальной идеологией» (традицией 1792 г.) было мелкобуржуазной слабостью их, своевременно отмеченной Марксом, и одной из причин краха Ком-

муны. Полвека спустя после нее отпали ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунаров»³.

В том же смысле Ленин пишет о Коммуне в статье «О борьбе с социал-шовинизмом», опубликованной 1 июня 1915 г., и в других, вплоть до задуманной им, но не написанной брошюры «Европейская война и европейский социализм», в которой Ленин предполагал на исторических примерах 1871 и 1905 гг. показать «превращение национальной войны в гражданскую». Одним словом, опыт Парижской коммуны, как и опыт российской революции 1905 г., для выработки правильной тактики революционного пролетариата по отношению к войне 1914 г. были исключительно важны. Но еще более глубокий, захватывающий интерес имеет вопрос о том, как Ленин изучал и учитывал опыт Коммуны в эпоху Октября, как он на основе ее опыта разрабатывал, двигал вперед марксистскую теорию, как он в этот период боролся с социал-фашистскими извращениями истории Коммуны.

При этом опыт революции 1905 г. как революции, происшедшей на новой, более высокой ступени развития производительных сил и рабочего движения, имел конечно колоссальное значение. Мы не будем касаться здесь различий 1871 г. и 1905 г. Отметим лишь, что Ленин в этой связи подчеркивал, что «русская революция (1905 года) подошла к этому же приему (ломке государственной машины и созданию новой—П. Ф.), с одной стороны, слабее (более робко), чем Парижская коммуна, с другой стороны, показала шире «советы рабочих депутатов», «железнодорожных депутатов», «солдатских и матросских депутатов», «крестьянских депутатов»⁴.

Канун Октября является тем периодом, когда Ленин именно на опыте революции 1905 г. и Парижской коммуны обосновывает в статье «О двоевластии», в «Письмах о тактике», в программной статье «Задачи пролетариата в нашей революции» и др. статьях необходимость борьбы за власть советов, которые «воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской коммуной»⁵.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Лен. сб. XIV, стр. 313.

⁵ Ленин, т. XIV^{ч.}, 1-я, изд. 1-е, стр. 47.

В этом вопросе Ленину приходилось выдерживать бой не только с прямыми идейными врагами, но и с правооппортунистическими взглядами некоторых в своих собственных рядах, в частности с Каменевым, который «повторял буржуазные предрассудки насчет Парижской коммуны».

На второй день после опубликования в «Правде» знаменитых апрельских тезисов Ленина Каменев поместил статью о своих разногласиях с этими тезисами Ленина. Отвечая на эти возражения в своих письмах о тактике, Ленин писал:

«Гов. Каменев немножечко «нестерпеливо» размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа государства. А такое государство в России уже родилось, это и есть Советы Рабочих и Солдатских Депутатов»¹.

Как же ставил Ленин вопрос об опыте Коммуны в своих апрельских тезисах?

Известно, что Ленин приехал в Петроград только ночью 3 апреля 1917 г. На другой же день ему пришлось на собраниях выступать по вопросу о задачах революционного пролетариата. Тезисы Ленина, прочтенные на двух собраниях 4 апреля, содержали требования «государства-коммуны»... «т. е. такого государства, прообраз которого дала Парижская коммуна»², требование установления такой «республики Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов», где «плата всем чиновникам при выборности и сменяемости всех их в любое время (была бы), не выше средней платы хорошего рабочего»³.

Эти тезисы были опубликованы через три дня, т. е. 7 апреля, в «Правде». Но уже 9 апреля Ленин публикует в той же «Правде» свою статью «О двоевластии», в которой он, разоблачая оппортунизм Каутского и Плеханова, дает блестящий анализ тогдашнего этапа российской революции: «Коренной вопрос всякой революции, — пишет он, — есть вопрос о власти в государстве»⁴.

«В высшей степени замечательное свое-

образии нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие»⁵.

Это двоевластие состояло в том, что рядом с временным правительством как правительством буржуазии складывалось другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов. Классовая суть этого другого правительства состояла в том, что это была власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентской буржуазной демократической республике. «Эта власть — власть того же типа, какого была Парижская коммуна 1871 г. Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют сами вооруженные рабочие и крестьяне, сам вооруженный народ; 3) чиновничество, буржуазия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль»⁶.

«В этом и только в этом суть Парижской коммуны как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили гг. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди «центра», т. е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне социал-дем., соц.-рев. и т. п.»⁷.

Большевиков, как известно, обвиняли в бланкизме, в желании «перепрыгнуть» через незавершенную еще революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической. Ленин в ответ на эти обвинения в своих «Письмах о тактике» писал: «если бы я сказал: «без царя, а правительство рабочее» (лозунг Троцкого.— П. Ф.) — эта опасность мне бы грозила»⁸. Но Ленин утверждал совсем иное. Он говорил, что другого правительства в России, не считая буржуазного, не может быть помимо Советов, что власть может перейти теперь от Гучкова и Львова только к Советам.

«Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах, — писал Ленин, — от всякого пере-

¹ Ленин, т. XX, стр. 107.

² Там же, стр. 89.

³ Там же, стр. 88—89.

⁴ Там же, стр. 94.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 95.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 104.

прыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой игры в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показали Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм»¹.

Ренегаты марксизма, вроде Плеханова, кричали об анархизме, о бланкизме и т. п. Но кто желал думать и учиться у реальной действительности, тот не мог не понимать, что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы помимо всего есть заведомо организация большинства народа. Так что большевики не сбивались ни на позиции бланкизма, ни на позиции анархизма, ибо анархизм есть отрицание необходимости государства и государственной власти для эпохи перехода от господства буржуазии к господству пролетариата. «А я,— пишет Ленин,— с исключительной всякую возможность недоразумений ясностью,— отстаиваю необходимость государства для этой эпохи, но согласно Марксу и опыту Парижской коммуны, не обычного парламентско-буржуазного государства»².

Как известно, наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств являлся тип парламентской демократической республики. Но революционная борьба рабочего класса выдвинула высший тип демократического государства, которое в некоторых отношениях, по выражению Энгельса, перестает быть государством. «Это — государство типа Парижской коммуны,— пишет Ленин в известной брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции»,— заменяющую ее особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. В этом суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели...

Именно такого типа государство и ачала создавать русская революция в 1905 и 1917 годах»³.

То же самое Ленин повторял в статье «О пролетарской милиции» и в других своих выступлениях того периода. В частности в своем докладе на апрельской конференции Ленин снова обращается к опыту Коммуны, подчеркивая, что «Парижская

коммуна дала нам образец государства типа советов рабочих депутатов, прямой власти организованных и вооруженных рабочих, диктатуры рабочих и крестьян»⁴.

Но одной из самых фундаментальных работ, написанных Лениным накануне Октября и подвергнувших тщательному анализу сущность Парижской коммуны, является, как известно, брошюра «Государство и революция», написанная в августе—сентябре 1917 г. Центральная мысль Ленина нам уже известна по его другим статьям этого и несколько более раннего периода, так как обширный материал к этой брошюре был подготовлен Лениным еще в Швейцарии во время войны 1914—1917 гг. (См. Лен. сб. XIV).

Эта центральная мысль, касающаяся Коммуны, сводится к тому, что «Коммуна — первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно заменить разбитое»⁵.

Именно на эту сторону дела, как указывает Ленин, Маркс обратил исключительное внимание и в результате уроков тактики пролетариата в 1871 г. внес даже в «Коммунистический манифест» необходимую «поправку». Эта поправка, сделанная в предисловии к немецкому изданию «Манифеста», подписанному обоими его авторами и датированному 24 июня 1872 г., сводится к тому, что «в особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей».

Все это постарались забыть официальные теоретики II интернационала. «Теперь приходится точно раскопки производить,— говорит Ленин,— чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата»⁶.

Известно, что в письме к Кугельману от 12 апреля 1871 г. Маркс писал о необходимости сломать государственную машину. Это по Марксу является предварительным условием всякой действительной народной революции. Ленин в своих выступлениях по поводу определения Марксом

¹ Ленин, т. XX, стр. 104.

² Там же.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Там же, стр. 178.

⁵ Ленин, т. XXI, стр. 408.

⁶ Там же, стр. 407.

революций 1848 и 1871 г. как «действительно народных революций» пишет, что это—«глубокое выражение». В брошюре же «Государство и революция» он подчеркивает: «В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается кратко выраженный главный урок марксизма по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим каутскианским «толкованием» марксизма»¹.

В брошюре, написанной несколько позже («Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г.), Ленин сам указывает, какое значение имел опыт Коммуны для разработки вопроса о диктатуре пролетариата.

«Мы знаем,—говорит он,—пример Коммуны, мы знаем все рассуждения основателей марксизма в связи с нею и по поводу нее. На основании этого материала я разбирал, например, вопрос о демократии и диктатуре в своей брошюре «Государство и революция», написанной до Октябрьского переворота»².

На основании этого урока Ленин выдвигал перед российским пролетариатом конкретную, совершенно реальную задачу: разбить старую чиновничью машину и построить свою. В выполнимости этой задачи, в отсутствии при этом элементов утопии Ленин нисколько не сомневался. «Разбить сразу чиновничью машину,—писал он в той же брошюре «Государство и революция»,—и тотчас начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество,—это не утопия, это опыт Коммуны, это прямая очередная задача революционного пролетариата»³.

Так изучал и так использовывал Ленин опыт Парижской коммуны для разработки теории пролетарского государства и в частности для выработки тактики российского пролетариата в 1917 г.

После завоевания власти в Октябре Ленин, продолжая изучать опыт восстания парижских коммунаров в 1871 г., переносит центр тяжести своего внимания на выяснение условий захвата власти пролетариатом

в 1871 г. и в 1917 г., на выяснение тех обстоятельств, которые обусловили собой гибель Коммуны. Практический вывод Ленина сводился к следующему: сравнительный анализ условий этих двух восстаний пролетариата доказывает, что российский пролетариат должен победить.

Еще до захвата власти в статье «О компромиссах» (сентябрь 1917 г.) Ленин писал, что во-первых, в России имеются большевики—партия пролетариата, чего не было у парижских коммунаров,—эти большевики «все же кое-чему научились после 1871 г.». Во-вторых, «Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира, настоящий контроль над производством, честный мир с украинцами, финляндцами и пр.».

В-третьих, «у русской коммуны будут в 100 раз сильнее союзники во всем мире, чем в 1871 г.»⁴.

К этому нужно добавить то, на что указывали Ленин в своих статьях и Сталин в своем предисловии «На путях к Октябрю»⁵, как на особые условия, определившие «сравнительную легкость, с которой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть таким образом власть буржуазии» (Сталин).

Этим условием, отличавшим 1917 г. от 1871 г., было то, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. «Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции» (Сталин)⁶. Это — в-четвертых.

В-пятых «своеобразное отношение пролетариата к крестьянству облегчало переход от буржуазной революции к социалистической, облегчало влияние пролетариата города на полупролетарские, беднейшие слои трудящихся в деревне»⁷.

⁴ Там же, стр. 135.

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма. 1931 г., стр. 94—95.

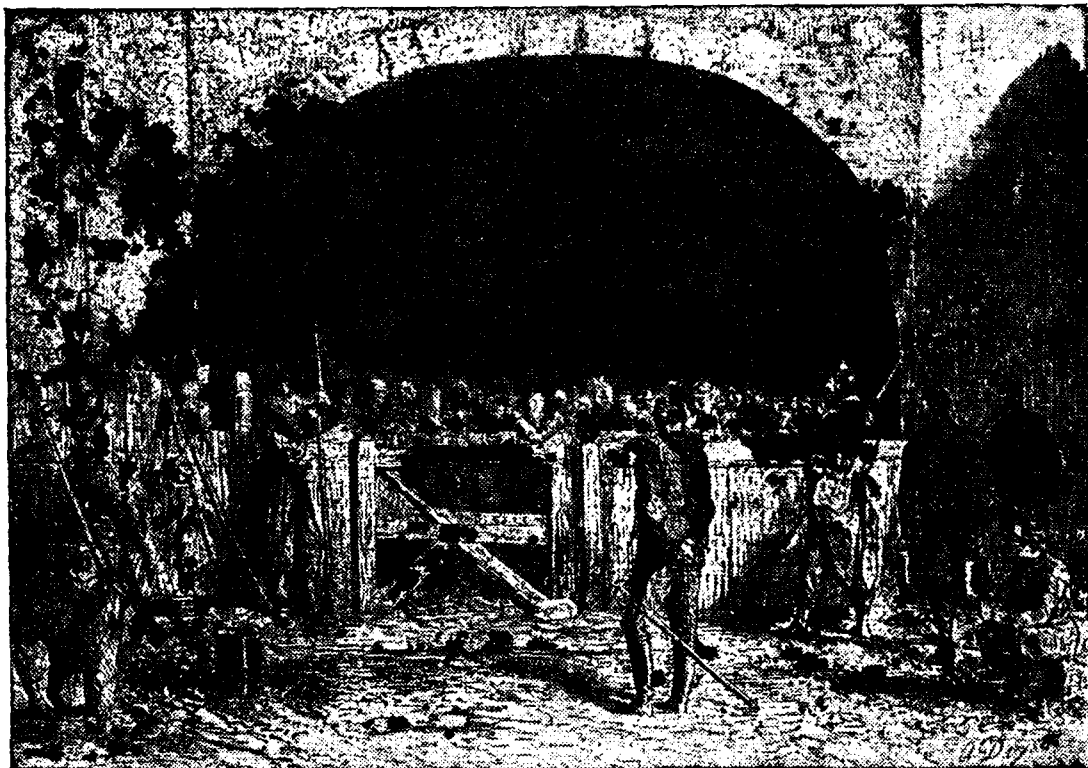
⁶ Сталин, Вопросы ленинизма. 1931 г., стр. 94.

⁷ Ленин, т. XVI, стр. 185, изд. 1-е.

¹ Ленин, т. XXI, стр. 395.

² Ленин, т. XXIII, стр. 356.

³ Ленин, т. XXI, стр. 432.

Коммунары
в версальской тюрьме

В-шестых, в эпоху Октября в России была крупная промышленность, был сосредоточенный в крупнейших центрах пролетариат. Между тем во Франции 1871 г. «оба эти условия,—как писал Ленин,—отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.)»¹.

В-седьмых, российский пролетариат вынес на плечах революцию 1905 г., т. е. пережил и расстрел 9 января, и измену буржуазии, и всеобщую забастовку, и первые советы рабочих депутатов, и московское вооруженное восстание, и восстания в деревнях, армии и флоте, и наконец беспощадный террор. А это в смысле опыта стоит многих десятилетий. «Без такой «генеральной репетиции», как 1905 г., революции в 1917 г., как буржуазная февральская, так и пролетарская Октябрьская, были бы невозможны»².

В-восьмых, Октябрьская революция имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат. Между тем в отношении Коммуны нужно подчеркнуть, что «она (Коммуна) не сумела должным образом,—как говорит т. Сталин,—поставить и разрешить проблему завоевания резервов революции... Революции 48 и 71 гг. во Франции побибли главным обра-

зом потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии».

И в-девятых, «Октябрьская революция имела перед собой таких, сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазия»³.

Чрезвычайно интересен тот факт, что свой доклад о деятельности Совнаркома на III съезде советов в январе 1918 г. Ленин начинает именно с сравнения условий, в которых находилась Парижская коммуна и в которых находится молодая советская власть.

Два месяца и 15 дней, в течение которых существует советская власть, говорит Ленин,—это всего на 5 дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной или над эксплуататорами и капиталистами,—власть парижских рабочих в эпоху Парижской коммуны 1871 г. «Эту власть рабочих мы должны вспомнить прежде всего». «Из сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть... в каком неизмеримо более благоприятном положении находится советская власть в России».

Эти благоприятные обстоятельства заключались прежде всего в том, что российские рабочие, солдаты и крестьяне сумели создать аппарат — советы — и оповестить мир об их сущности. «Они (парижские ра-

¹ Ленин, т. XV, стр. 159, статья «Памяти коммуны» (1911 г.).

² Ленин, т. XVI, стр. 185, изд. 1-е.

³ Сталин, Вопросы ленинизма. 1931 г., стр. 95.

бочие.—П. Ф.) не имели аппарата, их не поняла страна, мы сразу же опирались на советскую власть»¹.

Месяц спустя в своем докладе на VII съезде партии Ленин продолжает сравнительный анализ Коммуны и советской власти. «Коммуны не понимали те, кто ее творил,—говорит, он,—они творили чуть-ем гениально проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая советскую власть»².

Политически заостренный вывод Ленина — тот, что поскольку в Советской России имеется единая подлинно-марксистская партия, ясно сознающая пути и средства победы, поскольку Советская власть осуществляет диктатуру пролетариата в других, неизмеримо более благоприятных условиях, чем Парижская коммуна, постольку она не погибнет.

К 1918 г. относится также выступление Ленина со своей колоссальной важности работой «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной им в октябре—ноябре этого года в связи с вышедшей тогда брошюрой Каутского «Диктатура пролетариата».

¹ Ленин, т. XVII, стр. 205.

² Ленин, т. XXII, стр. 352.

В названной работе Ленин продолжает свою непримиримую и неустанную борьбу против оппортунистов II интернационала, он продолжает в ней разработку теории пролетарской революции, теории диктатуры пролетариата.

Именно поэтому он в предисловии к этой работе замечает, что «в сущности, основная теоретическая ошибка Каутского в его брошюре о диктатуре пролетариата состоит именно в тех оппортунистических извращениях учения Маркса о государстве, которые подробно вскрыты в моей брошюре «Государство и революция»³.

И именно поэтому Ленин не мог обойтись в этой брошюре без того, чтобы не привлечь опыт Парижской коммуны.

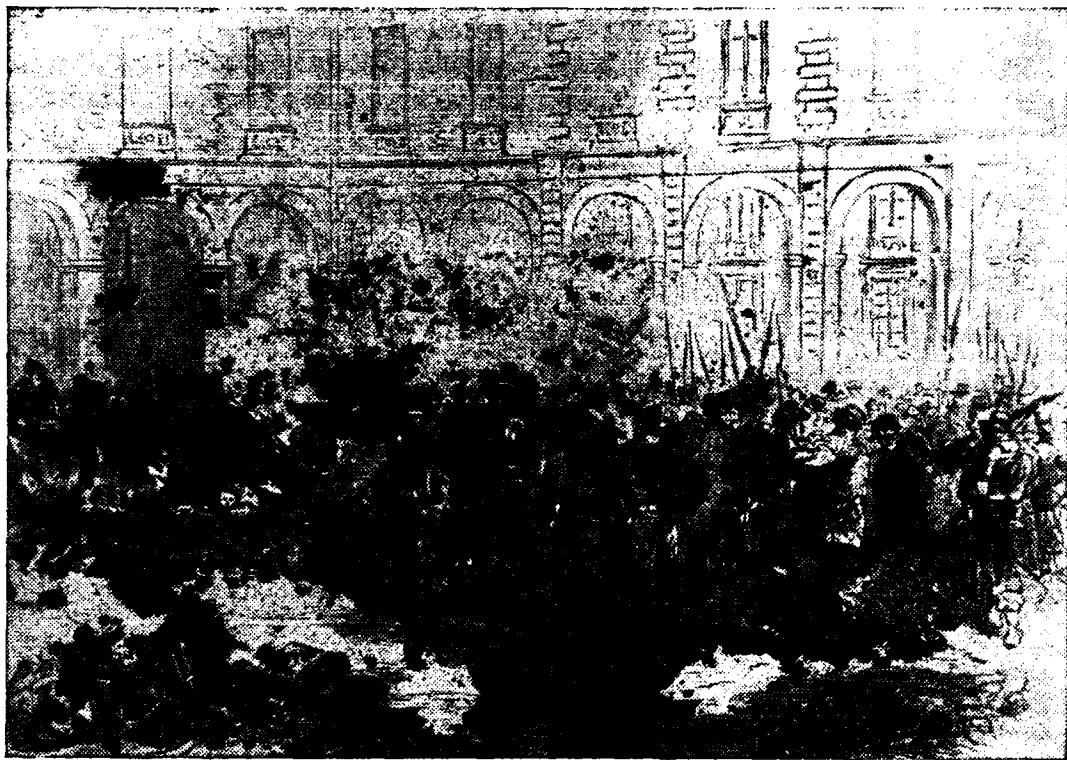
Каутский в своей книге «Диктатура пролетариата» утверждал, что большевистская теория диктатуры пролетариата опирается «на одно словечко», употребленное Марксом однажды в 1875 г. в письме.

Со всей страстностью непримиримого революционера Ленин набрасывается на Каутского, этого «начетчика в марксизме», который «не может не знать, что и Маркс и Энгельс и в письмах и в печатных произведениях говорили о диктатуре пролетариата многократно, особенно и до и после Коммуны»⁴.

При определении диктатуры Каутский изо всех сил старался в этой брошюре спрятать от читателя основной признак

³ Ленин, т. XXIII, стр. 337.

⁴ Там же, стр. 338.

Расстрел коммунаров

этого понятия, именно — революционное **насилие**. Все увертки, софизмы, мошеннические фальсификации Каутский использовал для того, чтобы отговориться от **несомненной революции**, чтобы прикрыть свой переход на сторону либеральной рабочей политики, т. е. на сторону буржуазии.

Каутский писал: «Парижская коммуна была диктатурой пролетариата, а выбрана она была всеобщим голосованием без лишения буржуазии ее избирательных прав, «демократически».

По этому поводу он торжествующе восклицал: «Диктатура была для Маркса» «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство»¹.

Такими виртуозными увертками Каутский отделяется от Маркса и его определенных заявлений на этот счет.

«Во-первых,—возражал Ленин — известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан, что между прочим показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?»

¹ Каутский, Диктатура пролетариата, стр. 21.

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство Франции против буржуазного. При чем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции. Когда Маркс находил, что Коммуна сделала ошибку, не взяв банка, который принадлежал всей Франции, то не исходил ли Маркс из принципов и практики «чистой демократии»?²

Каутский, по выражению Ленина, «с ученостью ученойшего кабинетного дурака или с невинностью 10-летней девочки» вопрошает: «Зачем бы это нужна была диктатура, ежели есть большинство?» А Маркс и Энгельс разъясняют:

— Затем, чтобы сломать сопротивление буржуазии,

— затем, чтобы внушить реакционерам страх,

— затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии,

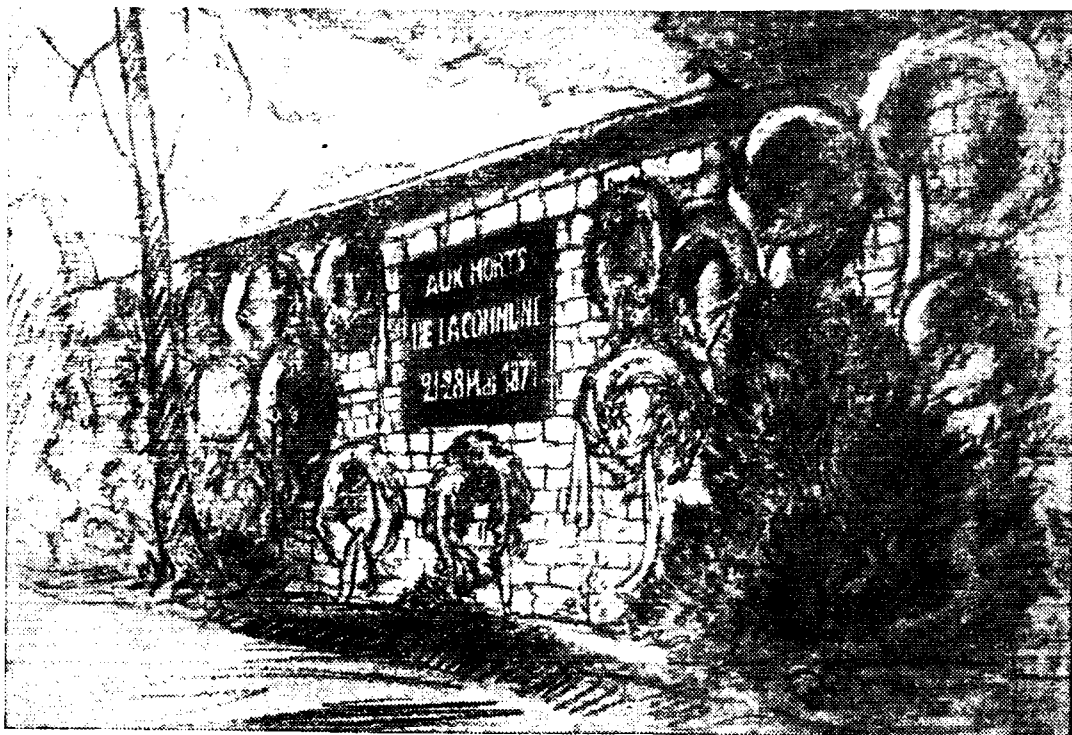
— затем, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников».

И Ленин напоминает, «как Маркс и Энгельс говорили о диктатуре в связи с Коммуной»³:

Маркс: «Если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру... чтобы сломать сопротивление буржуазии... рабочие придают государству революционную и переходящую форму».

² Ленин, т. XXIII, стр. 343.

³ Там же, стр. 353.

Стена коммунаров

Энгельс: «... Победившая (в революции) партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»¹

Те же идеи Ленин развивал в своих тезисах «о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», представленных II конгрессу Коминтерна.

Вопрос о государстве переходного периода, о диктатуре пролетариата является именно той центральной проблемой, в связи с разработкой которой Ленин изучает уроки Коммуны.

Он неоднократно формулирует в этот период свое известное положение, что советская власть есть второй этап развития диктатуры пролетариата.

Эту идею Ленин старается внедрить в сознание всего международного пролетариата. «Советская власть,—пишет он в середине января 1919 г. в письме к рабочим Европы и Америки,—есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская коммуна»².

Пять месяцев спустя, в мае 1919 г., когда организовался Коммунистический интернационал, Ленин в своей статье «Третий интернационал и его место в истории» пишет: «Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг»³.

На II всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г. Ленин подробно развертывает этот свой тезис. «Советское движение,—говорит он,—перестало быть русской формой власти пролетариата. Оно стало позицией международного пролетариата в его борьбе за власть, оно стало вторым шагом ко всемирному развитию социалистической революции. Первым шагом была Парижская коммуна, которая показала, что к социализму рабочий класс придет не иначе, как через диктатуру, через насильственное подавление эксплуататоров»⁴.

Таким образом остается бесспорным тот факт, что Ленин оставил нам богатейшее наследство по вопросу о Парижской коммуне, что он не только тщательно собрал все высказывания Маркса — Энгельса о Коммуне, не только очистил их от оппортунистической накипи комментаторов II интернационала, но и подверг, как мы уже говорили, глубочайшей и всесторонней разработке историю и опыт Коммуны. Наконец Ленин (и это самое главное) на основе опыта 1871 и 1905 гг. и вообще на основании опыта всей исторической борьбы пролетариата дал огромный толчок дальнейшему развитию марксизма, поднял учение Маркса на новую высоту, отправляясь от высказываний Маркса — Энгельса, разработал теорию диктатуры пролетариата.

Отсюда становится понятным, что только большевики заинтересованы в том, чтобы правильно, в соответствии с исторической истиной освещать опыт Коммуны, ибо этот опыт входит в железный инвентарь марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата.

Отсюда же понятно, почему российские меньшевики уделяли такое незначительное внимание изучению этого опыта, почему они вместе с официальными и неофициальными теоретиками II интернационала или замалчивали Коммуну или оппортунистически извращали ее уроки.

Не случаен тот факт, что Ленин,—этот величайший вождь пролетариата,—в отличие от Плеханова, на протяжении всей своей политической деятельности внимательно изучал уроки Коммуны.

Не случайно, что Плеханов совершенно не понял и не оценил уроков Парижской коммуны. На протяжении всей истории революционного движения в нашей стране меньшевики никогда не могли стать на правильные позиции в вопросе об оценке Парижской коммуны. Уже в эпоху II съезда партии виднейшие меньшевики, в частности Акимов-Махновец, утверждали в споре с Лениным (большевиками), что Коммуна не была диктатурой пролетариата, а была только «демократией в самом широком смысле этого слова, и за это якобы и ценили опыт коммунаров Маркс и Энгельс. Эти утверждения, как две капли воды, похожи на утверждения старых и новейших оппортунистов из лагеря современного социал-фашизма.

¹ Цитировано Лениным, т. XXIII, стр. 353.

² Ленин, т. XVI, стр. 7, изд. 1-е.

³ Там же, стр. 185.

⁴ Ленин, т. XXIII, стр. 483.

Уже после Октября меньшевики вроде Мартова и Финн-Енотаевского усиленно повторяли каутскианские положения о том, что переход к социализму может быть осуществлен только при сохранении обычных буржуазно-демократических порядков и что под разрушением аппарата государственной власти буржуазии Маркс и Энгельс понимали разрушение лишь государственного аппарата военно-бюрократической монархии, а не всякого буржуазного государства вообще.

Вслед за этими «социалистами» старался распространить свои «теориейки» Троцкий. В ряде своих произведений—и в предисловии к «Гражданской войне» Маркса, написанной после революции 1905 г., и в книге «Терроризм и коммунизм», написанной в 1920 г., и в статье «Уроки Коммуны», посвященной ее 50-летию,—Троцкий стремится доказать на этом историческом примере правильность целого ряда своих теорий. В частности он пытается обосновать свою теорию перманентной революции, которая является, по словам т. Сталина, «такой недооценкой крестьянского движения, которая ведет к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата».

Троцкий так прямо и пишет: «Коммуна была выражением диктатуры революционного города над страной»¹, она являлась «диктатурой рабочего Парижа над крестьянской страной»².

Эти утверждения точь в точь совпадают с писаниями отъявленного социал-фашистского историка Коммуны Конради и конечно ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют.

Такова следовательно пропасть между большевистским изучением опыта Коммуны, классические образцы которого дал Ленин, и «изучением» его со стороны оппортунистов всех мастей.

Может быть опыт Парижской коммуны устарел? Может быть после революций XX столетия (1905, 1917—1919 гг.), после российского Октября этот опыт Коммуны потерял свое значение? Наконец может быть интерес к изучению Коммуны в силу этого должен неизменно снижаться?

Нет спора о том, что революции XX столетия происходили на более высокой ступени развития производительных сил и мирового революционного движения про-

летариата, нет спора, что российские революции имели величайшее международное значение. Но именно поэтому вопрос об опыте Коммуны вызывает еще более усиленный интерес.

Основная борьба за правильное освещение опыта Коммуны развертывается между большевизмом и II интернационалом.

За последнее время социал-оппортунисты проявляют к Коммуне чрезвычайно повышенный интерес. Извращая ее опыт, они ищут в исторических фактах оправдания своей тактики и осуждения тактики большевиков, они пытаются путем фальсификации превратить изучение Коммуны в орудие борьбы с большевиками, с Коминтерном.

В споре между большевизмом и меньшевизмом, между Коминтерном и II интернационалом вопрос о Парижской коммуне был и есть вопрос о том:

1. Должен ли пролетариат надеяться на «голосование», на мирное, постепенное, бескровное превращение буржуазного строя в социалистический,—или же пролетариат должен готовиться к революции, к гражданской войне?

2. Каким путем пролетариат достигнет социализма: через парламент или через диктатуру пролетариата?

Как видим, от этого спора пахнет порохом. Уже это одно приводит нас к тому выводу, что вопрос о Коммуне не устарел и устареть не может, ибо пока происходит классовая борьба, Коммуна будет стоять перед глазами пролетариата как первый пример диктатуры пролетариата.

Ленин писал поэтому в своей статье к 40-летию Коммуны («Памяти Коммуны»), что «дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно»³.

Социал-фашисты извращают опыт Коммуны, как видим, по вполне понятным причинам.

Правда, еще до возникновения первого пролетарского государства — СССР — они не отличались большими симпатиями к Коммуне.

Так например Фольмар еще на Штутгартском съезде германской социал-демократии (1898 г.) говорил: «Самое лучшее,

¹ Троцкий, соч. т. XII, стр. 79.

² Там же, стр. 83.

³ Ленин, т. XV, стр. 160.

что могли сделать 18 марта разбуженные борьбой за пушки парижские рабочие, это пойти спать». Бессменный вождь II интернационала Вандервельде в своей книжке о Парижской коммуне, изданной, кстати сказать, в 1906 г. в России меньшевиками, писал, что «исторический опыт Коммуны дает нам важный урок». Этот урок, по Вандервельде, заключался в том, что неорганизованный и необразованный рабочий люд не может добиться победы над буржуазией.

«Ясно,—писал Вандервельде,—что без достаточного развития, необходимого для того, чтобы воспользоваться победой, народ (плебс) после своей кратковременной победы будет скоро раздавлен». Для того, чтобы победить, рабочим необходимо предварительно «произвести революцию в области интеллекта и нравственности».

Таким же извращением занимался и Бернштейн. «Бернштейн,—как говорит Ленин,—три раза в одной книге («Предпосылки социализма и задачи с.-д.»—П. Ф.) цитирует и толкует архаично одно место из «Гражданской войны во Франции» и этим дает прямо противоположное тому, что на деле имеется у Маркса»¹.

Наконец Каутский даже в своих ранних произведениях шел по той же линии.

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры,—писал он в «Анти-Бернштейне»,—мы вполне спокойно можем предоставить будущему»².

Ленин в своих выписках по этому поводу замечает: «я-де (Каутский.—П. Ф.) за диктатуру пролетариата, но не хочу настаивать на ней и разбирать ее. Ни за, ни против!!!»³.

Все оппортунисты—одни более, другие менее открыто—старались представить героическую попытку коммунаров бланкистской авантюрой, продуктом незрелости и утопизма французского рабочего класса.

Еще до захвата власти российским пролетариатом Ленин в своей работе «Государство и революция» с полным основанием писал: «Мы вправе сделать вывод, что Второй интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но и извращен»⁴.

Ветеран Парижской коммуны Густав Инар в Доме ветеранов революции

Но ненависть к парижским коммунарам усилилась после того, как российский пролетариат установил свою диктатуру, учтя опыт Коммуны.

Во главе прямого похода против Коммуны, похода за извращение ее опыта, становится Каутский. Мы уже говорили о его книге «Диктатура пролетариата», относящейся к 1918 г.

В 1919 г., вскоре после подавления январского восстания немецкого пролетариата, Каутский выпускает новую книгу «Терроризм и коммунизм», направленную против Ленина, против его теории пролетарской революции и диктатуры.

По мнению Каутского, Маркс вовсе не призывал рабочий класс к разрушению всякого буржуазного государства, всякой буржуазной государственной машины. Маркс-де только требовал в 1871 г. «далеко идущей демократии», а не диктатуры, стремясь к установлению демократической республики без господства бюрократии и военщины.

Парижская коммуна, по Каутскому, и была образцом такого идеального демократического государства, и именно поэтому-де ее защищал Маркс. Она никогда не стремилась к организации насилия над буржуазией, всегда заботилась о соблюдении принципов демократии и т. д. и т. п. Одним словом, между Коммуной и Октябрем нет ничего общего.

¹ Лен. сб. XIV, стр. 213.

² Каутский, Анти-Бернштейн, стр. 172.

³ Лен. сб. XIV, стр. 383.

⁴ Ленин, т XXI, стр. 454.

Наконец в своей книге «Материалистическое понимание истории» (т. II), вышедшей в 1929 г., Каутский, идя по той же линии, заявляет, что «Маркс видел в Парижской коммуне осуществление далеко идущей демократии, к которой он стремился» (стр. 526 немецкого издания).

Махровый социал-фашист — историк Конради — также написал предисловие к «Гражданской войне» К. Маркса, в котором повторял все клеветнические измышления против Коммуны.

Потоки клеветы и фальсификации особенно увеличиваются в связи с 50-летием Коммуны в 1921 г. и с 60-летием в 1931 году. Конради, выпустивший в апреле 1921 г. книгу «О коммуне», просто мобилизует все возможные и невозможные средства, для того чтобы оправдать социал-фашистскую тактику, чтобы обелить Шейдеманов и Эбертов.

В прошлом году в связи с 60-летием Коммуны социал-демократия достигла вершины цинизма и лжи.

Герман Вендель, «почтивший» Коммуну своей статьей в газете «Der Abend» (18/V 1931 г.), доказывает, что все, что сделало «меньшинство» через Коммуну для рабочего класса, не шло дальше защиты их профессиональных интересов и не имеет никакого отношения к социализму. Коммуна была не социалистической революцией, а «бланкистским путчем громадных размеров».

Другой социал-демократ, некий Иенсен, на страницах «левого» социал-фашистского журнала «Der Klassenkampf» № 6 за 1931 г. в статье, тоже посвященной 60-летию Коммуны, поучает рабочих о следующих уроках Коммуны: «Важнейший урок, — пишет он, — который извлекли Маркс и Энгельс из Коммуны и который имеет для нас и сейчас актуальное значение, заключается в том, что рабочий класс не может просто перенять себе государство, как организацию господства. Он должен приспособиться к условиям этого нового классового господства. Это достигается созданием демократии, что нами и достигнуто» (!?).

Социал-фашистские историки «левого» типа соглашаются признать, что большевики являются наследниками «путчистской» Коммуны. Но, поучают они пролетариат, эти-то насильственные меры и погубили Коммуну. Особенно заботливо социал-фашисты внедряют в сознание рабочих в качестве опыта Коммуны, что «особен-

Антуан Гэ—ветеран Парижской коммуны

но опасно мечтать о вооружении пролетариата теперь, когда военная техника достигла такой высоты, что всякая уличная борьба обречена на поражение. К тому же после мировой войны, которая разоружила военные монархии и сделала возможным введение формальной демократии, пролетариат не нуждается для завоевания государственной власти в силе оружия»¹.

Все статьи, написанные социал-фашистами в связи с 60-летием Коммуны, самым настойчивым образом подчеркивают, что Коммуна дала классический тип революции, вышедшей из военного поражения. «Прежде всего Коммуна являет нам пример послевоенной революции, — пишет Иенсен, — она демонстрирует слабые стороны, типичные для движения, успех которого больше определенно определен упадком пролетариата».

Мотивы социал-фашистов не новы. Суть вопроса — в том, что они желают на историческом материале Коммуны доказать

¹ «Der Klassenkampf» № 6 за 1931 г., стр. 181.

неизбежность падения и советской власти. На эти старые, в слепой злобе повторяемые мотивы Ленин уже неоднократно отвечал. Он еще в апреле 1917 г. говорил, что «Каутский отрицал возможность революции во время войны. Жизнь уже опровергла его... Демократия — тоже государство, а уже Парижская коммуна поднялась выше»¹.

Одним словом, за правильное освещение опыта Парижской коммуны происходит самая ожесточенная борьба между коммунистами и социал-фашистами. В этой борьбе коммунисты-историки на основе полного использования богатейшего ленинского наследства, из которого мы показали в настоящей небольшой статье, далеко не исчерпывающей тему, лишь незначительную часть, должны оттачивать большевистское оружие в первую очередь против социал-фашистов.

В этой ожесточенной борьбе наше большевистское оружие должно быть самым внимательным образом очищено от всякой ржавчины, оно должно содержаться в полнейшей чистоте. Между тем, несмотря на большую работу, сделанную историками-марксистами в области изучения опыта Коммуны, приходится сказать, что работы о Парижской коммуне сплошь и рядом отнюдь не стоят целиком на плечах ленинского идейного наследства в этой области, что они содержат подчас грубейшие политические ошибки.

Мы не собираемся останавливаться на анализе всей литературы по истории Коммуны, вышедшей в Советской России. Отметим лишь, что значительная часть существующей литературы требует к себе чрезвычайно критического отношения. Мы уже не говорим о таких работах, как например работа Рязанова «Маркс и Энгельс» (1929 г.), полная самых низкопробных меньшевистских выпадов против Маркса и Энгельса в связи с их деятельностью в период Парижской коммуны и I интернационала. Начиная с утверждений, что в генеральном совете I интернационала была «склока» (стр. 196), что «старушка истории, подшутила над Марксом... Из этой группы русских революционеров, которые составляли русскую ветвь Интернационала, выбравшую своим представителем в генеральном совете Маркса, ни один не сделался последовательным марксистом» (стр. 210), и т. п., — Рязанов освещает в

этой книге совершенно извращенно роль Маркса и I интернационала в Парижской коммуне.

Мы уже показали, как Ленин, ссылаясь на линию поведения Маркса в отношении Коммуны, беспощадно бичевал Плеханова в 1905 г. Ленин подчеркивал ту громадную роль, которую играл Маркс (I интернационал) в поддержке Коммуны. Новейшие материалы, и в частности протоколы генерального совета I интернационала, доказывают это со всей очевидностью. Рязанов же старается провести взгляд, характерный для него вообще: он старается смазать роль Маркса и представить его не в о ж д е м, а только «сведущим человеком, экспертом для быстро развивающегося рабочего движения» (стр. 202).

Основной урок Парижской коммуны, по Рязанову, заключается в том, что «тот же опыт Коммуны показал, что... власть пролетариата должна распространиться на ряд капиталистических стран, чтобы одержать окончательную победу» (стр. 188).

Совершенно ясно, что все эти «установки» являются враждебными марксизму-ленинизму. Эти «установки» враждебных марксизму-ленинизму людей должны быть беспощадно разоблачены в свете ленинского наследства; «работы» подобных «историков» должны быть выброшены в архив истории.

Но имеются ошибки и у наших историков-коммунистов.

Даже такой крупный историк Коммуны, как т. Н. М. Лукин, которому принадлежит заслуга серьезной разработки ее истории, не уделив достаточного внимания использованию ленинского наследства в этом вопросе, допустил ошибки, говоря в своей работе «Парижская коммуна» (1926 г.) о Коммуне как диктатуре города над крестьянством. Вопреки Марксу и Ленину, говорившим, что Коммуна была давно искомым политической формой освобождения пролетариата, т. Лукин, приводя эти слова, пишет: «Опыт коммуны показывает, что именно ее демократическая природа мешала ей проводить последовательно диктатуру рабочего класса, для осуществления которой она как раз не нашла нужной политической формы»². По мнению т. Лукина, Коммуна была диктатурой пролетарского населения города над сельской Францией. «Вопреки своей демокра-

² Лукин, Парижская коммуна, стр. 232, 1926 г. изд. Комкадемии.

¹ Ленин, т. XX, стр. 179.

тической форме,—писал т. Лукин,—в тенденции, Коммуна означала именно диктатуру пролетарского населения городов над сельской Францией»¹. Он не понял того ленинского положения, что Коммуна была зачатком советской власти. «Коммуна не представляла собой государства советского типа»²,—пишет он.

Наконец он выводит из опыта Коммуны урок о том, что «пролетарская революция не может ограничиться одной страной»³.

Ясно, что весьма серьезный, особенно по объему собранного фактического материала,

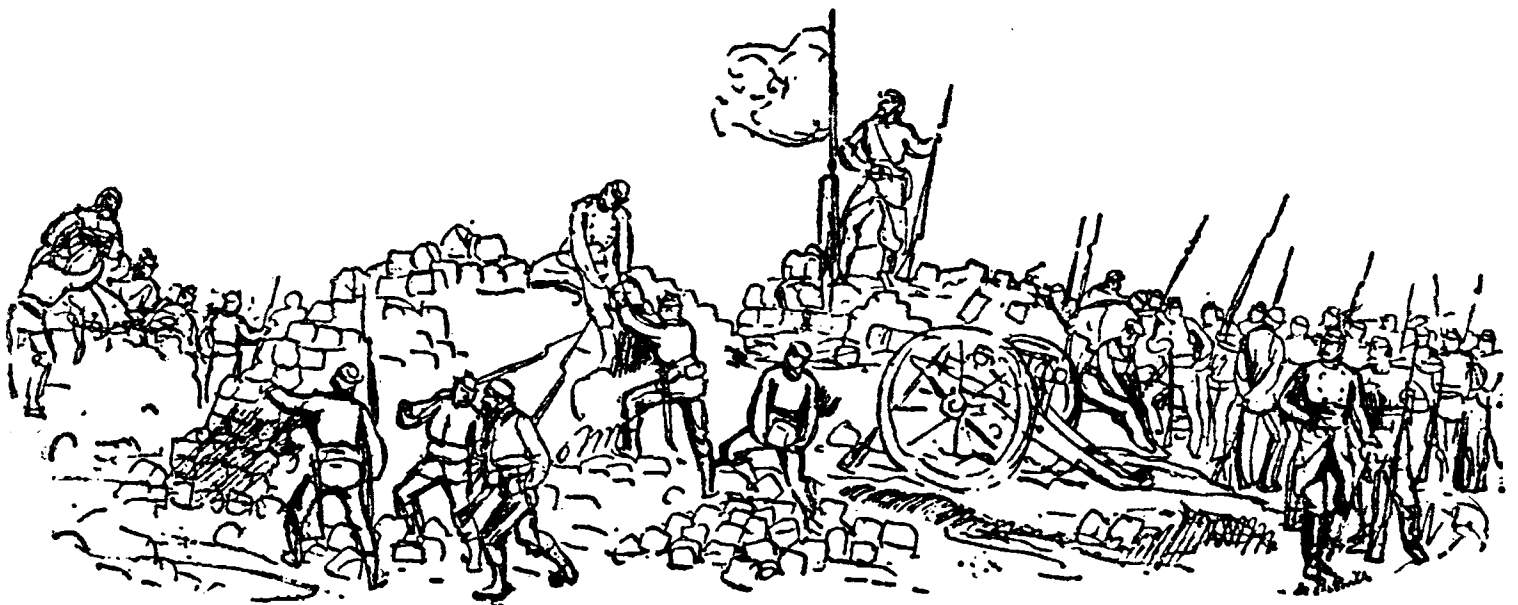
труд т. Лукина «Парижская коммуна», являющийся до сих пор одной из основных работ, должен быть освобожден от подобных положений, чуждых ленинизму. Этой работой т. Лукин уже занялся.

Таким образом, для всего международного пролетариата, для западноевропейских братских партий в первую очередь, вопрос о ленинской оценке Коммуны есть вопрос о непосредственной политической борьбе с социал-фашизмом, с контрреволюционным троцкизмом, и поэтому так остро перед историками-марксистами стоит задача разработки ленинского наследия о Парижской коммуне.

¹ Лукин, Парижская коммуна, стр. 232.

² Там же, стр. 231.

³ Там же, стр. 438.

Баррикады

Польский социал-фашизм (ППС) во время войны и интервенции белополяков против Советской республики в 1919—1920 гг.

Глубочайший экономический кризис уже ряд лет сотрясает капиталистическую Польшу. Все углубляясь, кризис охватил промышленность, сельское хозяйство, область кредита и финансов— всю капиталистическую систему. Продукция промышленности сократилась за один 1931 год на 66 проц., вывоз— на 40 проц. Особенно сокрушительный удар нанес кризис ж.-д. транспорту: «с середины ноября до конца декабря 1931 г. количество находящихся в движении товарных вагонов в сутки упало с 12.200 до 8.900. Только в первую половину января 1932 г., несмотря на зимний сезон, экспорт угля сократился на 20 проц.» («Большевик» № 4, стр. 4). Каждый день закрываются новые фабрики, и новые тысячи безработных выбрасываются на улицу. Польская официальная статистика, дающая весьма преуменьшенные сведения о количестве безработных, вынуждена признать, что за одну неделю с 3/III по 10/III 1932 г. количество безработных увеличилось на 3.992 человека. Общее количество безработных по фашистской статистике насчитывает около 400 тыс. человек; в число этих безработных не включены лица, снятые с учета безработных после 17 недель, безработные батраки и работающие неполную неделю, а если включить все эти категории безработных, то число их увеличится по крайней мере втрое.

Голод, нищета господствуют в рабочих кварталах, случаи голодной смерти — обычное явление на улицах городов фашистской Польши. А в деревне «ужасная картина опустошения... Это опустошение значительно превзошло упадок времен войны...» («Курьер иллюстр.»).

Польские империалисты, их наемные писаки все чаще и чаще ставят в своей прессе вопрос о том, что «хорошая война может покончить с кризисом». Война против кого? Если польская пресса не дает на это открытого ответа, то недавно прошедший процесс Штерна и Васильева недвусмысленно отвечает на этот вопрос...

«С точки зрения империалистов наиболее выгодным военным предприятием была бы антисоветская интервенция» («Правда» № 100, 1932 г.). Для подготовки интервенции против СССР, для борьбы с нарастающим революционным кризисом фашистское правительство все больше и больше усиливает террор против рабочих, против крестьян, против трудящихся и угнетенных национальностей. «Усиливая террор, фашистское правительство одновременно прибегает ко всевозможным методам провокации, дабы распылить и разбить революционное движение» (из резолюции III пленума ЦК компартии Польши). Трудящиеся массы Польши в процессе борьбы, которую они повседневно проводят против капиталистов, против фашистского террора, все больше и больше освобождаются от влияния польских социал-фашистов—пепеэсовцев, все больше убеждаются на деле в истинной сущности пепеэсовских лозунгов о «возможности мирного выхода из кризиса».

Одновременно с этим ППС совершает свои обычные маневры в целях подготовки войны против СССР: создается деланная «объективность по отношению к СССР, пользующемуся громадными симпатиями в массах» (из резолюции III пленума ЦК КПП). Выступления под маской «преданнейших друзей» СССР не мешают ППС провозгласить на последнем своем съезде солидарность с блоком прибалтийских государств, что является выражением анти-советского интервенционизма ППС.

В связи с этим чрезвычайно полезно познакомиться с той ролью, которую выполнял польский социал-фашизм во время нападения белополяков на Советскую республику в 1920 г., так как его роль во время этой войны вскроет перед трудящимися массами все лицемерие его нынешней политики, покажет настоящую цену тем речам, тем заявлениям пепеэсовцев, которые мы сейчас читаем в их «Работнике»¹.

¹ Центральный орган ППС.

Ст. Минск, разрушенная поляками при отступлении в 1920 г.

История возникновения Польской республики тесно связана с историей интервенции стран Антанты против Советской России. Первое правительство империалистической Польши, огнем и мечом подавившее революцию 1918—1919 гг., было правительством, во главе которого стоял офицер и старый пепеэсовский лидер Морачевский. Правительство Морачевского, именуящее себя «рабоче-крестьянским», верой и правдой служило антантовскому и польскому империализму 54 дня. Эти дни войдут в историю Польши кровавыми страницами. То были дни, когда штыками легионеров и пепеэсовских боевиков разгонялись советы, расстреливались рабочие и крестьяне, готовилось нападение на Советскую республику. Вся энергия правительства была направлена на то, чтобы сохранить польский барьер между Советской Россией и клочущим в огне революции Западом. Для этого в первую очередь необходимо было покончить с революционным движением внутри страны. Программу правительства ясно выразил в нескольких словах краковский орган ППС «Вперед»:

«Все сводится к одному вопросу,—читаем мы в номере от 19 ноября 1919 г.:—удастся ли Польше обеспечить себя от внутренней грозы или нет?»

Чтобы спровоцировать войну с Советской республикой, агенты правительства Морачевского расстреляли советскую миссию Красного креста. А по указке своих хозяев—антантовского и польского империализма—правительство приняло участие

в первом походе Антанты против Советской республики. Таким образом война и интервенция белополяков против Советской республики, начатая правительством, возглавляемым лидером ППС—Морачевским, все время проводилась при активнейшем участии пепеэсовцев. Эта интервенция и война представляли собой, как это неоднократно подчеркивал т. Ленин, «обломки старых империалистических планов Антанты». Но будучи «обломками старых империалистических планов Антанты», эта война имела вместе с тем некоторые своеобразные черты по сравнению с предыдущими «первым и вторым походами Антанты», обусловленные теми особенностями, которые характеризовали положение Польши (по сравнению с Колчаком и Деникиным) в мировой империалистической системе, в системе Версальского мира. «Польша,—писал Ленин,—была государством-буфером, который должен был отградить Германию от столкновения с советским коммунизмом и который Антанта рассматривала как оружие против большевизма» (т. XXV, стр. 401). С первых дней своего существования империалистическая Польша сделалась составной частью Версальской системы и была «тесно связанной со всей системой международного империализма» (там же). Поэтому победа Польши в войне против Советского союза означала бы торжество и победу мирового империализма, укрепление Антанты и в первую очередь Франции означало бы усиление реакции во всей Европе и в первую оче-

редь в империалистической Польше, этом форпосте мирового империализма. И наоборот—победа Советской республики над «буржуазно-помещичьей», «империалистической Польшей» (Ленин) означала бы не только разгром польской реакции, но в первую очередь пробила бы громадную брешь в Версальской системе, в мировом империализме, означала бы создание благоприятных условий для свержения капитализма. «Вот почему,—писал Ленин,—подход красных войск к Варшаве оказался международным кризисом, вот почему это так взволновало всю буржуазную прессу. Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир» (т. XXV, стр. 402).

Но империалистическая Польша, будучи составной частью Антанты, выполняя ее вождения, занимая значительное место в империалистической системе, в системе Версальского мира, осуществляя в 1920 г., как писал т. Сталин, «третий поход Антанты», имела в этой войне против нас и свои собственные, непосредственные интересы, переплетающиеся и совпадающие с интересами Антанты. Польская буржуазия стремилась захватить украинские рынки сбыта, украинские источники сырья, стремилась превратить Украину и Белоруссию в колонии польского империализма, в источники колониальной сверхприбыли. Польские помещики стремились в войне получить назад свои утраченные имения и приобрести для эксплуатации новые земли. Таким образом вопреки господствующей среди правых оппортунистов КПП теории о том, что война имела характер не империалистический, а военно-феодальный, что эту войну польские помещики и мелкая буржуазия проводили вопреки желанию Антанты и Франции, против воли польской буржуазии, в свете статей Ленина и Сталина становится ясным истинный империалистический характер этой войны.

Внутреннее положение Польши в этот период было благоприятным для той предательской деятельности, которую проводила ППС—этот передовой авангард Версальской системы и польского империализма. Четкую характеристику внутреннего положения Польши во время подготовки набега на Украину, во время набега и зах-

вата Киева дает т. Сталин в статье «Новый поход Антанты на Россию» («Правда», 1920 г., № 111—112).

В этой статье он пишет: «Тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение — «чувство отчужденности» — передается по многочисленным нитям польскому фронту... Конечно тыл Польши не однороден (и не может быть однородным!) в классовом отношении, но классовые конфликты еще не достигли той силы, чтобы порвать чувство национального единства и заразить противоречиями разнородный в классовом отношении фронт».

Этот разрыв разнородного в классовом отношении фронта замедлялся и тем, что в то время мы имели в Польше молодую коммунистическую партию, еще не оправившуюся от поражений, которые она понесла главным образом благодаря предательской деятельности ППС в польской революции 1918—19 гг. Во время войны компартия была загнана в подполье, и каждый сочувствующий коммунистическому движению подвергался преследованиям как «большевистский шпион», а дефензива руками ее штатных и добровольных сотрудников—членов польской социалистической партии — физически уничтожала арестованных коммунистов и сочувствующих компартии беспартийных рабочих.

Да и сама КПП, созданная в буре гражданской войны и революции 1918—19 гг., путем объединения СДКПиЛ и ППС-левицы не была еще подлинно большевистской партией. От СДКПиЛ она получила в наследство полуменьшевистские, полуцентристские традиции люксембургизма, от ППС-левицы ей достался тяжелый груз меньшевизма. Совершив ряд ошибок во время революции 1918—19 гг., партия ко времени войны и интервенции белополяков еще не освободилась от этих ошибок. Неверные антиленинские взгляды на национальный вопрос, игнорирование национально-революционной борьбы привели ее к ряду грубейших политических ошибок в национальном вопросе. Также неправильны были ее взгляды на вопрос об отношениях с крестьянством.

Партия не учла опыта большевизма и Октябрьской революции в деле создания правильных взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Не сделав для себя необходимых выводов, она наоборот счита-

ла тактику большевиков глубоко ошибочной.

«Хорошая аграрная реформа не может заключаться в разделе крупной земельной собственности, не может также заключаться в грабеже имений, как это имело место в Советской России» (из брошюры «Кому сейм дает землю»).

Тогда как крестьянство жаждало получить землю, а буржуазные и социал-фашистские партии изощрялись в придумывании лозунгов, при помощи которых можно было бы надеть на польских крестьян узду, КПП не выдвинула лозунгов, мобилизующих крестьянское движение, делающих его союзником пролетариата, не смогла сделать крестьянство активным борцом за лозунги КПП. Молодая компартия, ослабленная арестами, загнанная в подполье, не преодолевшая люксембургских и меньшевистских ошибок, все же вела героическую борьбу с буржуазией, с ее передовым отрядом—ППС, но в силу всех перечисленных причин не смогла так обострить классовые конфликты, «чтобы порвать чувство национального единства и заразить противоречиями разнородный в классовом отношении фронт». А против нее вооружились все силы капиталистического мира, ей был противопоставлен единый фронт мирового империализма, начиная от

английских твердолобых и кончая российскими меньшевиками и эсерами. В этом кровавом единоборстве первую роль играла ППС.

Тов. Ленин, внимательно изучавший расположение классовых сил в Польше в этот период, поведение различных фракций буржуазии, в нескольких строках дал яркую характеристику той роли, которую сыграла ППС в этой войне. В одной из своих речей он сказал:

«Эту войну ведут польские авантюристы, эсеры, партия польских социалистов, люди, среди которых мы больше наблюдаем то, что наблюдаем у эсеров, а именно: революционных фраз, хвастовства, патриотизма, шовинизма, буффонады и пустышки самой полной» (т. XVII, стр. 223).

Изучение документов этой партии—выступлений ее лидеров в сейме, в прессе, на митингах, на собраниях профсоюзов—полностью и целиком подтверждает ленинскую характеристику той подлинно предательской роли, которую выполняла ППС во время войны.

Польская социалистическая партия в своем арсенале на всякий случай всегда имела чрезвычайно «революционные» лозунги. В программе партии, принятой XVI ее съездом в апреле 1919 г., мы читаем:

«ППС в теснейшем сотрудничестве с пролетариатом других стран ведет беспощадную революционную борьбу за социалистическую республику. Эта задача не может быть осуществлена ППС путем компромисса с имущими классами—лишь победоносная социальная революция может передать государственную власть в руки трудящегося народа и дать ему возможность строить социалистическое общество,—чтобы осуществить свои цели пролетариат прежде всего должен свергнуть власть буржуазии и заменить эту власть правительством городских и сельских рабочих».

Не менее «революционно» звучали и тактические принципы, принятые на том же съезде и подтвержденные XVII и XVIII съездами партии.

Среди тактических резолюций мы можем обнаружить следующее положение:

«Политика ППС должна поставить себе целью путем революционной классовой борьбы установить правительство

трудящихся города и деревни. Недопустимо участие партии в коалиционных правительствах».

Эта партия, являющаяся агентом мирового и польского империализма для обмана масс при помощи левой фразы, не раз принимавшая столь «революционные» тактические резолюции, с самого начала Октябрьской революции заняла по отношению к Советской республике непримиримо враждебную позицию. Один из виднейших публицистов партии, Голувко, еще до Октября писал:

«Если первое направление (меньшевики) победит, то Россия быстро европеизируется, превратившись в конституционную монархию. Если же победит второе направление (большевики), то Россия станет ареной анархии».

Необходимо заметить, что в рядах этой партии, заявлявшей в своей программе, что она хочет добиться «власти городских и сельских рабочих», особенно в рядах ее вождей, были широко распространены идеи о том, что самой прогрессивной формой управления является конституционная монархия, что республика есть только «глупый предрассудок».

Великолепно понимая, что несет империализму и ППС как агентуре польского и международного империализма победоносная пролетарская революция в России, польская социалистическая партия, как это мы выше показали, в своей политике по существу с самого начала заняла по отношению к советской власти самую непримиримую позицию. Один из методов, которым она хотела внушить массам такое же отношение к Советскому союзу, была пропаганда идеи, что между пролетарским государством и царской Россией нет никакой качественной разницы, что Республика советов продолжает царскую политику угнетения народов и несет полную ответственность за те бедствия, которые причинял Польше царский строй. Это отношение к Советской республике передовая в краковском органе ППС «Вперед» от 25 марта 1920 г. формулировала следующим образом:

«Преступление раздела Польши ныне новая Россия должна настолько компенсировать, чтобы отказаться от всяких претензий на земли, которые до 1-го раздела 1772 г. входили в состав Речи Посполитой».

Сравнивая Советскую республику с царской «тюрьмой народов», ППС раболепно присоединялась к программе Пилсудского о создании федерации демократических республик Польши, Украины и Белоруссии под протекторатом Польши. Пропаганда теории федераций трех республик представляла собою прикрытую форму агитации за окружение Советского союза кольцом враждебных ему государств, плана, задуманного и проводившегося международным империализмом.

«Польский народ,—писали пепеэсовцы,—должен добиться полного уничтожения царских оков и образования свободных национальных государств от Финляндии до Украины, которые смогут остаться независимыми или образовать вместе с Польшей единый оборонительный союз против России» («Вперед», 23/IX 1920 г.).

Ряд документов, написанных руками пепеэсовских вождей, разоблачает истинное происхождение этого плана. Еще в декабре 1919 г., в связи с приездом в Польшу антантовской миссии, газета «Вперед» писала:

«Для этого посольства, в котором вместе с дипломатами находятся и военные представители, должны быть более всего интересными наши военные возможности на Востоке, так как польская проблема тесно связана с отношением коалиции к русской проблеме».

Так довольно прозрачно намекал пепеэсовский орган «Вперед» на возможность продажи пушечного мяса польских рабочих и крестьян для войны Антанты и польских империалистов против Советской России, так заявлял он о своем желании включиться в активную борьбу против большевизма, против Республики советов.

О необходимости этой войны для удовлетворения империалистических запросов польской буржуазии писал несколько позже в декабре 1920 г. Голувко, проливая слезы по поводу неудачи похода на Украину:

«Жизнь показала всю жизненность и правильность экономических и политических предпосылок похода на Киев. Если бы Киев был нами удержан... сегодня большевики не были бы для нас страшными и в то же время Украина была бы тем государством, которое бы дало нам сахар и зерно, по-

ППС задерживает стачку

зволить нам таким образом облегчить свой продуктовый кризис и поднять курс польской марки, так охотно принимавшейся на Украине».

Вот в чем суть «благородной миссии» Польши, о которой любили кричать пепеэсовцы: продать подороже польских солдат Антанте, превратить Украину в колонию Польши! Все это преподносилось массам и польских, и европейских рабочих под прикрытием заявления о крайней революционности политики Польши в национальном вопросе:

«Польша принесла в Восточную Европу против России, против царизма наилучшую революцию—независимость национальности».

Всю фальшь, все лицемерие этих лозунгов разоблачает каждый политический шаг ППС, в частности проводимая ею сейчас пацификация Западной Украины, неслыханное угнетение Белоруссии и т. п. В связи с этой нынешней политикой ППС чрезвычайно полезно напомнить о тех лозунгах, которые ППС в свое время выставляла, т. е. векселях, которые ППС в эти дни выдавала Украине, Белоруссии и другим национальностям.

Во время подготовки войны, в годы войны против пролетарской России за ППС шли значительные массы городской мелкой буржуазии и некоторая часть рабочего класса. Это последнее обстоятельство заставляло руководителей ППС проводить свою политику по отношению к Советской стране (империалистическую политику, так как руками ППС, через ППС польская буржуазия и помещики, иностранные империалисты проводили свою империалистическую политику), прикрывая эту политику «левыми» фразами. В среде пепеэсовских рабочих, еще не разобравшихся в сущности ППС, не разгадавших, что пряталось под ее «революционной» фразеологией и находившихся под влиянием пепеэсовских националистических лозунгов, было огромное количество симпатизирующих Советской России и не желавших войны против нее.

Судя по корреспонденции в «Работнике» и других газетах ППС, внутри партии назревало серьезное оппозиционное течение, направленное против линии вождей и функционеров партии, против господствующей в партии оппортунистической тенденции. В этой социал-империалистической партии, среди рабочих, еще идущих за ППС, несомненно происходила борьба «двух тенденций», и эта борьба

определяла те маневры в политической линии руководства, которые мы наблюдаем в эти годы.

В одном из своих выступлений, касаясь расположения классовых сил, т. Ленин уловил эту оппозицию, исходящую из рядов трудящихся: «Мы имеем,—говорил по этому вопросу Ленин,—что даже в Польше, польская социалистическая партия, которая преследовала в Польше коммунистов, в своем печатном органе заявляет, что нельзя срывать мирные переговоры в Советской России пред'явлением ультимативного требования со стороны Польши вести эти переговоры в Борисове» (т. XXV стр. 252).

И под влиянием этой борьбы, под воздействием требований масс ППС бывала вынуждена принимать время от времени революционные резолюции, обещать выполнить те или иные требования, чтобы таким образом при помощи этих резолюций обмануть рабочих и иметь возможность за кулисами проводимых ею собраний, митингов и т. п. вести работу по подготовке к войне с Советской Россией, по заключению договоров с Петлюрой и т. п. В этом отношении чрезвычайно характерны два документа. Первый—это воззвание главного совета партии, опубликованное 25 сентября 1919 г. Мы разрешим себе привести довольно большую выдержку из этого воззвания, так как оно великолепно разоблачает роль, которую играла в войне ППС, принимавшая одной рукой революционные резолюции, голосовавшая и подписывавшая их, а другой рукой подготавливавшая нападение на Украину, осуществляя империалистические планы Антанты и буржуазно-помещичьей Польши. Это воззвание дает следующую характеристику войны против Советской республики:

«Господствующие классы Польши заинтересованы в захвате обширных пространств на Востоке, чтобы вернуть себе потерянное имущество, чтобы отнять у крестьян землю, чтобы снова установить власть привилегированных классов.

Сегодня на занятых пространствах Белоруссии и Украины польской буржуазией проводится политика оккупации, преследования национального и социалистического движения, насилуются права непольских национальностей.

Эксплуататорские классы великолепно понимают, что присоединение к Польше

обширных пространств, не заселенных польскими национальностями и не имеющих тяготения к Польше, вызывает содержание лишней армии и укрепление реакции в стране. В воображении нашей буржуазии слабо заселенные восточные окраины будут служить территорией для колонизации. Война на Востоке есть борьба за усиление реакции в Польше, за ликвидацию великих социальных реформ и за закрепощение трудящегося народа, так чтобы он не осмелился покушаться на буржуазное правительство».

Другой документ, это—воззвание центральной комиссии профсоюзов, принятое в феврале 1920 года и точно так же, как и воззвание главного совета ППС, квалифицирующее войну как реакционную, проводимую в интересах международного капитала и буржуазно-помещичьей Польши. Это воззвание констатировало, что нет противоречия между польскими и русскими пролетариями, что все они должны вместе бороться с буржуазией. Дальше воззвание заявляло, что не время заниматься теперь попытками вести переговоры с буржуазными учреждениями Польши, необходимы методы «прямого действия», собраний, демонстраций, забастовок и массовых выступлений.

Однако когда на одном из организованных ППС профсоюзных собраний (в Варшаве) при обсуждении воззвания аналогичного рода было внесено предложение об объявлении всеобщей стачки, то те же пепеэсовские руководители, написавшие это воззвание, сорвали предложение, мотивируя это опять-таки архи-«революционными» заявлениями о том, что нельзя-де связывать себе руки принятием такого ограничивающего решения: «если обстоятельства этого потребуют, может оказаться необходимым пойти гораздо дальше всеобщей стачки» и т. п.

Не менее лицемерную политику проводили пепеэсовцы в иностранной социалистической прессе. В статье, написанной для «Юманите», Дашинский заверял французских рабочих, что «ППС всеми силами борется против войны». В письме, направленном в управление итальянской социалистической партии, ППС заявила, что она всячески боролась против похода на Киев.

«Рабочий класс несомненно объявил бы всеобщую стачку, которую он уже подготовил, если бы военное счастье не перешло на сторону Советского правительства».

Жертвы польского белого террора

Тот же Дапшинский в своем интервью для итальянской печати писал, что «польские социалисты с самого начала противились нападению на Буг и Днепр, что они все время заявляли о том, что все споры, которые имеются между Польшей и Россией, должны быть разрешены не с оружием в руках, а путем мирных переговоров» («Вперед» от 23/IX 1920 г.). Их партийные соперники — эндеки, не удержались от того, чтобы заявить в «Утренней газете» («Газета поранна»), что:

«ложью, лицемерием пышет от мирных лозунгов, идущих из уст социалистов. Позорно добиваясь непрочного мира с РСФСР, ППС одновременно подталкивает польское правительство на украинские авантюры, которые угрожают затянуть до бесконечности нашу борьбу на восточных границах Республики» («Утренняя газета», 1 мая 1920 г.).

«Утренняя газета» метко показала цену «пацифизма» ППС. Вся действительная линия поведения этой партии, начиная от предложения Антанте услуг польской ар-

мии и своей партии до ее поведения после Рижского мира, свидетельствует о ее активном участии в подготовке войны с Россией, о ее активном участии в самой войне, о том, что руками ППС империалистическая Антанта вместе с буржуазно-помещичьей Польшей осуществляла свои империалистические цели, направленные против Советской республики, осуществляла свою политику создания буферов между Европой и Советской республикой. Но об этом на следующих страницах заговорят сами пепеэсовцы в своих выступлениях и в сейме и в прессе.

Не успели высохнуть чернила на антивоенных резолюциях, написанных руками пепеэсовцев, как пепеэсовские руководители начали подготовку общественного мнения против Советской республики, за поддержку Петлюры, за «федеративные принципы» Пилсудского, за войну. Помимо работы, начатой в прессе, ППС мобилизовала весь свой актив для усиления работы польской охранки и проведения «внутренней» подготовки к войне.

Нужно заметить, что активное участие в работе в дефензиве, как военной, так и гражданской, пепеэсовцы начали принимать со времени создания «неподлеглой» Польши.

«Одним из наиболее крупных работников дефензивы,—пишет в своих воспоминаниях т. Ландуцкий,—был старый пепеэсовский дружинник Славек. Второй крупной фигурой был Левандовский, тоже известный член пепеэсовской боевой организации. Было много еще и других. Не один рабочий, попавший в их когти, будет долго помнить их «социалистические» методы допроса.

Во время подготовки киевского похода, накануне его, ЦИК ППС послал на работу в охранку большое количество членов своей партии».

За этот небольшой период было арестовано свыше 7 тысяч коммунистов. Старые пепеэсовцы, работавшие в охранке, принесли буржуазии неоценимую помощь, так как опыт подпольной работы при царизме помогал им расшифровывать законспирированных коммунистов. В этой работе принимали участие не только официальные сотрудники дефензивы — члены ППС,— в это предприятие были вовлечены и те пепеэсовцы, которые не состояли

на службе в охранке. Везде начались призывы к борьбе с большевизмом. Аппарат охранки с помощью ППС заработал «поударному», работы хватило всем—и платным и неплатным охранникам-пепеэсовцам.

Двурушничество ППС проявилось не только в борьбе с внутренним врагом—КПП,—двурушническая тактика ППС показана в процессе споров о месте мирных переговоров, когда советское правительство не позволило капиталистической Польше повторить опыт генерала Гофмана в Бресте. Под влиянием масс, под воздействием непрекращающихся в Польше митингов и собраний, идущих под лозунгами мира с Советской Россией, даже пепеэсовский «Роботник» вынужден был на своих страницах поддержать требования трудящихся масс и выступить против политики правительства. Но когда в сейме министр иностранных дел Патека выступил со своей программой, сводящейся к расширению Польши до границ 1772 г., к получению от советского правительства компенсации за разделы Польши и грабежи, которые проводило царское правительство, пепеэсовцы эту программу полностью поддержали.

В связи с обсуждением программы Патека в сейме, в прессе и среди пепеэсовского актива все сильнее и сильнее возобновлялась пропаганда идеи воссоздания Польши в границах 1772 г.

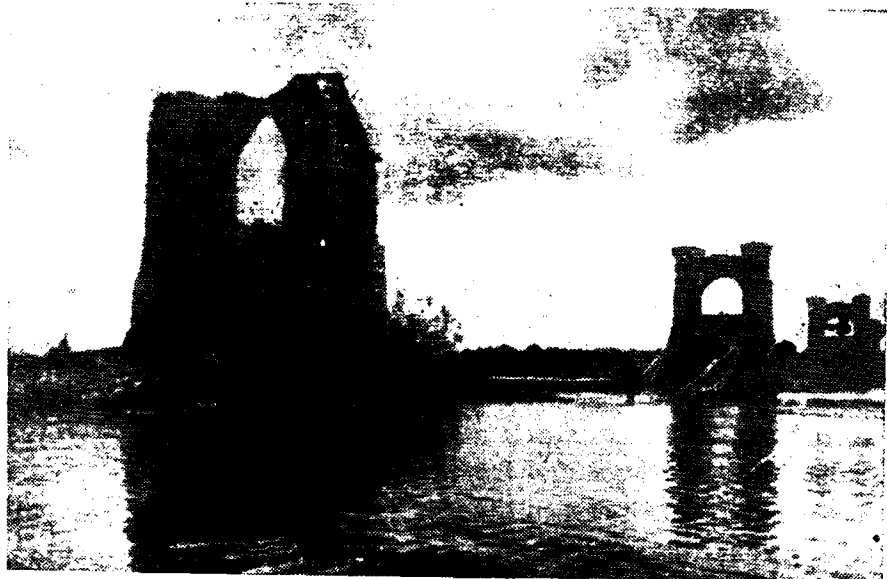
В конце апреля Пилсудский занял Киев и обратился вместе с Петлюрой с «манифестом» ко всему населению Украины, в котором он излагал свою программу действий, облеченную в соответствующую фразеологию ППС и обещающую украинскому народу «самостоятельное» государство под управлением Петлюры.

«Роботник» на этот манифест радостно реагировал статьей Голувко. ППС начинает теперь более открыто проводить империалистическую политику. В статье от 5 мая Голувко заявил:

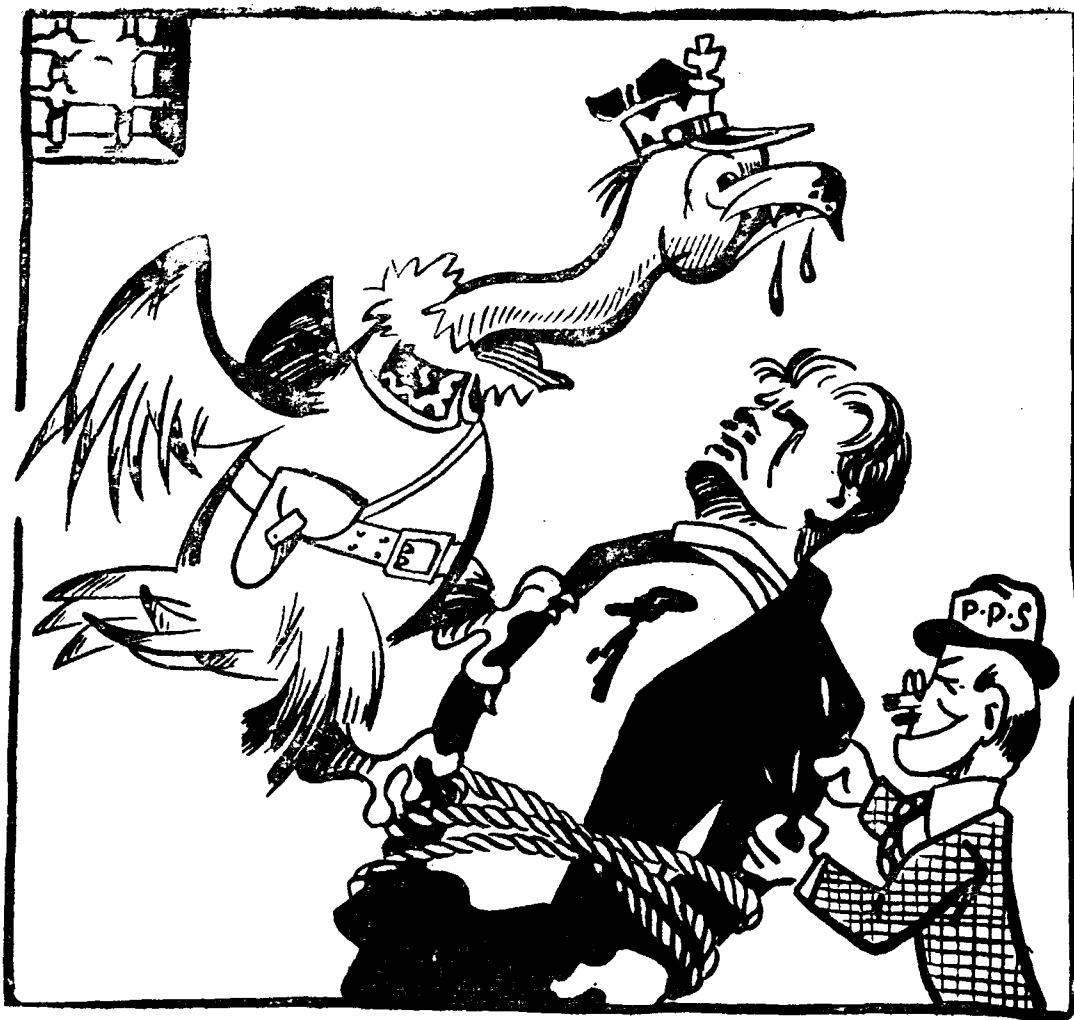
«Хорошо, что наконец поняли это (необходимость союза с Петлюрой), что наступил и нашел конкретное выражение польско-украинский договор и в манифесте командующего Пилсудского и атамана Петлюры. Эти действия приветствуем с радостью и признанием».

Успехи, которых достигла польская оккупационная армия на первых порах, вселили в настроения польских социалистов необычайный патриотический восторг. Началась ура-шовинистическая обработка масс. Поход Пилсудского на Украину, захват Киева, реставрация капиталистических порядков, возвращение земель помещикам, экзекуции крестьян, массовые расстрелы украинских рабочих,—словом, установление оккупационного режима, напоминающего деятельность усмирителя польского восстания 1863 г. Муравьева-Вешателя, пепеэсовцы изображали «как покорение не мечом, а сердцем»:

«Не всепольскую политику гнета, но свободопринносящую политику в духе действительной справедливости и солидарности приведет ныне мыслимая развязка военного вопроса. Так пойдем же на покорение, но не покорение мечом, а на покорение сердцем. Сердца украинцев, белорусов и даже таких врагов наших, как литовцы, хотим покорить себе сердцем» («Вперед» от 17 мая 1920 г.).

Остатки киевского Цепного моста, взорванного поляками в 1920 году

ППС: „Мы тоже стоим за поддержку рабочего класса, чтобы он меньше сопротивлялся“

Так изображала ППС методы покорения Украины, Белоруссии, так она подготовляла набег на Литву. Правда, говорилось лишь о желании покорить сердце Литвы сердцем польских империалистов, но не случайно, что когда освещался набег Пилсудского на Украину, пепеэсовцы ставили вопрос о Литве. Несомненно, что уже в мае 1920 г. шла усиленная предварительная подготовка общественного мнения к тем империалистическим действиям по отношению к Литве, с которыми мы столкнемся позже.

Не менее радужными красками рисовали другие пепеэсовские газеты оккупационный режим, установленный Пилсудским вкупе с ППС и Петлюрой на Украине. Вот как газета «Трибуна» реагирует на захват Киева:

«Польские орлы вошли в Киев. Польская армия заняла линию Днепра. Украинская армия получила столицу Украины. Власть украинской директории делает первые шаги на территории, еще так недавно занятой российскими наездниками. Украина властно втянулась в государственную жизнь. От Балтики до Черного моря падает под ударами поль-

ской армии насилие русских, которые господствовали там два века. Что русский меч покорил и утнетал, то польский меч освободил. Русское господство пятится на русские земли. Восстают на Востоке народы, получившие независимость, которых русская бюрократия, шедшая вслед за русскими войсками, лишила даже надежды на независимость. Захват Киева, занятие линии Днепра — вот результат полуторалетней русско-польской войны. Восстановились уже свободные государства — Финляндия, Эстония, Литва, Латвия и Украина. Восстановились силой и трудом польского солдата, польской нации, жертвами многих миллионов польского народа. Так те, кто на месте царя выступал именем России, алчно протягивая завоевательные руки к Польше, потом к Литве и Украине, были отброшены Польшей далеко на Восток».

Такую ура-патриотическую позицию заняла ППС. Ее функционеры совместно с Пилсудским восстанавливали на Украине капиталистические порядки методами Паскевича и Муравьева-Вешателя. И при всем этом у них хватало наглости писать такую информацию в иностранные газеты,

как например статьи Дашинского для «Юманите», для итальянского журнала и т. п., статьи, заявляющие, что:

«Поход на Украину был совершен против воли пролетариата и даже его партии — ППС, так что шли даже приготовления для всеобщей стачки»...

Но вот военное счастье изменяет Польше:

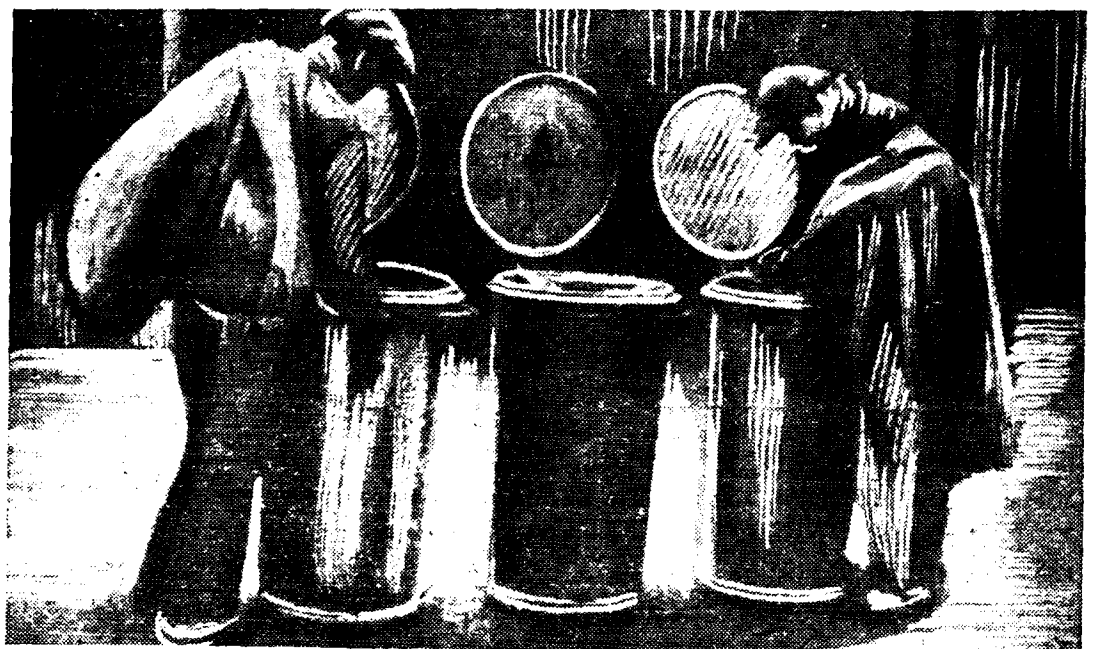
«Выдвигаясь за пределы Польши и углубляясь в прилегающие к Польше районы, польские войска удаляются от своего тыла, оставляют связь с ним, попадают в чуждую им и большей частью враждебную национальную среду. Хуже того: враждебность эта усугубляется тем обстоятельством, что громадное большинство населения прилегающих к Польше районов (Белоруссия, Литва, Россия, Украина) состоит из непольских крестьян, терпящих гнет польских помещиков. Крестьяне эти рассматривают наступление польских войск как войну за власть польских панов, как войну против угнетенных непольских крестьян» (Сталин, статья в «Правде» от 11 июля 1920 г.).

Под влиянием ударов советских войск прежде всего отрезвляется от военного угара польской буржуазии, которая устами одной из своих партий — эндеков — начинает делать некоторые шаги для заключения мира. ППС оказывает давление на буржуазию изнутри, тогда как Антанта, особенно Франция, давит на нее извне. Партия, только что заявлявшая в итальянской пе-

чати о том, что она всячески противилась походу на Украину, берет на себя задачу поднять патриотизм мелкобуржуазных масс для «защиты отчизны», т. е. для продолжения империалистической войны против Советской России. Это она создает «рабочий полк защиты Варшавы», это ее поэты пишут новый «Пролетарский гимн», где повторяется припев:

«Рабочий люд, раздавим их, как гадов,
Настелим груды трупов зарвавшихся
москалей».

Несмотря на то, что ППС удалось несколько поднять патриотические настроения мелкобуржуазных масс, несмотря на то, что даже кое-кто из рабочих вступил в польские части, рабочие в основной своей массе этим патриотическим настроением не поддались. Часть рабочих — членов ППС, — еще не понявшая полностью сущности партии, думала, что можно кое-что сделать в рамках партии; оппозиционные настроения и иллюзии переделали партию, не выходя из ее рядов, вырывались наружу даже на заседаниях главного совета. На одном из заседаний главного совета партии было внесено предложение о призыве пролетариата к свержению буржуазного правительства и установлению власти рабочих города и деревни. Конечно это предложение было главным советом партии отвергнуто. В эти же дни Центральный исполнительный комитет ППС принял резолюцию о необходимости «политики народного единения» и дал санкцию своим представителям вступить и в Совет защиты государства, и в коалиционное правительство. Решение Центрального исполнитель-

Безработные ищут себе пищу в мусорных ящиках

Оставшиеся без квартиры
безработные в Лодзи

ного комитета ППС главное управление утвердило в тот же день, когда было отвергнуто предложение о том, чтобы ППС взяла на себя почин свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата.

О том, какую роль играли представители ППС в Совете защиты отечества, можно судить по тому факту, что одним из соавторов знаменитого воззвания Совета от 8 июля 1920 г. был пеперсовский депутат Барлицкий. А в этом воззвании имеются такие перлы пеперсовского искусства, так напоминающие нам доводы другой фракции польской контрреволюции—народно-демократической партии:

«Не русский народ есть тот враг, в бой с которым мы призываем новые силы, врагом этим является большевизм, который утвердил ярмо новой, более страшной тирании, опутавшей русский народ, он хочет захватить наши земли—земли Костюшко и Траугута, земли святых могил и крестьян—в свою мрачную и кровавую власть...»

Такова гнуснейшая роль ППС, этой социал-империалистической партии, руками которой империалистическая Антанга, хищническая Франция и буржуазно-помещичья Польша осуществляла свой «третий поход» против Советской республики (Сталин). Историческая роль этой партии состояла прежде всего в том, что она, поль-

зуясь большим влиянием на мелкобуржуазные массы, на некоторые слои националистически настроенного польского пролетариата, своей двурушнической деятельностью при помощи своей революционной фразеологии делала из этих масс орудие империалистической буржуазии и выполняла таким образом социальный заказ международного империализма.

Таково истинное лицо этой партии—орудия Версальской системы, авангарда международного и польского империализма. Эта партия предателей, полковников и охранников подавила в 1918—19 гг. пролетарскую революцию в Польше и укрепила диктатуру польского империализма, эта партия спасла Версальскую систему и польский империализм во время войны 1920 г. Это она все годы после Рижского мира вдохновляет интервенцию против СССР. Сейчас она, находясь на положении «оппозиции его величества» Пилсудского, является социальной базой польской буржуазии и главной опорой в ее борьбе против революции, против СССР. Но растет, ширится и крепнет революционное движение в Польше. Революционный кризис не за горами, и когда грянет гром пролетарской революции, то окрепшая КПП, прошедшая великолепную выучку подполья, освобождающаяся от люксембургских и меньшевистских ошибок, под большевистским руководством Коминтерна, под руководством своего ЦК уничтожит эту партию войны, голода, пацификации, антисоветских провокаций и интервенций.

Рейд червонных казаков на Проскуров

I. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА И ПОДГОТОВКА К РЕЙДУ

Война с белополяками приняла для Советской России серьезный характер в 1920 году, когда польские армии вышли на линию реки Днепр и овладели Киевом.

Главному командованию РККА пришлось пойти на немедленное ослабление сил на Южном и Восточном фронтах и перебросить ряд дивизий на польский фронт, несмотря на то, что на востоке еще не были добиты остатки колчаковской армии, еще свирепствовали Унгерн, Семенов, Аяшников и прочие дальневосточные атаманы; на юге барон Врангель заперся в Крыму и

генерал Слащев защищал Перекоп против наших армий.

Не только отдельные дивизии, но и вся конная армия Буденного была переброшена на польский фронт походным порядком с Дона и Кубани на правый берег Днепра, так как наши железные дороги не в состоянии были поднять и перебросить такую конную массу.

Перейдя Днепр в Екатеринославе и дождавшись сосредоточения нашей пехоты под Киевом, Конная армия прорвала фронт белополяков под Липовцем и вышла в их тыл к Житомиру. Этот громовой удар, разрушивший польские тылы и в течение

В. И. Ленин на митинге перед отправкой красноармейцев на польский фронт

пяти дней разгромивший связь и управление войсками действовавшей под Киевом польской армии, отбросил белополяков от линии Днепра сразу на линию рек Буг и Случ; только уйдя за эти реки на сто—пятидесят верст на запад, польское командование смогло привести в порядок отступающие дивизии и организовать оборону.

Но так как наше преследование было задержано медленной доставкой боеприпасов, то остановившиеся на Буге и Случе белополяки получили время не только организовать оборону, восстановить связь и наладить управление войсками, но и выполнить серьезные оборонительные работы: за реками Буг и Случ были вырыты окопы, на наиболее угрожаемых участках были сделаны сильные проволочные заграждения, в тылу за полосой обороны были сосредоточены сильные резервы для маневра и контрнаступления.

Поляки задержали наше наступление. Конная армия остановилась возле Новограда-Волынска, 45-я стрелковая дивизия Якира — севернее Любара. Южнее их, в районе г. Хмельника, заняла фронт прибывшая с врангелевского фронта дивизия Червоного казачества, а дальше, к югу до Днестра, развернулись 47-я, 60-я и 41-я дивизии XIV армии.

8-я конная дивизия Червоного казачества была также включена в состав XIV армии, которою командовал «ударный командарм» товарищ Уборевич.

В конце июня боевое соприкосновение с поляками было окончательно установлено, и по всему фронту XIV армии начались небольшие бои местного значения.

Действия конницы Червоного казачества, только что прибывшей на фронт, свелись в первое время к боевой разведке и к ознакомлению с противником, но уже на рассвете 29 июня пять батальонов польской пехоты вышли из-за проволочных заграждений в районе Старая Синява и попытались перейти в наступление на Хмельник.

Батальоны эти были окружены под селами Чешки и Шпичинцы четырьмя полками Червоного казачества и изрублены, при чем взято было в плен более трехсот пленных и 10 пулеметов. Это было первое серьезное знакомство наше с белополяками, знакомство весьма удачное. Очень важно выиграть первый бой на новом фронте с новым противником — это поднимает дух войск и укрепляет веру в свои силы. И этот выигранный бой с

удачной конной атакой поднял дух дивизии и вселил во всех казаков веру в себя и в свои силы.

Захваченные в этом бою пленные подтвердили сведения, ранее собранные разведотделом штаба дивизии и сообщенные Штарму, о том, что в районе Старокопстантинова польское командование собрало сильную ударную группу, более дивизии пехоты, для перехода в контрнаступление во фланг и тыл конной армии Буденного.

Сведения эти имели чрезвычайное значение для фронта, так как положение Конной армии, действовавшей в лесистом болотистом районе Новограда-Волынска, не давало Буденному возможности использовать главную силу Конармии. Конная армия дралась спешиваясь, позиции белополяков были сильно укреплены и выход во фланг и тыл Конармии сильной ударной группы белополяков мог отразиться на исходе операции, тем более, что из-под Киева белополяки отступили, хотя и сильно потрепанные, но все же сохранив живую силу, а следовательно и боеспособность своих дивизий.

В тот же день вечером в штаб дивизии прибыл командарм Уборевич. Он привез директиву фронта, в соответствии с которой червоные казаки должны были разгромить ударную группу белополяков, и прибыл лично для организации прорыва польского фронта в направлении на Старокопстантинов — место сосредоточения польской ударной группы.

Директива, данная фронту, предписывала Червоному казачеству прорвать польский фронт в районе Старой Синявы и ударить по тылам поляков в направлении на Старокопстантинов с задачей рассеять ударную группу раньше, чем она окончательно сосредоточится и перейдет в наступление во фланг и тыл армии Буденного.

Прорыв фронта должна была осуществить 47-я стрелковая дивизия. Для удара в тыл на Старокопстантинов предназначались шесть конных полков Червоного казачества, которые должны были пройти в проделанный пехотой прорыв польского фронта. Возникли сомнения в способности 47-й стрелковой дивизии прорвать укрепленный фронт поляков, так как в дивизии было менее 1.000 штыков, к тому же части были разбросаны на 30-верстном фронте. Возникло также второе сомнение в целесообразности удара на Старокопстантинов, так как такой удар мог бы вылиться

не в удар по тылам полков, а в лобовое столкновение со староконстантиновской группой.

Об этих сомнениях доложил командарму командир Червонной казачьей дивизии, одновременно предложив несколько изменить направление ударной группы: от Бара на Проскуров и оттуда в тыл староконстантиновской группы.

II. ПРОРЫВ И РЕЙД

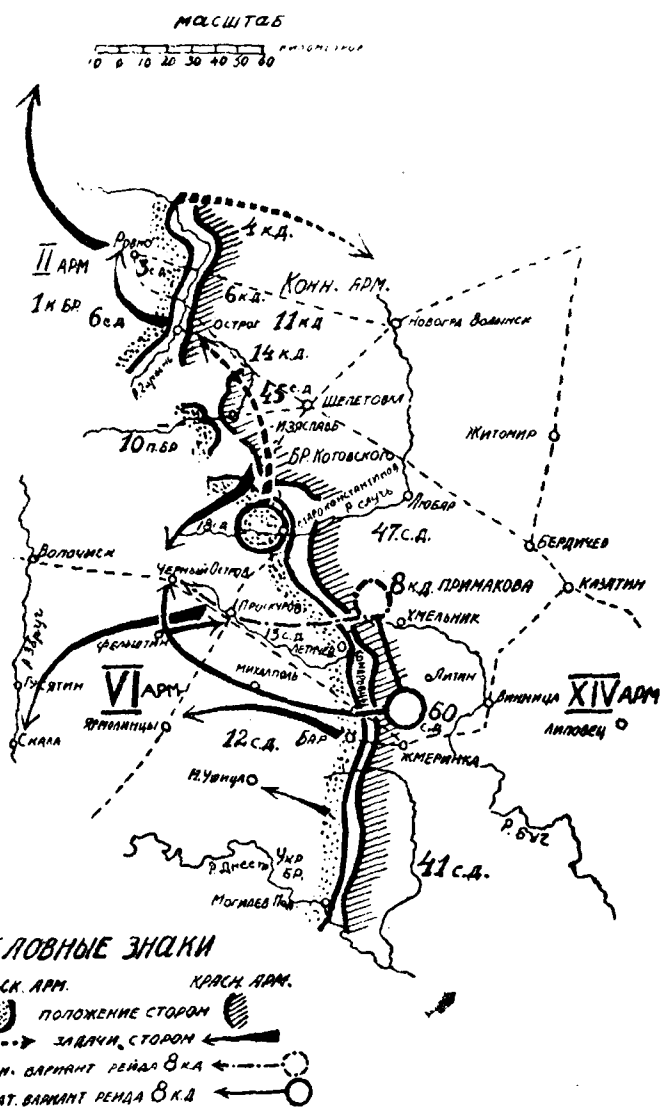
На рассвете 29 июня в селе Адамполь было сосредоточено две бригады 47-й дивизии, численностью около 500 штыков. За селом Адамполь развернута была вся артиллерия 47-й дивизии и дивизии Червонного казачества, объединенная под общим командованием начальника артиллерии XIV армии т. Фрейберга. В долине за Адамполем в резервных полковых колоннах выстроены были для движения в прорыв шесть конных полков Червонного казачества.

После сильной артиллерийской подготовки 47-я дивизия перешла в наступление на участке с. Ивки, Гречаны, но была отбита, и после полудня пехота отошла к селу Адамполь, не добившись успеха. Фронт противника не был прорван. Тогда немедленно командарм Уборевич принял решение: прорывать фронт возле города Бар—ст. Комаровцы, бросить в прорыв Червонное казачество на Проскуров и в тыл на Староконстантинов. Выполнение этого решения не терпело отлагательств, поэтому т. Уборевич на месте отдал распоряжение о переброске Червонного казачества в район города Бар, не дожидаясь санкции командующего фронтом, и в ночь на 30-е выехал в район станции Комаровцы для организации прорыва.

Прорыв намечен был на участке между станцией Комаровцы и городом Бар. Для прорыва назначены были 60-я стрелковая дивизия и группа бронепоездов.

Червонные казаки 30 июня в течение дня сильными раз'ездами демонстрировали на участке фронта от Гречаны до Старой Синявы, а ночью 30 июня на всем этом участке оставлено было только четыре раз'езда по 30 коней, составленные из худоконных всадников, которые не могли идти в тыл противника. Этим раз'ездам приказано было 1 и 2 июля вести энергичную боевую разведку на фронте Гречаны—Старая Синява, а 3 июля перейти в район Летичев—Деражня на соединение со сво-

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ СТОРОН НАКАМУНЕ РЕЙДА

ими обозами, где и оставаться при обозах дивизии до распоряжения.

В ночь на 1 июля дивизия, двигаясь одной колонной, вышла в направлении на Летичев. Шесть конных полков шли лесной дорогой тихо, без песен и музыки. Полная луна освещала дорогу, путь был не труден. К рассвету дивизия пришла в район Летичева и укрылась в лесах от польской воздушной разведки. Окружив бивак пулеметами и сильными заставами, полки спали до вечера, до восхода луны. После отдыха в лесах возле Летичева дивизия в ночь со 2 на 3 июля сосредоточилась в районе сел Овсянники—Чернилеговцы.

В то же время оставленные на фронте Гречаны—Старая Синява четыре отдельных раз'езда в течение 1 и 2 июля вели энергичную перестрелку под Старой Синявой, и белополяки предполагали, что червонные казаки действуют на старом фронте,—уход дивизии на юг обнаружен не был.

По сосредоточении в районе Овсянники—Чернилеговцы в дивизии был произ-

веден окончательный отбор коней: все больные и плохо кованные были оставлены в обозе. В рейд шли шесть конных полков по 400 — 500 сабель в каждом, шесть полевых орудий, 48 тачанок с пулеметами и около сотни повозок с патронами, снарядами и санитарных.

Дивизия, втянутая в поход хорошо тренированной, была в хорошем состоянии, настроение казаков не оставляло желать ничего лучшего. Предпосылки успешной операции были налицо.

День 3 июля был солнечный, вечер спустился теплый, летние дороги были в отличном состоянии. Дозревал хлеб. Рожь и пшеница были по плечо. В тылу противника везде можно было найти корм для лошадей.

Штаб дивизии в селе Гришки разработал детальный план рейда. До полудня 3 июля только трое (командир дивизии, начальник штаба Туровский и военком дивизии Петровский) знали решение командрама, цель и план рейда. В полдень об этом было сообщено также штабу дивизии. Штаб дивизии разработал приказ о рейде. Все действия дивизии в тылу противника были рассчитаны вперед на двое суток. Расчеты были сформулированы в кратком приказе по дивизии, разосланном после полудня в полки и предназначенном исключительно для командиров полков и командиров сотен (в целях сохранения тайны).

Самое важное на войне—это умение предвидеть и быстро принимать решение, умение правильно рассчитать работу войск.

В последний раз были проверены запасы патронов и снарядов, выслушаны были последние доклады о готовности материальной части к движению с конными полками, и штаб дивизии, устроившись на бурках и шинелях, заснул перед выступлением в поход.

Вечером, когда заходило солнце, загремели первые артиллерийские выстрелы: бронепоезда двинулись на Комаровцы на небольших дистанциях один за другим и энергичным броском ворвались на станцию. Головной бронепоезд прошел за Комаровцы, преследуя уходящий польский бронепоезд. Из второго бронепоезда был высажен десант, который захватил врасплох штаб 45-го полка и гарнизон станции Комаровцы, захватил мывшийся в бане польский батальон.

Со стороны г. Бара доносилась артиллерийская канонада и ружейная трескотня. Там вела наступление пехота 60-й дивизии. Пехота, шедшая за бронепоездом, захватила село Комаровцы, и участок от станции Комаровцы до села Комаровцы был очищен от белополяков, а остальной фронт до г. Бар был скован ночным наступлением пехоты.

В ночной мгле к станции Комаровцы подошла конная дивизия Червоного казачества в колонне на сокращенных дистанциях, представляя собой тугую пружину, готовую развернуться для удара в любом направлении.

В полной тишине, выполняя приказ не шуметь и не курить, прошла конная колонна в прорыв мимо бронепоездов, вспыхивавших молниями грохочущих выстрелов.

Авангард под командой Беспалова ушел на два километра вперед. От авангарда со штабом дивизии была связь конной цепочкой. За ст. Комаровцы авангард изрубил польскую заставу, и дивизия беспрепятственно продвигалась вперед. Недалеко от станции возле хуторов дивизию встретила толпа крестьянской молодежи. Парни собрали винтовки убитых белополяков, построились в две шеренги, выбрали старшего, который заявил об их готовности помочь Красной армии. Командир дивизии приказал повстанцам идти на Бар помогать пехоте. В Галузинцах — такая же встреча. Галузинские повстанцы были посланы туда же.

Когда колонна миновала село Шилинцы, уже взошло солнце, и командир дивизии разрешил играть полковым трубачам.

Линия фронта осталась позади. В раннем утре раздавались звуки веселых маршей и удалое «Яблочко». Столбы пыли поднялись за колонной.

Справа, за селом Шилинцы, боковой разезд обнаружил польский обоз. Разведывательный дивизион штаба дивизии был послан его ликвидировать, и в то время, как дивизия на рысях шла на село Зянковцы, разведка на глазах у колонны нагнала обоз. Их встретили огнем с повозок, уходивших карьером, но всадники окружили обоз, в пыли засверкали шашки...

В Зянковцах командира дивизии догнал казак с донесением, что дивизион изрубил более ста поляков, захватил сто подвод и идет на соединение с дивизией. Командир дивизии приказал раздать подводы беднейшим крестьянам ближайших сел, а себе забрать только обозных коней. Кон-

ница, идущая в рейд в тыл противника, не должна быть ничем обременена, чтобы полностью использовать свою подвижность; это—главное качество, обеспечивающее успех в рейде.

Вечером дивизия подошла к местечку Михалполь, в глубоком тылу поляков. В Михалполе слышна ружейная стрельба—авангард Беспалова сцепился с какой-то польской частью. На помощь ему выслан 1-й полк. Через полчаса ружейный и пулеметный огонь усиливается,—очевидно 1-й полк вступил в бой,—затем через 20 минут все замолкает.

Дивизия в Михалполе получила донесение, что полком взято более ста пленных, изрублено двести белополяков, захвачено около двухсот повозок, но все же около пятидесяти польских кавалеристов ускорили в Деражню и конечно подымут там тревогу.

На ночь дивизия расположилась в селах Загницы, Маниковцы, Фащевка... За день пройдено около 50 верст, изрублено до четырехсот белополяков, взято больше ста пленных, около трехсот подвод обоза и несколько пулеметов. На ночь дивизия поставила кольцевое сторожевое охранение, и посланные в заставы раз'езды всю ночь ловили польскую полицию и жандармерию. Ночью в Михалполе к отбитым у поляков повозкам собрались крестьяне, и политотдел дивизии, несмотря на большую усталость, в ночь с 4 на 5 июля провел митинг с крестьянами и роздал им трофейное имущество, газеты и прокламации. Эти газеты и прокламации комплектами получали от подива также и раз'езды, шедшие в стороне от колонны, для раздачи крестьянам.

С 9 часов вечера 4 июля до 5 часов 5 июля дивизия ночевала в районе Михалполя. За ночь разведчики были посланы на линию железной дороги Жмеринка — Проскуров и в районе станции Богдановка взорвали железную дорогу, отрезав польские бронепоезда и эшелоны снабжения, находившиеся в Деражане.

5 июля в пять часов дивизия выступила в направлении на село Пасечна и дальше—к Проскурову. На шоссе на дороге из Ярмолинцев в Проскуров раз'езды дивизии задержали легковой автомобиль и санитарный грузовик. В легковом автомобиле было захвачено несколько офицеров штаба VI армии и два американца, принадлежавшие к какой-то миссии, работавшие вместе с польским штабом. Они пытались отстре-

ливаться и во время перестрелки были перебиты. Автомобиль был доставлен в штаб. У американцев найдено было кроме документов более 100 тыс. долларов.

На станции Лехновка был остановлен пассажирский поезд. К пассажирскому поезду был прицеплен штабной вагон, в котором оказалось более сорока офицеров петлюровского штаба. Во время перестрелки они были частично перебиты, а остальные расстреляны. Одновременно с захватом петлюровских офицеров на станции Лехновка две конные сотни были высланы в Ярмолинцы (большое село, лежащее на пути в Каменец-Подольск). Там был захвачен большой обоз, взято несколько орудий и изрублено больше трехсот петлюровцев.

Оставив две сотни в с. Ярмолинцы, которое находилось в стороне от намеченного маршрута, дивизия подошла к местечку Фельштин, где наткнулась на 200 поляков, засевших в каменном здании школы и пытавшихся оказать сопротивление. После получасового боя они сдались.

После полудня дивизия расположилась в селах Водички—Немчинцы, Волица. За день дивизия изрубила несколько сотен поляков и разгромила обоз, но все это не имело решающего значения для фронта, и на эти действия дивизия расходовала пока только отдельные раз'езды и сотни. Основная масса шести конных полков прибыла в район Немчинцы, свежая, готовая к решительному удару. Учитывая блестящее состояние полков, быстроту движения дивизии и вероятную неосведомленность поляков насчет действительных наших сил и намерений, командир дивизии, не боясь разделения сил, решил атаковать одновременно Проскуров, где находился штаб VI польской армии, и Черный Остров, где находилась армейская база снабжения.

С 4 часов дня 5 июля до 2 часов ночи 6 июля дивизия отдыхала в районе Немчинцы, выставив кольцевое охранение с пулеметами.

Полки спали и кормили лошадей с полной расседловкой, за исключением дежурных сотен в каждом полку. Только штаб дивизии работал непрерывно, разрабатывая дальнейший план операции и собирая разведывательные данные о противнике. Решено было выделить для атаки на Проскуров одну конную бригаду, один полк сохранить в резерве для охраны нашего тыла, а трем полкам разгромить Черный

Остров и уничтожить армейскую базу снабжения, что нарушило бы нормальное питание польского фронта боеприпасами и прочими предметами снабжения. Разгром поляков в Проскурове, захват штаба армии лишили бы управления части, находящиеся на фронте.

1-й бригаде под командой Григорьева (ныне командира 2-й конной дивизии Червоного казачества) было приказано атаковать Черный Остров и взорвать железную дорогу в сторону Волочиска и в сторону Проскурова. 3-й бригаде под командой Микулина (ныне преподаватель Военной академии) с дивизионом 4-го полка было приказано атаковать Проскуров и взорвать Проскуровский железнодорожный узел, после чего идти на село Педосы, на соединение с дивизией. 2-й бригаде со штабом дивизии — перейти в село Педосы, поставить заставы в сторону Волочиска и на юг, в сторону Каменец-Подольска, прикрыть тыл оперирующих бригад и оставаться в резерве командира дивизии. В тылу противника, где возможны всякие неожиданности, надо иметь сильные резервы.

В два часа ночи 6 июля дивизия выступила для выполнения этого приказа. Авангард 1-й бригады выбил из села Педосы пехоту противника и подошел к Черному Острову, но был встречен сильным огнем пехоты, которая занимала станцию Черный Остров силой более батальона. Командир бригады Григорьев спешил две сотни 1-го полка и направил их в лобовую атаку на станцию Черный Остров с задачей сковать противника, а сам с остальными шестью сотнями и двумя орудиями конной полевой батареи пошел в обход Черного Острова, атаковав его с севера, а не с юга, откуда ждали его поляки и откуда наступала сковывающая группа бригады.

Фланговый обход полями, по высокой ржи, в предутренней мгле, был сделан удачно. Шесть сотен подобрались к Черному Острову незаметно для поляков. Учтя обстановку, штаб дивизии приказал взводу 2-й батареи, бывшей в дивизионном резерве, стать на позиции и открыть огонь по станции, чтобы еще больше отвлечь внимание поляков от направления, откуда готовилась атака ударной группы Григорьева. В разгаре боя в тылу поляков с севера загремели орудия 1-й конной батареи, и 1-я бригада ворвалась в Черный Остров, но была встречена на улицах сильным ружейным и пулеметным огнем. 2-й полк, под командой Потапенко, старого большевика,

старого политкаторжанина, спешился на галопе, бросил лошадей и в пешем строю гранатами и огнем на короткой дистанции выбил поляков из домов, в которых они засели. Польская пехота стала уходить на запад, и как только она вышла в поле, коноводы подали коней 2-му полку, а 1-й полк уже отрезал отход пехоты и бросился в атаку в конном строю. Его атака была поддержана 2-м полком. Пехота была изрублена, и бригады в конном строю бросились на станцию. Слыша бой в Черном Острове, спешившиеся сотни 1-го полка сели на коней, поддержали атаку ударной группы и захватили станцию.

Отдельные группы поляков проскочили на запад и бежали к Волочиску, но их перехватили стоявшие во ржи заставы, причем в числе перехваченных и убитых было три генерала и министр общественных работ. Изрублено было до пятисот рядовых, на станции захвачено 100 вагонов со снарядами и патронами и 30 вагонов с обмундированием и снабжением.

Очень полезен оказался вагон, обнаруженный врачом дивизии т. Рождественским: вагон был с медикаментами, и штаб дивизии специально очистил ряд повозок, чтобы погрузить вместо обмундирования лекарства и перевязочный материал.

В разгаре боя в штаб дивизии поступило донесение, что к Черному Острову от Проскурова идет поезд противника. Разведчики быстро минировали мостик и подорвали мину под паровозом поезда. Поезд на полном ходу слетел с рельс. Это был эшелон с пехотой. До двадцати вагонов разбилось.

В то время, как Григорьев брал Черный Остров, эту армейскую базу поляков, Микулин со своими десятью сотнями подошел к Проскурову. Конная колонна, шедшая с запада из польского тыла, была замечена только в двух верстах от Проскурова, и большая конная застава встретила части Микулина огнем, но шедший во главе бригады командир 6-го полка Демичев (ныне командир 1-го конного корпуса Червоного казачества), не отвечая на выстрелы, повел свой полк галопом на плечах бежавшей заставы поляков и ворвался в город Рубка на улицах города вызвала панику. Изрублено было более пятисот белополяков. Захвачен штаб армии со всеми приказами по армии, захвачены собственные лошади командарма — генерала графа Ромера, два орудия и более пятисот повозок обоза.

Часть штаба VI армии отошла в Заречье, взорвала за собой мосты и таким образом спаслась. Командарм граф Роммер успел бежать на аэродром и улетел на аэроплане.

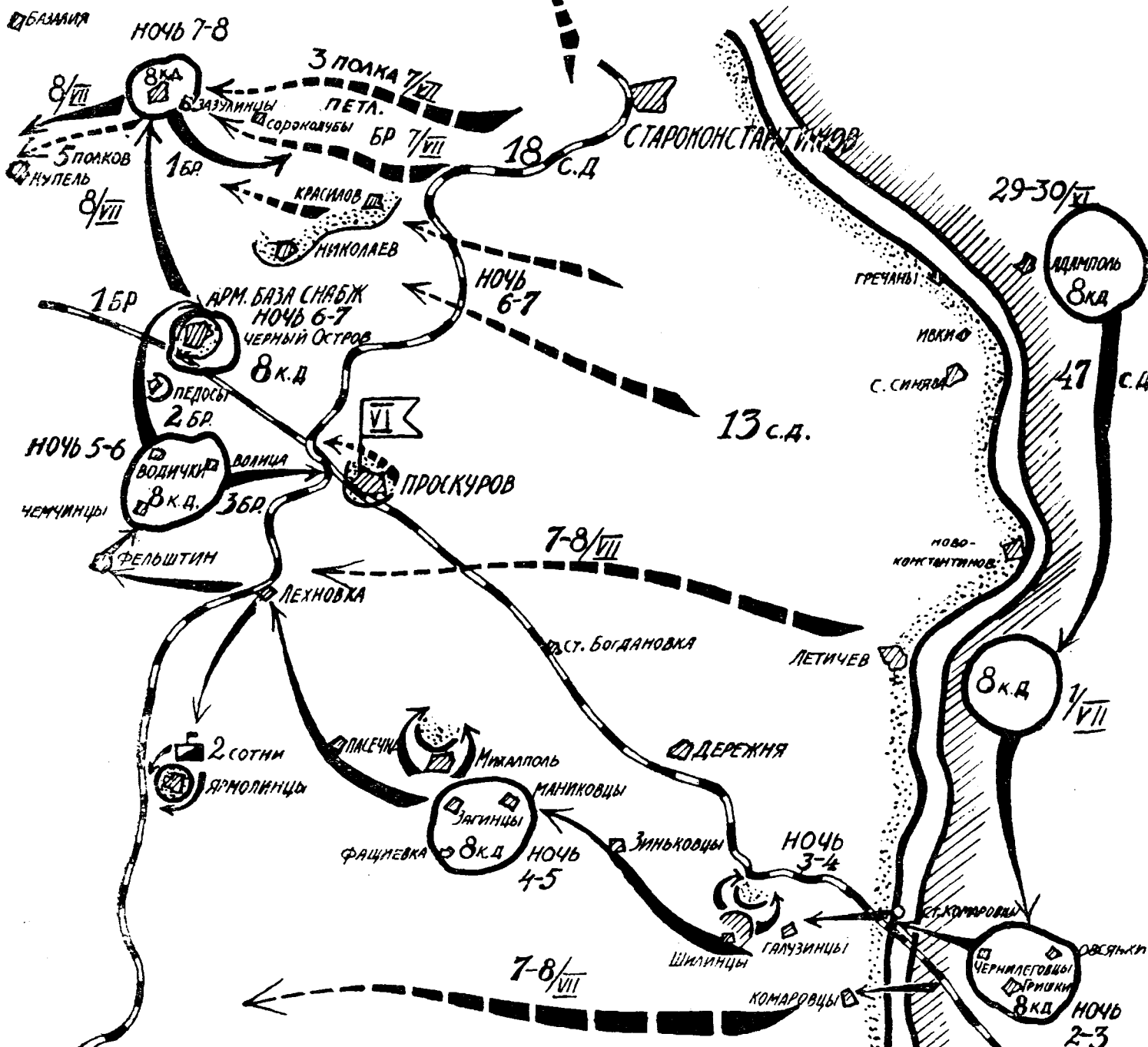
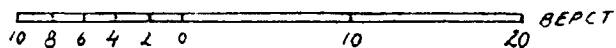
Бригада Микулина, пробыв в Проскуро-

ве более двух часов, забрала с собой обозы, документы штаба армии, аппараты связи и к ночи прибыла в Педосы на соединение с дивизией. Таким образом к вечеру 6 июля вся дивизия, разгромив штаб VI польской армии и базу снабжения, разру-

СХЕМА

рейда 8^й кав. дивизии т. ПРИМАКОВА

МАСШТАБ 10 ВЕРСТ В ДЮЙМЕ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- ПОЛЬСК. АРМ.
- ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН ПЕРЕД РЕЙДОМ
- НАПРАВЛЕНИЕ РЕЙДА 8^й КАВ. ДИВ
- НАПРАВЛЕН. ОТСТУПЛЕНИЯ ПОЛЬС. ЧАСТЕЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕЙДА
- КРАСН. АРМ.

шив связь и оперативное управление войсками, собралась в районе Черный Остров — Педосы и расположилась кормить лошадей. В Черном Острове дивизия развернула радиостанцию и донесла командарму XIV т. Уборевичу о полном успехе рейда. В ответ в полночь была получена благодарность командарма и повторение директивы продолжать операцию удара в тыл староконстантиновской группы поляков.

Во время разговора со штабом XIV армии наша радиостанция обнаружила примерно в 100 верстах на северо-восток действующую радиостанцию Буденного. По работе этой радиостанции в штабе дивизии сложилось представление, что Буденному удалось несколько продвинуться вперед. Пока по радио шли разговоры со штабом армии, пока полки отдыхали и кормили лошадей, были посланы раз'езды, которые донесли в полночь 6 июля, что местечко Николаев занято пехотой противника и туда подошли сильные колонны пехоты.

Штаб дивизии, работавший с огромным напряжением, изучавший каждую деталь сведений, полученных о противнике, составил себе к этому времени ясную картину положения неприятеля и пришел к заключению, что в район Николаева и Красилова прибывают очевидно отступившие от Староконстантинова полки белополяков.

После трехдневного рейда конницы по тылам, после разгрома штаба армии и армейской базы снабжения трудно было допустить, чтобы группа поляков решилась на наступление во фланг и тыл Буденному.

Ввиду того, что дивизия измоталась в результате трехдневной гонки, командир дивизии принял решение выйти наперерез Староконстантиновской группе с тем, чтобы одновременно выиграть ночь для отдыха.

В пять часов 7 июля при свете пожара (были подожжены вагоны со снарядами) дивизия выступила наперерез большой дороге Староконстантиново — Волочиск, в район села Зозулинцы. Авангард прибыл в Зозулинцы к 8 часам 7 июля, а дивизия прибыла к 9 часам и расположилась по обеим сторонам реки Случ. Расположение было не совсем удачное, так как река Случ в этом районе была болотистая, имела мало переправ.

Через два часа после прибытия дивизии раз'езд 1-й бригады донес, что из села Со-

рокодубы идет колонна противника силой в 2.000 пштыков и огромный обоз. 1-я бригада села на коней и вышла навстречу противнику. Колонна противника была остановлена огнем пулеметов с тачанок и затем была атакована 1-й бригадой. Пехота противника была изрублена, взято в плен 400 белополяков, захвачено более десяти пулеметов и большой обоз.

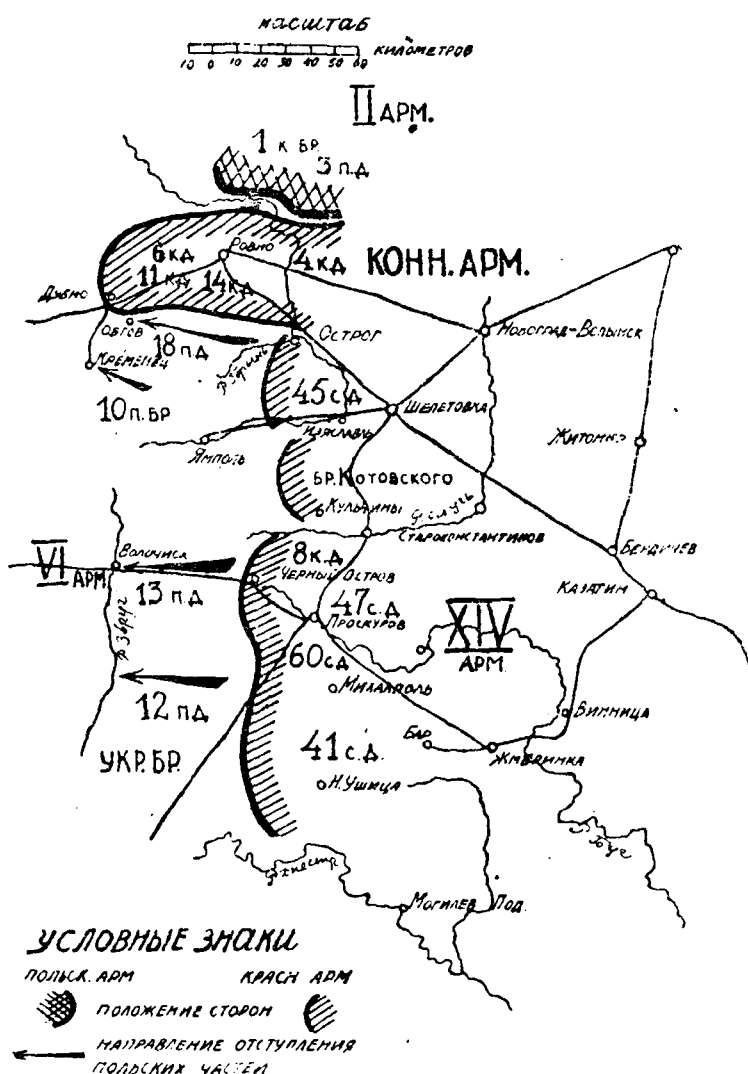
Оказалось, что это шла петлюровская бригада, отступавшая от Староконстантинова, и захваченные в плен офицеры показали, что Староконстантинов эвакуируется, что польские части отступают по всему фронту, так как всюду стало известно о разгроме Проскурова и Черного Острова.

Вся VI польская армия откатилась на Збруч, за старую русско-австрийскую границу.

До вечера 7 июля полки кормили лошадей и отдыхали. Вечером к Б. Зозулинцам подошли длинные колонны отступавших на запад полков польской пехоты. Завязался ночной бой. Конница пыталась остановить пехоту огнем своих пулеметов, но противник силой более трех полков пехоты повел

СХЕМА

РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ ПО ОКОНЧАНИИ РЕЙДА

наступление на село Зозулинцы, в результате чего стоявшей там 1-й бригаде было приказано перейти на другой берег реки Случ.

Всю ночь шел бой в районе с. Зозулинцы, к утру полякам удалось прорваться через лес в обход Б. Зозулинцев на М. Купель и уйти на запад. На рассвете 8 июля стало ясно, что более пяти полков польской пехоты прошло мимо Б. Зозулинцев лесом в направлении на Купель к р. Збруч. Дивизия повернула, чтобы преследовать отходящую польскую пехоту, и раз'ездами связалась с бригадой Котовского, который шел от Староконстантинова на Базалию.

В течение 8 июля дивизия вела упорные бои со Староконстантиновской ударной группой белополяков, преследуя ее в направлении местечка Купель, но поляки все же отбились от усталой конницы и отошли за линию реки Збруч.

В течение 9 и 10 июля наши части, преследуя поляков, вышли на линию Збруча.

III. РЕЗУЛЬТАТ РЕЙДА

В результате рейда белопольский фронт на реках Случ и Буг был отброшен за Збруч — более чем на полтораста километров.

9 июля вечером части Червоного казачества связались с наступающими пехотными частями нашей армии. Задача, постав-

ленная дивизии, была выполнена, и в приказе по XIV армии командарм т. Уборевич дал следующую оценку рейда:

«8-я Червоная казачья дивизия 3-дневным рейдом по тылам VI польской армии разгромила VI армию и вынудила ее очистить территорию от Буга до Збруча».

Проскуровский рейд оказал решающее влияние на ход операций XIV армии. Однако для нас он интересен не только с исторической точки зрения,—рейды конницы в тыл противника сохранили актуальность и на современном уровне военной техники и несомненно будут иметь применение в будущих войнах при неустойчивости тыла противника.

В рейде Червоного казачества в тыл VI армии мы имели пример стихийного выступления крестьян на помощь Красной армии. Отсутствие достаточного оружия и организации явилось препятствием к полному использованию этого выступления, к превращению его в партизанскую войну, что имело бы несомненно большое влияние на ход событий.

При наличии соответствующих условий в тылу противника красная кавалерия может стать организующей силой революционного восстания¹.

¹ Схемы к статье т. Примакова сделаны по специальному заказу редакции.

Н. МИРЕЦКИЙ

От Сытина — к Первой образцовой

1. КАК ВОЗНИКЛА ТИПОГРАФИЯ СЫТИНА

Наша советская 1-я образцовая типография до революции была широко известна в Москве и за ее пределами под именем Сытинской типографии.

Ее возникновение — хотя и не прямо — связано с той широкой культурнической деятельностью, которую развивали революционные народники 60—70-х гг. «Просветители» 60-х гг. считали своей обязанностью прежде всего просвещать «народ», исподволь подготавливая его к революционной деятельности.

Шло обучение рабочих в рабочих кружках и на общеобразовательных курсах. Воскресные школы становились постепенно пунктами наиболее массового распространения грамотности и одновременно социалистической пропаганды — недаром правительство считало их очагами революционных идей. С начала 70-х гг. пропагандистские кружки рабочих знакомятся с основами европейского социализма. Но уже с середины 70-х гг. народническая революционная интеллигенция пытается превратить движение из узкокружкового и просветительного в массовое. Так выросло «хождение в народ».

Целые группы передовой интеллигенции, особенно из среды студенчества и разночинной, мелкобуржуазной молодежи, устремляются в деревню.

Под влиянием этой культурнической работы исключительно острой становится потребность в книге, в печатном слове. Крестьянская молодежь потянулась к книжке, но ни правительство, ни буржуазные издатели навстречу этой потребности не

шли. Возрастающий спрос и потребность в книжке удовлетворялись количественно и качественно чрезвычайно слабо, исключительно разносчиками — офенями, описанными Некрасовым коробейниками. Они распространяли большей частью тонкие книжки-листовки в 32 стр., плохо отпечатанные, сброшированные от руки, с обложкой из афишной бумаги и картинкой на обложке, грубо вырезанной на дереве. По содержанию эти книжки конечно не могли удовлетворить проснувшуюся под влиянием народнической и вообще просветительской деятельности революционной интеллигенции 70-х гг. потребность в книге, в знании, они не способствовали политическому развитию масс, но всячески затемняли их сознание. Жития святых, несколько сказок, сонник, песенник, рассказы да прибаутки шута Балакирева, «Повесть об английском милорде Георге», листовки и лубочные картины — вот и все богатство короба странствующего офени. С этих-то листовок для коробейников и начал свою деятельность будущий крупнейший капиталист — издатель Сытин.

Офени положили начало сытинскому состоянию. Он сам позднее говорил об этом: «У меня 3.000 покупателей — офеней, все, в кредит, и половина из них — мои кумовья».

Такие «патриархальные» отношения между издателем книг и ее распространителями, за которыми скрывалась самая неприкрытая эксплуатация, продолжались целые десятилетия...

В 1876 г. Сытин уже мог приобрести одну литографскую машину и положил начало типографии.

Помещение литографии на Воронихиной Горе было маленькое, в три комнаты. Литография была приобретена в кредит — с

* Автор, Николай Игнатьевич Мирецкий, рабочий, наборщик 1-й образцовой типографии (б. Сытина). Производственный стаж — 34 года.

помощью книгопродавца Шарапова, у которого Сытин служил в приказчиках.

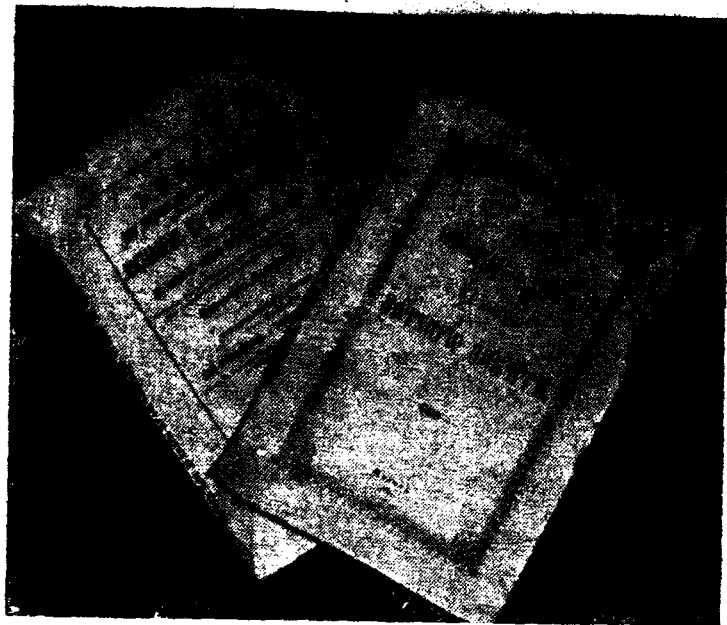
Походившая около года, Сытин возымел намерение использовать в интересах своего обогащения начавшуюся турецкую кампанию. Он сделал опыт воспроизведения литографским способом военных картинок из «Всемирной иллюстрации». Купил карту военных действий, скопировал ее, быстро отпечатал и пустил в продажу. Карту военных действий брали нарасхват все, у кого близкие находились на фронте. Военные картинки тоже имели успех и даже вытеснили исконный лубок.

— Ты, брат, неутомимый, я тебе помогу, дам товару, благословляю. Делай свое дело,—хвалил изворотливого и ловкого своего ученика бывший хозяин Сытина—Шарапов.

Составленный с помощью немалых ухищрений и грабительских способов капитал Сытин употребляет в 1879 г. на то, чтобы перевести зачаток своей типографии—литографию—в собственное помещение на Пятницкой ул. Там он прикупил еще одну машину. В 1882 г. Сытин уже выступил на выставке со своими литографскими картинками и получил за них серебряную медаль.

В 1883 г. Сытин приобрел две типографские машины и одну литографскую и стал печатать традиционные сонники и песенники, выпуская их в миллионах тиражах и засоряя ими миллионы голов читателей из среды трудящегося населения. Получив кредит у Кувшинова, Сытин открывает книжную лавочку, вступив таким образом в число торговцев Никольского рынка, как звали тогда книжников-лубочников.

Издавна богатое московское купечество зачастую прибегало к очень ловкому коммерческому приему: оказывая небольшой, тысяч в 10—20 р., кредит для осуществления какой-нибудь удачной мысли и ничем не рискуя, кредитор пользовался инициативой, энергией и изворотливостью пробника-предпринимателя. Но как только дело становилось на ноги, векселя предъявлялись, и молодое, еще не окрепшее предприятие прогорало. Тогда кредитовавший его купец-толстосум брал дело в свои руки, а инициатору предлагал остаться его управляющим с жалованием в 3—6 тыс. р. Новатор соглашался, считая предлагаемый ему выход верхом благополучия. А толстосум затрачивал на дело уже не 10 тысяч, а тысяч 300—400, дело шло и росло блестяще.

Продукция Сытина

Такова была бы судьба и Сытина. Как по-писаному, он задолжал 20 тысяч Кувшинову, как по-писаному, погибал, не имея средств для оплаты векселей. Кончилось тем, что в 1884 году было основано «Товарищество на вере И. Д. Сытина» с основным капиталом в 75 тысяч рублей, где его пай был очень мал, а остальное принадлежало кредиторам. Таким образом, Сытину была предоставлена призрачная самостоятельность.

2. СЫТИН ЗНАКОМИТСЯ С ТОЛСТЫМ

Наступившая после выстрела 1 марта 1881 г. реакция оказала сильное влияние на положение печати и книгоиздательского дела в России. Все радикальные журналы того времени — «Слово», «Дело», «Отечественные записки» — были закрыты. Либералы, напуганные появлением на исторической арене пролетариата, бросились в лагерь реакции. Мелкобуржуазная интеллигенция, еще недавно перемигивавшаяся с революцией, стала бежать от политики. «Не надо политики, наше дело культурное, будем вести культурную, легальную работу» — говорила часть интеллигенции, прикрывавшая аполитичным культурничеством свое бегство от революции.

Была и другая часть интеллигенции, тесно связавшая свою судьбу с растущим рабочим классом, отдававшая свои силы на пропаганду и распространение марксистской литературы. С 1881 г. и особенно в 1882—83 гг. интенсивно развивается деятельность первых издателей и переводчиков-марксистов, переведивших и распространявших произведения марксистской ли-

тературы. Деятельность эта постоянно преследовалась и пресекалась правительством, и разумеется не по этому пути пошла карьера буржуазного издателя Сытина.

Первый, наиболее крупный этап его карьеры оказался связан с именем Льва Толстого, который именно в эти темные годы реакции выступает со своей проповедью непотворения злу. Идеи Толстого, созвучные эпохе общественной реакции, удивившие от борьбы и протеста, находили своих последователей среди части мелкобуржуазной интеллигенции, зачитывавшейся его сказками («Чем люди живы» и др.). Один из наиболее горячих последователей Толстого, В. Г. Чертков, стал издавать сказки Толстого в виде листовок и даже основал издательство «Посредник».

«Посредник» издавал листовки в 36 стр. убористого петита, с двумя художественными рисунками на 1-й и 4-й страницах обложки, которая украшалась желтой каймой и фирмой с девизом: «Не в силе бог, а в правде». Спрос на эту литературу был большой. Благодаря связям Черткова цензура разрешила печатать толстовские сказки, а губернаторы уже заботились о дальнейшей судьбе напечатанного и секретными циркулярами предписывали отбирать у офеней издания «Посредника». Раз ограбленный офеня уже не брал «Посредника». Издания лежали и не продавались.

И вот тогда Толстой обращается к молодому лубочнику Сытину, который решает дело просто: он снимает желтую кайму, фирму и девиз с обложки, оставив номер издания. Не вникать же полуграмотному уряднику или офене в содержание книжки? Те же самые листовки опять пошли, и пошли прекрасно. Говорят, Сытин в один год распространил «Чем люди живы» в 4 миллионах экземпляров. Толстой и Чертков ликовали. Сытин тоже. Ему не страшны больше Кувшиновы и прочие кредиторы: у него средства Черткова и знаменитое имя Толстого.

Кроме издания произведений Толстого, Сытин скоро развернул и другое большое дело, отвечавшее общим потребностям его эпохи: издание писателей-классиков. Мы уже говорили, что «нести культуру народу» (так называли крестьянство) стало наиболее популярным лозунгом отошедшей от революции интеллигенции. Спрос на книгу, особенно на классиков, необычайно возрос. Появилось много издательств, и все они пошли по проторенной дорожке: пе-

чатались у Сытина. Он же начал издавать и «Библиотеку для самообразования». Затем стали в изобилии издаваться дешевые детские книжки.

Каким же путем достигалась эта дешевизна? Тут снова сказались все изворотливость сытинского ума, направленная на наживу ценой любого обмана и ловких спекуляций. В то время существовала мирового масштаба специализировавшаяся на детских книжках с раскрашенными картинками фирма «Рафаэль Тук и С-н» в Лондоне. Русский издатель Кнебель воспроизводил туковские издания с русским текстом, с продажной ценой 60 к., а Сытин ухитрился давать их по 15 коп. Красочную часть книжки он заказывал в Лондоне—картинки с английскими подписями проходили через таможенную без пошлины, — а текст печатал в Москве. Замечательно просто!

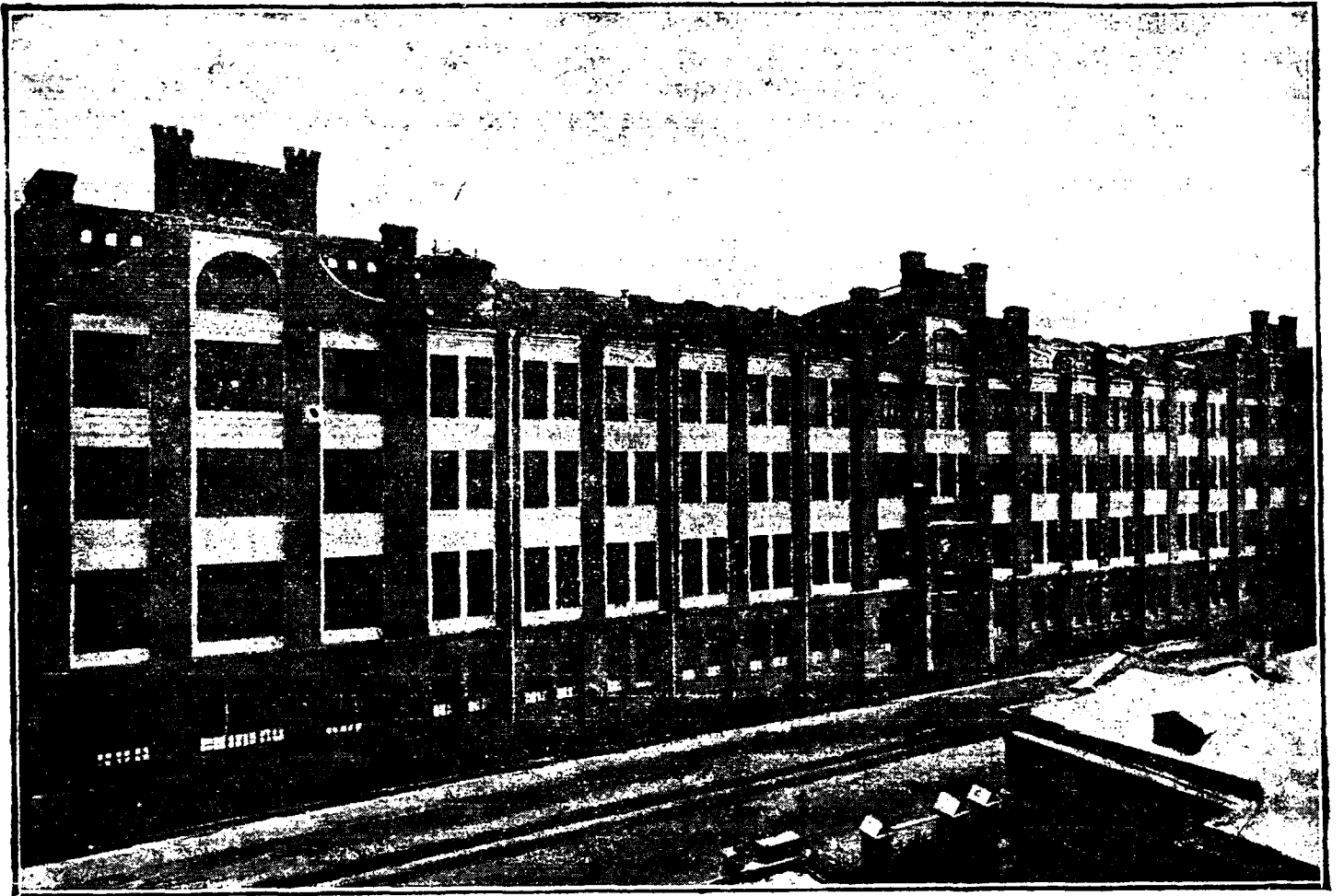
В 1885 г. он предпринял издание календаря, для чего приобрел типографию Орлова с пятью типографскими машинами и другим инвентарем, а позже, в 1889 г., дом на соседней Валовой улице, где сначала устроил в подвале брошировочную мастерскую.

3. «ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ»

Т-ВО И. Д. СЫТИНА

В 1885 г. Сытину пришлось пережить маленькую неприятность. На обороте одного из листовок отрывного календаря было напечатано сопоставление платы за рабочий день: в САСШ—7 р. 50 к., в Англии—7 р. и т. д., в России—70 к., в Китае—9 к. Царская полиция приложила этот листок при доносе «об искусственном возбуждении рабочего вопроса», в результате Сытину разрешили печатать в календаре исключительно календарные сведения: празднуемых святых, восход и заход солнца и т. д. Сытин с этим примириться не мог: он уже был тогда монополистом отрывных календарей, печатавшихся в 900 тысячах экземпляров. Он поехал в Питер, нашел пути к царскому двору и добился разрешения все оставить по-старому. На другой же день он подал прошение об учреждении «высочайше утвержденного» товарищества Сытина (такое товарищество могло быть закрыто только по высочайшему повелению). Требуемый для этого взнос в 20 тыс. рублей его уже не затруднил. Компаньонам своих первых шагов он выплатил пай втрое.

Так из «товарищества на вере» было образовано «высочайше утвержденное тог-

Вид корпуса типографии по Пятницкой улице

рищество» с капиталом в 350 тыс. руб. Сытин стал «большим» человеком и одним из крупнейших промышленников в стране.

В 1890 г. капитал товарищества возрос до 450 тыс. руб. Типография переехала в новое помещение, и были приобретены еще три типографские и две литографские машины.

В 1891 г. к товариществу переходят журнал «Вокруг света» и две машины специального формата, на которых этот журнал печатался. В 1893 г. надстраивается третий этаж здания типографии и ставятся 3 машины для печатания календарей. В 1896 г. был построен новый четырехэтажный корпус.

В 1903 г. обороты товарищества возросли до весьма значительной суммы 2.897.785 руб. В этом же году им был приобретен ряд владений по Пятницкой улице и по проекту архитектора Эриксона воздвигнут огромный четырехэтажный корпус, постройка которого закончилась в 1904 г.

Дальнейшее развитие товарищества идет за счет снятия с рынка конкурентов—издателей Соловьева, Васильева и Коновалова. Сытин включает их в свое товарищество, устраивает двух из них у себя в качестве

директоров, переводит к себе их 12 типографских и 19 литографских машин.

В 1905 г. основной капитал товарищества увеличился до 1 млн. р. Обороты его остались неизвестны, так как в типографии произошел в ночь на 12 декабря 1905 г. пожар, уничтоживший все наборное и персплетное отделения, почти всю литографию, склад клише; в значительной степени попорчено было и печатное отделение.

Взявшись с новой энергией за удвоенную эксплуатацию рабочих, через год этот предприимчивый выжиматель прибавочной стоимости возобновил жизнь предприятия так, как будто бы ничего не случилось.

В период с 1906 по 1914 гг. шло систематическое интенсивное снабжение типографии новыми машинами. Империалистическая война дала фабриканту книги новые барыши. За один 1914/15 год оборотный капитал возрос с 10.287.740 р. до 13.044.489 рублей.

Так росли капиталы Сытина, великом, как мы видели, построенные на обмане, изворотливости, ухищрениях и особенно на всяческой эксплуатации рабочих.

Предел дальнейшему накоплению, обманам и эксплуатации т-ва Сытина поло-

жила Октябрьская революция. Приближался момент, о котором писал Карл Маркс: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

4. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА Т-ВА СЫТИНА

Чтобы иметь полное представление об издательстве т-ва И. Д. Сытина и о целях, какие оно преследовало, сошлемся прежде всего на слова Сытина: «Недостаточно иметь полезное издательство, нужно быть и полезным издателем».

Для кого же и в каком направлении Сытин стремился стать «полезным издателем»?

С самого начала своей издательской деятельности Сытин наряду с полезной книгой для народа издавал сотни книг поповской чепухи. В 1887 г. ожидалось затмение солнца — и Сытин издает о затмении две книжонки. Одна написана была астрономом и в ней ясным, простым языком объяснялись движение планет и причина затмения. Другая книжка написана была попом — и в ней таким же популярным языком доказывалось, что нет никаких законов движения, а есть лишь воля божия, без которой ни один волос с головы не упадет. Книжка, написанная попом, несколько раз печаталась повторным тиражом. В те времена для укрепления веры в массах несколько раз «открывались» мощи разных подвижников. Но одного открытия было мало — нужно, чтобы масса уверовала в «чудеса» мощей. Кто же помогал правительству в этом деле?

Прежде всего — Сытин. Издавая «Библиотеку для самообразования» в 1.000 экз. по недоступной для широких масс цене, он в миллионах экземпляров издает жизнь и чудеса того угодника, мощи которого открываются. Тут мобилизуются все силы: художники, граверы и редакция. Один старец Серафим, по признанию Сытина, дал ему барыша 200 тыс. рублей. Это было уже в то время (1903—1904 гг.), когда массы начинали приходить в движение, немалым тормозом для которого становилось сытинское «просвещение».

Заработать, получить крупный барыш, не допустить роста своих конкурентов, приобрести заодно расположение святейшего синода — вот что двигало Сытиным, который горделиво заявлял: «Я издаю то, чего требует рынок!»

Художник-иллюстратор, который в течение многих лет работал у Сытина по своей специальности, рассказывает, как он, будучи студентом, пришел к Сытину в лавку (это было в начале деятельности Сытина). На вопрос, шет ли для него в издательстве работы по иллюстрированию, Сытин отвечал: «Нужно прежде всего иллюстрировать карман». Такова была конкретная «иллюстрация» взглядов самого Сытина на цели и задачи своего издательства.

Посмотрим теперь, во что обходилось сытинское обогащение работающим на него рабочим.

5. РАБОЧАЯ ДОЛЯ *

Глухие девяностые годы...

Покосившаяся избушка на курьих ножках. Воет бесприютный ветер. Тявкают голодные собаки.

— Буки-аз. Ба.. Веди-аз. Ва... — уныло и однообразно раздается в избушке.

То нанятый крестьянами «грамотей» обучает деревенских ребятишек. Лыняные вихры разметались на головешках. Глаза горят от напряженного внимания. Губы заученно складываются и повторяют:

— Буки-аз. Ба.. Веди-аз. Ва...

— Сергей, а Сергей,— шамкает в дверях столетняя бабка, всхлипывая старчески, озябшими руками поправляя дырявый платок на голове. — Сережа, пришла я, старая,— шепчет бабка, а сама боится помешать.

Не хочется Сереже итти, а надо. Знает он, что завтра с утра его поведут в город, отдадут в ученье. Начнется трудовая жизнь. Страшно Сереже, жалко деревню, ребят, жалко старую бабку, а надо итти: дома нет хлеба...

В тоскливый осенний день, когда тучи ползли по нахмуренному плаксивому небу, добрали Сережа и бабка до Москвы. Незнакомый город напугал и старую и малого. Долго ходили они по улицам, изумляясь и ахая на каждом шагу. Город ошеломил их шумом, грохотом, обилием построек и суетливо спешащих куда-то озабоченных людей. Усталые, растерявшиеся, долго ходили по улицам, разыскивая по измятой бумажке адрес, который был написан корявыми, неразборчивыми буквами.

Наконец бабка нашла по этой бумажке

* Написано со слов сытинского рабочего Третьякова.

свою дочь, уж давно живущую в Москве «в кухарках».

Бабка двое суток отдыхала после дороги, а потом крепко поцеловала Сережу и отправилась обратно в деревню. Сережа остался у тетки. Его отдадут «в ученье»...

Сережу отдали в чулочную мастерскую. Помещение маленькое, сырое. Работы — по пятнадцать часов в сутки. Подзатыльники, пинки, обидные насмешки и злая, грубая ругань, грязь, вонь, непосильный тяжелый труд, изнуряющий неокрепший детский организм.

Сережа не выдержал — сбежал. Обливаясь слезами, размазывая их грязными ручонками по щекам, прибежал он к тетке.

— Тяжко мне... Ой, не могу... Мне бы в деревню, к бабке бы! Не пойду я туда, в мастерскую эту, не пойду я...

Тетка пожурила, пожурила малыша, да и пожалела. Позволила не ходить. Но ведь надо же мальчонку куда-то пристроить?

— Не возьмете ли мальчика к себе в ученье в типографию? — спросила она вечером своих нахлебников, сытинских печатников. — Замучилась я с ним, куда его денешь?

И Сережина судьба решилась...

Сережа попал в типографию, в золотарное отделение.

Работал он двенадцать часов в сутки — за девять рублей в месяц.

Тетка поставила на кухне койку. Сережа за шесть рублей в месяц (с харчами) поселился у ней. Он помогал тетке мыть посуду и полы, колот дрова. Так проводил он весь свой досуг.

Через три месяца Сереже прибавили жалованья — три рубля. Его перевели присмичником в печатное отделение. Сережа исполнял самую черную работу — чистил машины, носил формы. Когда делал что-нибудь не так, на него щедро сыпались затрецины и пинки. Бывало и так: мастер велит чистить машину, а заведующий посылает на другую работу. Кого слушать? Послушал мастера. Заведующий проходил мимо, увидел — и влепил Сереже звонкую пощечину.

— Ах, ты, собачий сын! Да как ты смеешь меня не слушаться? Не знаешь, что ли, кто старше?

Наша продукция

Стенки календаря

Наши книги

Наш плакат

Кончается трудовой день. Надо бы отдохнуть, да слышит голос мастера:

— Сынок, а сынок! Поди сегодня ко мне, накопи дровец, поруби капусту!

Ласковый такой голос у мастера. Руки, ноги устали, поясницу ломит, а как тут откажешься? Попробуй, откажись. Шел...

Но вот выпадает наконец свободный часок. Сережа бежит смотреть, как учат солдат. Любил он это ученье. А еще больше нравилось ему ходить на вокзал. Грусть о деревне щемила сердце. Сережа представлял себе, что вот он уезжает в деревню... Со слезами на глазах провожал он уходящие без него поезда.

Годы шли. Сергей вырос. Стал печатником. Женился. Зарабатывал двадцать пять рублей в месяц. Снял с товарищем комнату в подвале. Поставил койку с поленом вместо ножки, столик. А в углу жена повесила Николая-чудотворца...

Жить было трудно. Комната стояла шесть рублей, а надо и есть и одеться. Покупали то, что подешевле. Купишь на толкучке кимрские сапоги, поносишь недельку,—глядь, пальцы наружу лезут. Сварит жена щец или купит селедок, поешь с черным хлебом,—аи через час опять есть хочется, да нечего. Мучила обязательная сверхурочная работа. Усталость валит с ног. Приходилось работать по 15—16 часов в сутки. В месяц выгонял на этом не больше 3—5 рублей.

По воскресеньям надевал праздничный костюм, шел с принарядившейся женой к обедне. После церкви обедали. Вечером шел с товарищами в грязный и душный трактир — слушать орган. Вспоминая типографию, ругали мастеров и хвалились друг перед другом собственным знанием дела. После первой бутылочки незаметно следовала вторая, третья... Изливали грусть и тоску подневольной жизни в песнях:

Зачем ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся то-бо-ой?..

Поздней ночью, ковляя и расплзаясь на неслушающихся ногах, возвращались домой. Куражились над женами и заваливались спать. Наутро с тяжелой свинцовой головой шли тянуть неизбывную трудовую свинцовую лямку.

Наступил тысяча девятьсот третий год.

Прогуливаясь по давней своей привычке на вокзале, Сергей увидел эшелон каторжан, закованных в кандалы. Жалость сжала сердце. Инстинктивно сунул руку в карман, отдал привенник... Тяжелая задумчивость овладела Сергеем.

Звали товарищи в воскресный день сходить на летучку в Кусково — поговорить о житье-бытье. «Надо поехать» — решил Сергей, возвращаясь с вокзала.

Поехал. Нашел своих товарищей на поляне в лесу. Слушали оратора:

— Товарищи, пора объявить забастовку. Потребуем девятичасовой рабочий день, прибавку жалования, отмену сверхурочных. До каких пор терпеть будем? Пора проснуться, товарищи!

Внимательно слушали непривычные, смелые слова. Одобрительно качали головой. Предчувствие новой, свободной жизни заставляло быстрее биться сердце. Расходились по домам с гордо поднятой головой. Казалось, они выросли за этот день в лесу. Расходились, и каждый уносил в душе образ оратора — молодого парня в рабочей блузе. Образ этот был дороже всего на свете.

«До каких пор терпеть будем?» — вспоминались его горячие слова.

Сергей вспомнил каторжан — там, на вокзале...

«И это... и это! Этого тоже не должно быть» — думал Сергей.

В начале октября 1903 г. решили забастовать. В двенадцать часов бросили работу. Предъявили требование: сократить рабочий день, прибавить жалование, вежливо обращаться с рабочими, отменить сверхурочные, дать половинный заработок во время болезни.

Толпой пошли снимать рабочих других типографий.

Так началась знаменитая забастовка печатников 1903 года.

Сергей тоже шел с товарищами.

Сняли с работы одну типографию, пошли дальше.

Вдруг дорогу преградили конные городовые и жандармы. Началось избивание беззащитных рабочих. Ряды их расстроились. Пришлось отступить.

Забастовка продолжалась около недели. Полиция начала арестовывать рабочих. Арестованных в участках остервенело избивали. Потом выслали на родину.

И все-таки кончилась забастовка частичной победой—она принесла с собой десятичасовой рабочий день, небольшую прибавку жалования и главное—организацию союза печатников.

С тех пор Сергей, да и тысячи подобных ему твердо узнали, как надо добиваться улучшения жизни.

Теперь они поняли, что правительство защищает хозяев.

Теперь они поняли, что хозяева отступают только перед организованной силой рабочих.

6. ЯНВАРСКИЕ СОБЫТИЯ 1905 г.

Но все же сытинцам было плохо. Расценки на фабрике были хуже, чем во всех других крупных типографиях. На предприятие понадали по знакомству да по землячеству. Полный расчет выдавали всем рабочим на паску с тем, чтобы иметь возможность после праздников нежелательных не принять на работу. Приходилось идти к мастеру или заведующему и просить: «Примите пожалуйста на работу»...

Если мастеру рабочий не досадил и его физиономия нравилась,—брал, если нет—двери фабрики были закрыты для него...

Квалифицированные рабочие в это время зарабатывали 30—35 рублей в месяц, а ученики—начиная от 1 руб., да еще на харчи 6 руб. ежемесячно.

Но сознание рабочих стало расти. Ежегодно справляли первомайский праздник труда. Ходили на маевки, слушали выступления агитаторов и пропагандистов. Не раз их нещадно разгоняли полиция и казаки.

Так текла жизнь, так наступил тысяча девятьсот пятый год.

Когда дошла до сытинцев весть о расстреле царем 9 января мирно шедших петербургских рабочих, они об'явили политическую забастовку и стали снимать также рабочих других мелких типографий.

Вот как об этом памятном для сытинцев дне 10 января свидетельствуют донесения заматавшейся царской охранки:

Совершенно секретно
л. 61.

Мос. Охр. отд. № 59 1905 г.

Н. О.

10 января 1905 г.

№ 156.

Представляю Вашему Превосходительству, что сего числа среди рабочих некоторых фабрик и заводов г. Москвы распространился слух о происшедших вчера в С.-Петербурге крупных рабочих беспорядках, вследствие чего замечавшаяся еще вчера агитация за устройство всеобщей забастовки, по примеру Петербурга, усилилась и после обеден-

ного перерыва забастовали механические заводы Вейхальт и Бромлей (первый 400 рабочих, второй 1.200), а затем: военно-обозная мастерская (300 рабочих), типография Сытина (1.200 рабоч.) и рядом мелкие другие заведения, до 25-ти, с количеством рабочих до 4.000 человек.

К сему присовокупляю, что уличных беспорядков произведено не было, по имеющимся же сведениям завтра предполагается забастовка, преимущественно всех типографий и большинства находящихся в Москве фабрик и заводов.

Подполковник (подпись).

Р. С. При сем препровождаю только что получен. ледан. на миммограф. губ. З. Упр. бюллетень по поводу беспорядков в С. Пт.

Его Превосх. (подпись).

2—50

МОО, № 57, т. 2, 1905 г.

Пристав 2 участка Пятницкой части передал, что 18 человек рабочих типографии Сытина ворвались в переделную мастерскую Григорьева, на Пятницкой ул., где работают 80 человек, и намеревались запереться в этой мастерской, но сделать этого им не удалось и все они были задержаны полицейским нарядом и отправлены в Пятницкий полицейский дом для установления их личностей. Рабочие Григорьева, после задержания ворвавшихся к ним в мастерскую забастовщиков, хотели также прекратить работу, но были уговорены okolоточным надзирателем, находящимся там в наряде, и стали продолжать работу.

МОО, № 57, т. 2, 1905 г.

5 ч. пополудни. Пристав 2 участка Пятницкой части сообщил:

Рабочие типографии Сытина прекратили работы в 5 час. пополудни,—ранее обычного времени на два часа,—и все расхаживают по Малой и Большой Серпуховке и Серпуховской площади. Число рабочих 1.200 человек.

Экономических результатов январская забастовка не имела и лишь «предположено было ввести фабричных старост». Зато она послужила могучим толчком к росту политического сознания.

Январские события всколыхнули всю рабочую массу. Возросла и партийная организация, развернувшая интенсивную деятельность. Сытинская типография выделила также ряд рабочих-типографчиков, которые сделались лидерами союза печатного дела.

Пропагандистская работа велась в рабочих с.-д. кружках. Кружки заметно выросли. Широкую работу развернули с.-д. рабочие среди беспартийных. В целях агитации использовалось все, что можно. Были использованы с этой целью и зубатовские организации, из которых, под влиянием с.-д. агитации, стали быстро отходить примкнувшие к ним рабочие. Формально и в типографии и в союзе работали представители об'единенной с.-д. партии. Фактически в них преобладали меньшевики.

с которыми большевики в течение всего 1905 г. спорили и боролись по всем основным вопросам теории и тактики.

В деле политического созревания масс эти споры играли немалую роль, особенно если они проходили открыто—на больших массовках.

Сытинские рабочие вспоминают:

«Идешь по Серпуховке, видишь — стоит с известными приметам человек. Скажешь пароль:

— Ласточка!

— Иди дальше!—получишь ответ.

Идешь до следующей встречи—тот же короткий обмен слов. Так дойдешь до Даниловского кладбища. А там уже много наших, слушают оратора. Собрания частенько разгонялись городовыми».

Если принять во внимание, что со времени предшествующей забастовки, с 1903 года, заработок московских печатников повысился по данным фабричной инспекции на 5.4 проц., а цены на продукты значительно больше (хлеб на 19 проц., гречневая крупа — на 17 проц., мясо—на 16 проц.), то не удивительно, что на фоне общего оживления 1905 года мысль о предъявлении экономических требований стала приобретать большую популярность. Начиная с июля, печатники стали поговаривать о предъявлении требований, об увеличении заработной платы и сокращении рабочего дня. Союз вмешался в это дело, стремясь сосредоточить внимание массы на предъявлении ряда основных требований, и подготавливал всеобщую стачку, придавая последней политическое значение.

7. СЕНТЯБРЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА 1905 г.

Однако, несмотря на стремление союза печатников избежать частичных выступлений, они продолжались: 11 августа рабочие типографии Сытина предъявили требования о сокращении рабочего дня до 9 час., а в предпраздничные дни до 8 час., об увеличении зарплаты на 10—30 проц. и об уплате жалования в половинном размере за время болезни. Ответ последовал только через месяц, 13 сентября. Соглашаясь сократить рабочий день, дирекция предприятия отказывалась повысить зарплату на том основании, как гласило объявление, «что жалование повышается постепенно, по заслугам, главным образом с пасхи». Естественно, что такой ответ не мог удовлетворить рабочих и особенно задевал сдельных.

Вот как описывает события документ, содержащий донесение охранки министру

внутренних дел о сентябрьской стачке печатников. Даже желая, как это охранка делала всегда, скрыть размах борьбы, представить дело как результат происков агитаторов, донесение не могло скрыть ни размеров, ни массовости сентябрьской стачки, давшей толчок и положившей начало восстанию.

Дело Моск. Охр. Отд. № 773, т. III — 1905 г.

№ 9344

26 сентября 1905 г.

Секретно

Товарищу министра внутренних дел, заведывающему полицией

С начала августа текущего года среди рабочих типографии товарищества И. Д. Сытина началось брожение, возникшее на почве исключительно экономических интересов. Этим обстоятельством воспользовалось существовавшее в столице неразрешенное правительством сообщество, именуемое «Союзом московских типо-литографских рабочих для борьбы за улучшение условий труда», по инициативе которого, наряду с предъявленными рабочими типографии Сытина требованиями частного характера, в большинстве получившими надлежащее удовлетворение, были выработаны общие для всех типографских рабочих требования, которые и распространялись среди них в виде отдельных печатных и гектографированных листов. Под влиянием сего 19 сентября рабочие типографии Сытина, не придя к соглашению с дирекцией по поводу последних требований, прекратили работы, при чем в этот же день к ним примкнули рабочие еще трех типографий. На другой и в последующие дни к забастовавшим типографиям присоединились постепенно новые заведения, так что к вечеру 24 сентября работы были прекращены в 50 типографиях, при чем общее число забастовавших рабочих достигло до 5.900 человек. Почти на всех этих типографиях рабочими предъявлялись требования исключительно экономического характера, выработанные вышеозначенным союзом.

До 22 сентября настроение среди бастующих рабочих было совершенно спокойное, но начиная с полудня этого дня рабочие стали появляться группами на улицах и преимущественно на Тверском бульваре.

... 23 сентября, ввиду увеличившегося числа забастовавших рабочих, настроение среди них заметно повысилось. Собираясь группами, бастующие типографщики с утра начали обходить заведения, в которых работы еще не прекращались, и подстрекали рабочих к забастовке, пытались в нескольких местах прибегнуть к насилиям, но благодаря своевременному вмешательству полиции и нарядов войск допущены к этому не были.

К трем часам дня бастующие рабочие до 1.000 человек собрались отдельными группами на сквере Патриаршего пруда, где среди них вскоре появились агитаторы, преимущественно из числа учащих высших учебных заведений столицы, которые подстрекали рабочих к продолжению забастовки, настаивая на необходимости предъявления ими, помимо экономических, также и политических требований. Высланным на место сборища нарядом полиции и казаков толпа была рассеяна, но вскоре вновь собралась на Малой Бронной улице и, с пением революционной песни, направилась на Тверской бульвар. Здесь толпа разделилась на отдель-

ные группы, которые прибывшим нарядом жандармов и казаков были рассеяны. При столкновениях наряда с демонстрантами, последние, вырывая из мостовой камни, бросали ими в чинов полиции и войска»...

19 сентября забастовали сытинские наборщики и переплетчики, а за ними остальные категории, и к 11 час. утра типография стала. Тогда на следующий день союз выпустил призыв к всеобщей забастовке. Призыв этот упал на подготовленную почву и нашел отклик.

Так началась стачка, которая все расширялась, несмотря на попытки меньшевиков сузить ее размах, и вскоре перешла во всероссийскую. Эта известная стачка московских печатников явилась прологом к грозным событиям конца 1905 г.

Борьба рабочих наложила классовый отпечаток на весь ход борьбы с цензурой. Это не замедлило сказаться: борьба против цензуры начала то и дело превращаться в борьбу против вредной для рабочего класса печати.

Началось это с противодействия так называемой черносотенной, погромной литературе, при чем инициатива исходила снизу, от типографий. Еще 7 ноября сытинцы сообщили собранию союза, что у них готов набор газеты известного реакционера Иловайского «Кремль» и что этот номер носит крайне реакционный характер. Общее собрание союза вынесло решение, что «вряд ли свобода печати может обязать печатать явно черносотенные произведения, которые, хотя бы в скрытом виде, призывают к насилию и избиению». Иловайский лично приезжал в типографию, обещал сытинцам выкинуть наиболее реакционные места, но рабочие были непреклонны: газета «Кремль» так и не вышла.

8. ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Вследствие черносотенных выступлений всплыл вопрос о вооружении для обороны. Непонятный на первый взгляд факт вооружения печатников за счет владельцев находит себе объяснение в том тревожном ожидании погрома, которое не оставляло Москву в течение этих дней. Под угрозой погрома находились редакции либеральных газет и связанные с ними типографии. Печатники использовали это тревожное настроение хозяев: вооружая рабочих, те могли быть уверены, что страхуют от случайного погрома свои предприятия. Сытин

дал на оружие 2 тыс. руб. и кроме того его сын, Николай Иванович, дал около 50 штук револьверов. При фабрике организовалась боевая дружина под руководством Десятникова.

В конце ноября правительство начало наступление на петербургский совет рабочих депутатов. 3 декабря большой наряд полиции, жандармов и войск окружил здание Вольноэкономического общества, где заседал совет. Весь состав Исполнительного комитета и депутаты совета были арестованы и отправлены в тюрьму. Удар был нанесен. Страна ждала ответного удара революции.

Между тем ответный удар петербургских рабочих был слабый: всеобщая забастовка, начавшаяся 8 декабря, охватила не более $\frac{2}{3}$ всех рабочих и продолжалась четыре дня. Вся тяжесть обороны революции выпала на долю Москвы.

Московский совет рабочих депутатов, Комитет и группа российской социал-демократической рабочей партии и Комитет партии социалистов-революционеров постановили: объявить со среды 7 декабря с 12 час. дня всеобщую политическую стачку и стремиться ее перевести в вооруженное восстание.

Это решение было осуществлено с исключительным подъемом: в 12 час. дня 7 декабря промышленная Москва остановилась. С полным единодушием забастовали и печатники.

В течение первых двух дней забастовавшие держались пассивно. Однако 9-го положение стало обостряться. Правительственные войска перешли в наступление. Когда же правительство в ночь на 10-е прибегло к артиллерийскому огню, на улицах выросли баррикады.

Сытинцы тоже забастовали. Они проявляли немало инициативы в борьбе. Сделали попытку связаться с солдатами Александровских казарм.

Составили письмо-прокламацию такого содержания:

«Товарищи солдаты! Шлем вам привет и желаем вам всякого благополучия в политических и экономических нуждах. Товарищи, сытинцы назначили восстание в среду 7 декабря и просим вас вступить в наши ряды и идти с нами, так как уже началось восстание в несвинском, самогитском и саперном батальоне и они прислали нам ответ на нашу просьбу, что согласны выступить с нами вместе и идти на демонстрацию,—также и вас просим, то и они, все те же товарищи солдатки, взяли по несколько винтовок для себя и для рабочих и всех насчитывается около 3.000. Товарищи, просим вас, передайте всем вашим товарищам солдаткам, чтобы и они не падали духом и бодростью а стачке

с рабочим классом. И пособить мы можем вам как денежным, так и вещевым вспомоществованием,— об этом вы не беспокойтесь никто.

Еще раз просим вас, чтобы вы захватили с собой патроны и принесли на фабрику Сытина, на Пятницкую, так как у нас имеются винтовки. И просим 6 декабря принести, если можно, то пожалуйста. Прощайте, товарищи, остаемся всегда готовы за свободу положить жизнь свою, мы, товарищи сытинцы. Пролетарии всех стран, соединяйтесь, товарищи».

В один из этих революционных дней (7—8 декабря) из Александровских казарм для присоединения к рабочим шли солдаты в приподнятом и возбужденном состоянии, но около Серпуховской площади солдат остановил командующий Московским военным округом генерал Малахов с казаками и стал их уговаривать возвратиться обратно в казармы. Во время переговоров казаки успели окружить солдат. Наиболее отсталые, под влиянием страха, повернули обратно, а за ними потянулись и остальные. Так и не удалось солдатам и рабочим объединиться вместе для борьбы против общего врага, но эта неудача не сломила упорства рабочих.

На фабрике печатался первый номер «Известий советов рабочих депутатов».

Вот как об этом вспоминает один из рабочих-печатников:

«При выпуске первого номера «Известий» у Сытина в типографию явились ее хозяин И. Д. Сытин, редактор «Русского слова» Благов, известный фельетонист Дорошевич и не менее тогда известный публицист священник Петров. Вместе с ними в типографию вошли местный пристав и околоточный надзиратель. Пристав и околоточный были арестованы и обезоружены, Сытин же и компания были подвергнуты «почетному аресту» вплоть до конца набора и печати «Известий».

Когда были выпущены первые номера «Известий» и я принес нашим «арестантам» в подарок несколько номеров, то И. Д. Сытин обратился ко мне со следующими словами:

— Где же вы взяли бумагу и краску?

— Краска была в машинном помещении, а бумагу взяли в складе,— ответил я.

— Кто же вам позволил? — спросил И. Д.

— Московский совет рабочих депутатов.

— Московский совет... Но ведь хозяин-то я?

— Нет.— отвечал я полушутливо,— раз вы у нас под арестом, значит хозяева мы.

Все присутствующие засмеялись, «улыбался» и И. Д. Сытин.

После окончания печатания все были отпущены».

Типография Сытина была вообще на плохом счету у властей. Когда же 12 декабря на Пятницкой была выстроена под руководством бывшего зубатовца Котова баррикада и первая атака на нее отбита дружиной в пять человек, против типо-литографии был двинут целый отряд: две роты киевского полка с одним эскадроном и полусотней драгун. Общежитие было соединено с типографией туннелем, и дружина, состоящая из учеников, несколько раз открывала огонь по войскам и благополучно скрывалась из типографии в общежитие во время обстрела и последующего обыска. Раздраженные невозможностью найти дружинников, войска подожгли крамольную типографию. Дружинники, перебежав из общежития в типографию, потушили пожар под обстрелом. Но солдаты вместе с прибывшими пожарными взялись за дело более энергично, и громадное здание запылало. Половина типографии выгорела; остальное было попорчено водой: ротационные машины представляли собой ледяные горы.

Наступило время жестокой реакции. Полиция арестовала всех уполномоченных рабочих и выслала из Москвы на родину.

13 февраля 1907 г. сытинцы вновь забастовали и предъявили следующие требования.

ТРЕБОВАНИЕ

общее рабочих т-ва И. Д. Сытина

1. Двухнедельный отпуск для всех рабочих с сохранением жалования.

2. Признание уполномоченных от всех отделений.

Примечание. Уполномоченным, работающим сдельно, добавлять плату наборной и череплетной по 2 часа ежедневно.

3. Отмена сверхурочных работ и заработка пасхи.

4. Под праздник кончать на 1 час раньше.

5. Подметать и выдувать пыль во внерабочее время.

6. Вежливое обращение со стороны администрации с рабочими.

7. Если конфликт не уладится мирным путем, то уплатить за все забастовочное время.

8. За забастовку не должен быть никто уволен.

9. Все переговоры поручаем вести с нашим Профессиональным обществом.

10. Прибавка всем чернорабочим по 5 рублей.

Наборное отделение, обсудив общее заявление рабочих типо-литографии т-ва И. Д. Сыти-

Фабрика после пожара в 1905 г.

на, выражает свою солидарность со всеми рабочими и присоединяет свои подписи.

И, с своей стороны, предлагает Правлению т-ва сделать прибавку в размере 10 проц. и ввести признаваемые уже всеми типографиями в алфавит знаки препинания.

Ночное отделение предлагает ввести существующую уже прибавку за ночную работу 10 рублей и в виду того, что ночная работа сильно отражается на здоровье человека, предлагает ввести очередь для работающих, как это практикуется на газетах.

Правление т-ва затягивает с ответом. Кончилось дело локаутom, так как в это время бастовали и другие типографии.

Между тем в связи с наступившей реакцией Сытин тоже стал сбавлять расценки. В ответ на это рабочие часто бастовали, но большей частью неорганизованно, отдельными цехами — то забастует брошюровочный, то печатный цех и т. д. Оканчивались эти протесты то победой, то поражением рабочих.

Что касается майских забастовок, то они происходили ежегодно.

Правление т-ва в ответ на забастовки развешивало грозные объявления по фабрике:

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОТ ПРАВЛЕНИЯ Т-ВА И. Д. СЫТИНА

Правление настоящим объявляет оставившим работы 19 сего мая 1912 г. в количестве 141 чел. брошюровщикам, заявившим 1 мая о прибавке на отдельные работы, что оно на прибавку не согласно и носему приглашает старших из партий брошюровщиков для подсчета работ в течение 24 и 25 мая, а после подсчета должны явиться и все остальные 27 сего мая за получением полного расчета, в случае неявки брошюровщиков будут приглашены другие лица для подсчета работ и опре-

деления заработка всех рабочих, а паспорта неявившихся брошюровщиков будут отосланы в полицейское управление.

За директора В. ФРОЛОВ

Москва, 23 мая 1912 г.

9. СЫТИНЦЫ В ОКТЯБРЕ 1917 г.

Так в непрерывных столкновениях с капиталом прошло 12 лет, пока рабочий класс России, руководимый большевиками, не пришел к победе сначала над царизмом в февральские дни, а затем к полной победе над буржуазией в октябрьские дни 1917 г.

Нельзя однако сказать, чтобы рабочие сытинской типографии шли в авангарде революционного движения в годы реакции и подъема. Здесь сказались меньшевистское руководство движением печатников в Москве и во всей стране. Меньшевистский союз печатников, преувеличивая значение конституционных условий, якобы созданных наличием царской Гос. думы, направлял борьбу рабочих-печатников преимущественно в русло экономической борьбы и не страшных царизму и капиталу угроз. Развернутой революционной борьбы союз печатников не вел, систематически отвлекая от нее рабочих, усыпляя пролетарское сознание пролетариев и их волю к революционным действиям. Это «воспитание» в годы реакции сказались и в дни революции 1917 г.

В боевые дни Октября 1917 г. рабочий класс России добился своего освобождения и заложил фундамент мировой пролетарской революции.

Рабочие-сытинцы в героические дни революции 1917 г. не были в первых рядах борьбы за диктатуру. Наоборот, известно, что печатники вообще и рабочие нашей типографии в частности, когда грянула Октябрьская революция, пошли за своими меньшевистскими руководителями и получили меткое название «желтых печатников». Это станет понятным, если учесть обстановку и условия, в которых формировалось сознание рабочих-печатников.

В дореволюционное время печатники, несмотря на описанное в этой статье положение, все же пользовались большими преимуществами перед другими рабочими. Каждое их выступление приобретало политическое значение даже по характеру своей работы, и их требования чаще находили удовлетворение, чем требования рабочих других производств.

Кроме того печатники твердо усвоили соглашательскую тактику мирного парламентского разрешения всех вопросов от меньшевиков и им труднее было перевоспитать свое сознание в духе революционного действия.

Поэтому не удивительно, что в октябрьские дни наша фабрика с числом рабочих в 1.500 человек имела лишь горсточку большевиков. И когда рабочие Москвы дрались на баррикадах, завоевывая власть, рабочие нашей типографии объявили экономическую забастовку и препятствовали набору и выпуску большевистских воззваний и прокламаций.

Понадобились годы, чтобы освободиться от пагубного влияния меньшевиков, чтобы перевоспитать сознание сытинцев в духе революционного действия и добиться сознательного вступления в ряды борцов революции.

Что же горсточка сытинцев-большевиков делала в октябрьские дни?

Рабочий-большевик Тарасов так вспоминает об этих днях:

«Нам приходилось дежурить и охранять ту литературу, которую выпускал Комитет партии большевиков через Скворцова и других работников нашего района. Большевики делали попытки рассыпать набор, но им это не удавалось. И то, что печаталось, выпускалось.

А по улицам шла артиллерийская стрельба. На грузовиках проносились отряды Красной гвардии. Кипела жизнь и борьба. У Калужских ворот стояло несколько орудий с дулами, наведенными на

центр города. За Москва-рекой слышно было, как трещали пулеметы.

Кадетские отряды стреляли вдоль Полянки и Ордынки, пули свистели, наводя страх на жителей. Бои продолжались около недели.

Наконец мы победили».

После Октябрьской революции на фабрике создается первоначальная группа большевиков и сочувствующих из 10 человек, которая ведет отчаянную борьбу с меньшевиками. Эта борьба продолжалась еще долго после Октября — почти до конца 1920 г.

10. СЫТИНЦЫ ВСТУПАЮТ ВУПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ

Выдвинутый т. Лениным еще в 1917 г. лозунг «Рабочий контроль над производством» руководимые меньшевиками сытинцы не спешили проводить в жизнь. Они оправдывали свой саботаж ссылкой на неподготовленность рабочих к управлению производством.

Лишь в 1918 г. с большим трудом была выбрана рабочая контрольная комиссия в составе 12 чел., под председательством т. Варюхина.

Она проверила кассу издательства и установила, что на текущем счету находится 1.800.000 рублей. В это же время было обнаружено хищение шрифта и машин из типографии. Виновниками оказались помощники заведующих отделениями.

Таковы были первые шаги наших рабочих в деле управления производством.

В сентябре 1918 г. ячейка ВКП(б) состояла всего из 10 человек. На фабрике ячейка вела ожесточенную борьбу с меньшевиками, постепенно отвоевывая массы, вербовала новых членов в партию. Партийная неделя в 1919 г. дала 12 новых членов. Ячейка понемногу крепла, и влияние ее возрастало.

В ноябре 1919 г. типография была национализирована. Сытин сходит со сцены. Его сменяют рабочие. Рабочие от станка, неопытные в управлении фабрикой, с твердой верой в будущее, берутся за дело.

Между тем момент был тяжелый. Производство падало с катастрофической быстротой, недостаток топлива угрожал вывести из строя целые отделения. Рабочие, связанные с деревней, уезжали на родину. Молодежь уходила в Красную армию для отпора наседавшей со всех сторон контрреволюции. Лишь небольшая часть рабо-

чих, терпя голод и холод, продолжала поддерживать производство.

Меньшевики, видя, что масса постепенно ускользает от них, старались на почве продовольственных затруднений создавать волнения и забастовки.

Так им удалось спровоцировать забастовку 18 июля 1920 г. Был избран стачечный комитет в составе меньшевиков Воронина, Донского, Буксина и др.

Однако влияние меньшевиков уже было подорвано. Часть рабочих (календарное отделение) совсем не приняла участия в забастовке, другая часть на второй день частично приступила к работе, а на третий день уже вся фабрика работала полным ходом. В эти дни меньшевистские вожди развернули серьезную агитацию среди рабочих против советской власти. Ячейке РКП(б) пришлось немало поработать для ликвидации забастовки, разъясняя массам провокацию меньшевиков.

С наступлением новой экономической политики ячейка мобилизует массы вокруг лозунга: «Все—на поднятие производства!» Была проделана большая работа по собиранию нужных рабочих. Рабочие возвращались с фронтов и деревень, работа налаживалась. С трестированием промышленности типография как одна из крупных перешла в трест «Моспечатль».

С этого момента она получила свое название 1-й образцовой. Название это вполне соответствует ее размеру и качеству выпускаемой продукции. В это же время вся промышленность переходила на хозрасчет.

Настало трудное время. Количество заказов заметно сокращалось. Переход от бесплатного труда к платному типография переносила первое время с большими трудностями. Не имея средств, издательства вынуждены были сокращать свою издательскую программу. Посмотрим, как отразилось это положение на производстве.

Прежде всего оно сказалось на выплате зарплат, которая выдается частями — по 25—50 проц. (лето 1921 г.). Типографии пришлось также провести сокращение штатов на 150 чел. Сокращали менее ценных работников, а также тех, которые пришли на фабрику укрыться от мобилизации либо за получением бронированного пайка.

Гораздо труднее отозвалось на рабочих сокращение в марте 1922 г. Меньшевики и здесь попытались дезорганизовать рабо-

чих, спровоцировав единственную забастовку. Они упорно не соглашались на снятие с работы намеченных заводоуправлением рабочих.

Но эта новая провокация меньшевикам не удалась. В первый же день об явленной забастовке на фабрике собралась половина рабочих, а на другой день уже все рабочие приступили к работе.

После этого были произведены перевыборы меньшевистского завкома. Новый завком имел коммунистическое большинство. Настроение рабочих значительно разрядилось.

В 1922 г. ячейке РКП(б) пришлось уделить особенное внимание политическому воспитанию своих членов. Многие из них посещали школу политграмоты и марксистские кружки. К этому времени число коммунистов возросло до 55 чел. Вырос авторитет ячейки среди беспартийных рабочих. Все чаще и чаще они обращаются к ней за помощью в тех или иных вопросах. Выделенная ячейкой комиссия по улучшению быта рабочих проделала большую работу по вселению в дома-коммуны, а также по улучшению жилищца.

В 1923 г. ячейка РКП(б) праздновала свой пятилетний юбилей. Приведем интересное для истории 1-й образцовой приветствие секретаря Замрайкома в то время — т. Землячки:

«В моих воспоминаниях 1905 г. типография Сытина вырисовывается как отряд, бьющийся и погибающий в огне. Я смутно вспоминаю эту борьбу, ибо работала в другом районе, но борьба эта, восстание пролетария, стремящегося, но не могущего сбросить с себя оковы царизма, вспоминается мне как нечто весьма значительное в общей борьбе московских рабочих в 1905 г.

В 1918 г. мне вспоминается громадная мастерская, битком набитая народом. Все дышало жарко, страсти разгорелись — чья возьмет? Борьба дошла до своего апогея. Вопрос не шуточный! Вопрос в том, прозрит ли масса и ринется в рукопашную с капиталом, с ненавистным классом, со всеми приспешниками его, или, забыв свое классовое достоинство, не нащупав в себе классового инстинкта борьбы против врага своего — буржуазии, пойдет на уступки, на соглашение, медленными шагами, трусливыми зигзагами пойдет назад, к верной смерти, к новым, более крепким оковам?.. Но здоровый инстинкт победил, сознание проснулось, масса прозрела и

Гов. Комаров—ударник 1-й образцовой типографии, внесший ряд рационализаторских предложений, давших более 12.000 р. экономии. Неоднократно премирован

клеймила позором трусливых, дряблых лжецов: «Лгут они, не слушайте их. Они вас обманут» — говорили горящие жаждой борьбы глаза пролетариев. И пошли за большевиками к решительной борьбе против капитала, за достижение социализма не на словах, а на деле.

В 1921 г. я увидела ячейку уже сознательной, верно идущей к достижению чистоты линии борьбы, работающей над собой, искореняющей у себя остатки соглашательской политики, на страже большевистских коммунистических принципов. Масса кажется еще не определилась. Экономические условия еще тяжелы. Военный коммунизм не изжит. Не лучше ли вернуться назад? Спокойнее! Но ячейка ведет упорную работу по внедрению коммунистической линии. А масса, невзирая ни на какие лишения, принося неисчислимые жертвы, идет за своим руководителем — коммунистической ячейкой.

Меньшевики еще налицо. Они открыто не выступают. Они прячутся, не зная, как отнесется к ним масса. Но работа их видна, масса еще колеблется дать им бой.

И наконец в 1922 и 1923 гг. масса побеждает окончательно свое колебание и решительно изгоняет своих врагов, шипящих змей. И идет уже дальше в ногу, не отставая, и пойдет вплоть до решительной схватки с мировым капиталом вместе с коммунистической партией.

Огромную работу, чисто идеологическую, проделала ячейка 1-й образцовой. И в ее среде выковывались борцы. Из недр жестокой борьбы с близким противником они появились.

Крепко сплоченные вокруг своего ядра, они сплотили крепкое ядро беспартийных вокруг ячейки.

Каждый шаг борьбы стал понятен массе. И зорко следила она за своими вождями. И отдала им, много претерпевшим в борьбе за их пролетарское сознание, свою любовь, свое уважение.

На ячейке 1-й образцовой типографии надо учиться бороться на идеологическом фронте, на ней мы сможем проверить свои силы. Ей мы должны отдать полное уважение как борцам, выросшим из недр самой борьбы, в ней закаленным.

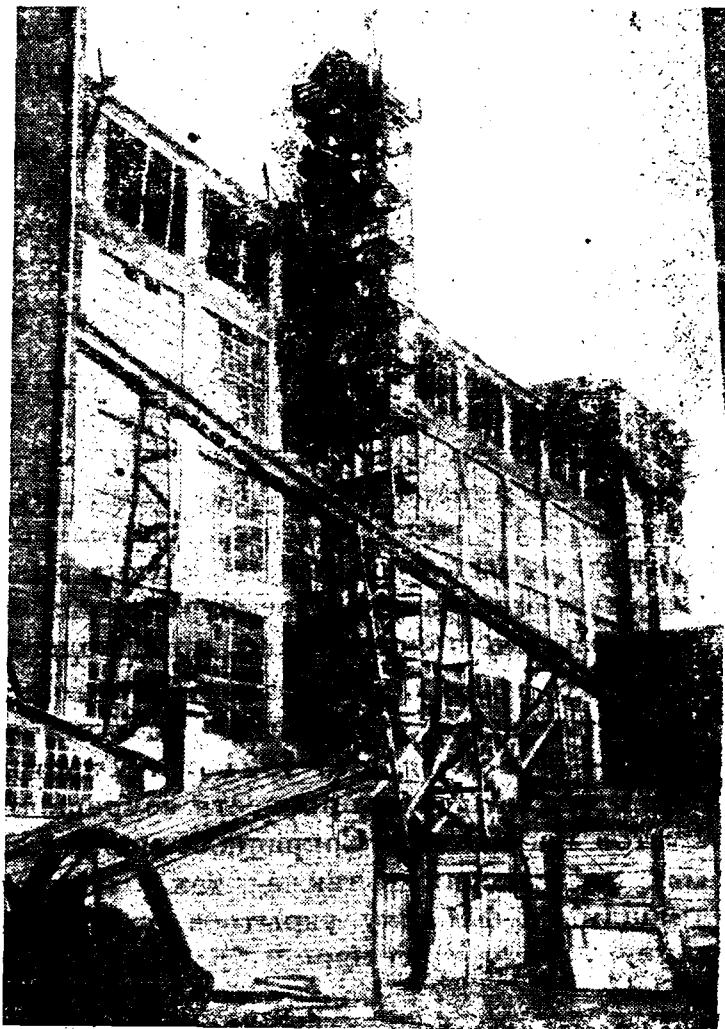
Да здравствует ячейка и рабочая масса 1-й образцовой типографии, победившая в самой тяжелой борьбе на идеологическом фронте!

Землячка

11. РАБОЧИЕ 1-Й ОБРАЗЦОВОЙ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИЗМ

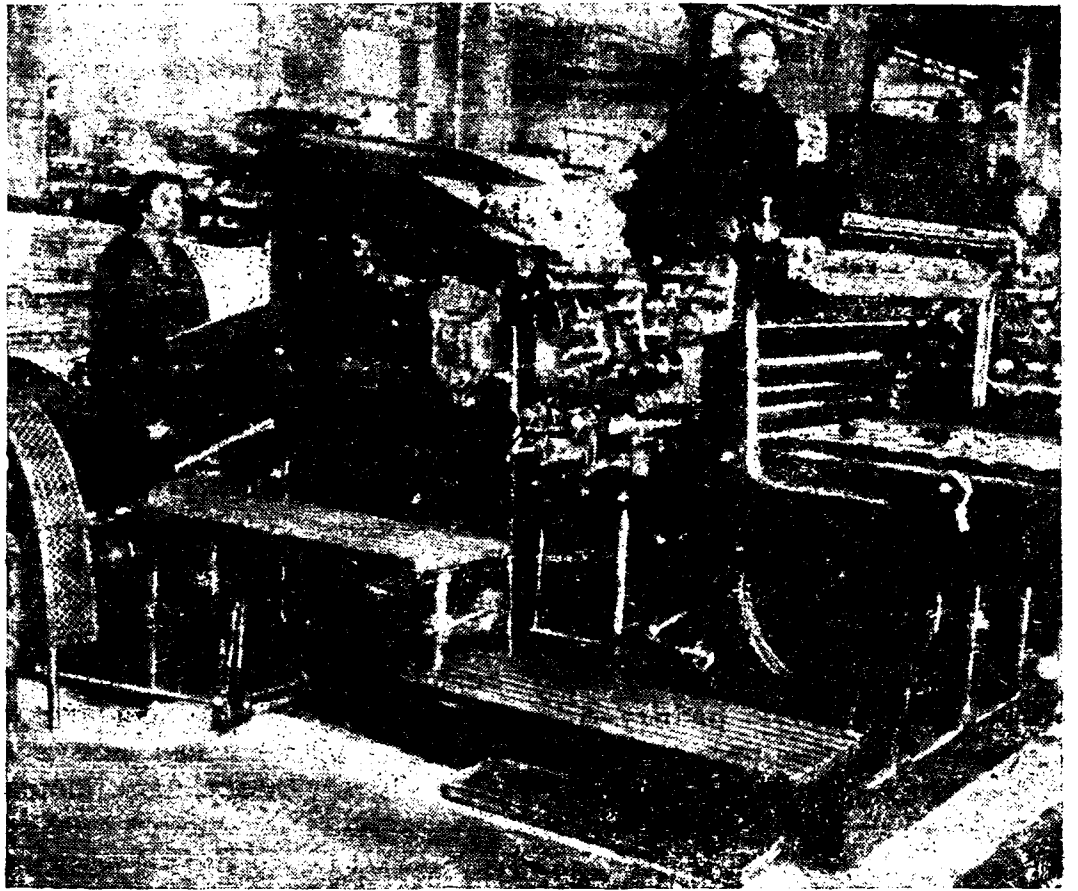
С 1 июля 1923 г. 1-я образцовая типография была выделена в самостоятельную хозяйственную единицу внутри «Мосполиграфа». С этого времени она обслуживает исключительно работу Госиздата.

В течение всего восстановительного и реконструктивного периода рабочие во

Стройка нового корпуса 1-й образцовой типографии, в Москве

1-я советская плоскочечная машина з-да „Рыбинский металлист“—у машины наладчик Иван Борисов, ударник, выполнивший промфинплан на 108% (1-я образцовая типография, Москва)

главе с ячейкой и профорганизацией типографии уделяют первое место вопросам производства.

Вопросы производства на предприятии становятся в центр работы всех общественных организаций. Проекты перепланирования производства были до мельчайших подробностей обсуждены на производственных совещаниях. Не было такого уголка и процесса, который бы не служил предметом широкого обсуждения.

Рабочие обсуждают самые разнообразные вопросы, связанные с улучшением производства: замену одного материала другим, не ухудшая, а иногда улучшая качество, экономию материала, использование отбросов, рационализацию процесса, уплотнение рабочего дня и т. д.

Чрезвычайно возросло количество рабочих предложений за несколько лет: в 1924 г. поступило 66 предложений, из них выполнено 53 проц.; в 1925 г. поступило 119 предложений, из них выполнено 49 проц.; в 1926 г. поступило 221 предложение, из них выполнено 62 проц.

Какой же эффект для предприятия дают эти предложения? По ориентировочному подсчету они уже в 1927 г. дали годовую экономию средств около 120 тыс. рублей.

В целях еще большего привлечения инициативы рабочих и их заинтересованности в 1931 г. на фабрике организуется Бюро

рабочих изобретателей, или, как его сокращенно называют, Бриз.

В Бриз устремился целый ряд рабочих изобретателей. Пишутся предложения рабочими обычно на клочках бумаги карандашом. Приведем два из множества других:

«Я, т. Заикин, предлагаю следующее: в стереотипном цехе у механической пилы сделать шкалу подразделений от 1 пункта до 7 квадратов, которая посредством измерения даст точный размер отлитого стереотипа, что облегчит обкладку формы в типографии, и считаю, что даст большую экономию».

А вот другое предложение.

«Предлагаю к водяному точилу пристроить наждачное точило, что облегчит и ускорит точку инструментов граверам и столярам. Затрата небольшая и выражается в покупке наждачного точила. Как установить, я укажу. Гуняев».

В подаче рационализаторских предложений участвовало 494 чел., из них рабочих — 390 чел., давших 1.118 предложений, лиц административно-технического персонала — 84 чел., давших 334 предложения, и служащих — 20 чел., внесших 58 предложений.

Сумма экономического эффекта от принятых предложений — 309.265 руб. 17 к.

экономический эффект от выполненных предложений — 121.073 р. 17 к.

В 1931 г. выдано на 13. 278 р. 54 к. премий и премировано 213 человек.

Борьба за производство, борьба за овладение техникой развернулась в массовое движение, вовлекающее все новых и новых рабочих в число активных участников и организаторов социалистической стройки. Развернулась соответственно и техническая учеба. Успешно работает школа ФЗС, ПРТШ и ряд кружков. Подготовка кадров для производства становится центральной задачей, обеспечивающей дальнейший рост производства. Улучшается за последние годы материально-бытовое обслуживание рабочих. Рабочие организации под руководством партии борются за лучшую постановку снабжения, за бесперебойную работу ЗРК и столовой, за развернутую культурно-воспитательную и массовую работу.

Шесть условий т. Сталина превращаются для нашей типографии в прочную систему и метод работы, направленные к закреплению наших достижений.

Ударничество и социалистическое соревнование в нашей типографии, как и во всех предприятиях, прочно укрепились.

Социалистические формы труда воспитывают в массах сознательное, коммунистическое отношение к работе, поднимающее производительность труда, гарантирующее успешное завершение первой пятилетки и подготовку второй.

Всех этих успехов рабочие 1-й образцовой добились только под руководством своего большевистского коллектива, преодолевшего колебания и уклоны в своей среде, развернувшего борьбу на два фронта и мобилизовавшего массы вокруг партии, вокруг поставленных ею задач развернутого социалистического наступления по всему фронту. Трудности и достижения рабочих 1-й образцовой типографии на фронте активной борьбы за социализм велики, но здесь их описывать нет возможности. Важно только подчеркнуть, что «желтых печатников» давно нет и в помине, как нет и старой сытинской типографии, печатавшей лубочные патриотические и просто бульварные картинки, книжки и прочую макулатуру.

1-я образцовая является теперь одним из прочных опорных пунктов в борьбе партии и рабочего класса за культурную революцию, за победу социализма.

Печатаемая ниже статья Маркса «Критика французской системы ведения войны» появилась в серии статей, посвященных Крымской войне 1853 — 1856 гг.

Серия этих статей, написанных Марксом и Энгельсом, печаталась в немецкой радикальной газете «Нейе Одер-Цейтунг». Настоящая статья была помещена в номере от 20 марта 1855 г.

Ниже мы печатаем русский перевод статьи в том виде, как он войдет в выходящий в ближайшее время X том сочинений Маркса — Энгельса.

*Институт Маркса—Энгельса—Ленина
при ЦК ВКП(б).*

К. МАРКС

Критика французской системы ведения войны

(Лондон, 17 марта 1855 г.)

После того, как памфлет Жерома Бонапарта (Младшего) ¹ разоблачил, что крымская экспедиция является оригинальным изобретением Луи-Наполеона, что он сам разработал ее в деталях без привлечения третьих лиц, что он в рукописи послал свой проект в Константинополь, чтобы избежать возражений маршала Вайяна,—после того, как все это стало известным, значительная часть грубейших военных ошибок этой экспедиции находит себе объяснение в династических потребностях ее новатора. В военном совете в Варне экспедиция была навязана присутствовавшим генералам и адмиралам путем прямой апелляции Сент-Арно ² к авторитету «императора», который со своей стороны открыто заклеил мнения своих противников как «робкие советы». Будучи уже в Крыму, Раглан ³ подал действительно «робкий совет» продвинуться к Балаклаве, горячо принятый Сент-Арно, так как этот совет вел если не прямо в Севастополь, то по крайней мере к его воротам. Лихорадочная поспешность форсировать осаду, хотя и без достаточных для этого средств; жажда открыть огонь, которая заставила французов в такой степени пренебречь солидностью своих укреплений, что их батареи были приведены неприятелем к молчанию через несколько часов; чрезмерное напряжение солдат в траншеях, которое, как уже доказано, в такой же мере содействовало гибели английской армии, как и комиссариат (интендантство), транспортная служба, медицинский отдел и т. д.; необдуманная и бесполезная бомбардировка от 17 октября до 5 ноября; пренебрежительное отношение к оборонительным укреплениям — все это получило теперь достаточное объяснение. Династия Бонапартов нуждалась в занятии Севастополя в кратчайший срок; союзная армия должна была привести это в исполнение. Канробер ⁴ в случае успеха сделался бы маршалом Франции, графом, герцогом, князем, всем, чем захотел бы, с неограниченными полномочиями в области финансов. В случае неудачи его карьера была кончена. Раглан был в достаточной степени старой бабой, чтобы уступить своему лично заинтересованному коллеге.

Но это конечно не самые важные последствия империалистического плана операций. В это безнадежное дело втянуто девять французских дивизий, или 81 батальон. А дело признано почти что безнадежным; самые

большие усилия, самые расточительные жертвы не привели ни к какому результату. Севастополь сильнее прежнего; французские траншеи, как мы знаем из достоверного источника, находятся на расстоянии 400 ярдов от русских укреплений, британские — вдвое дальше. Генерал Нифль⁵, посланный Бонапартом для осмотра осадных работ, заявил, что о штурме не может быть и речи; главный пункт нападения он отодвинул с французской стороны на английскую и этим не только вызвал отсрочку в осаде, но и направил главный удар на предместье, которое даже и будучи взято, все же отделяется от города внутренней гаванью. Короче говоря, один проект за другим, одна хитрость за другой, и все это для того, чтобы поддержать не надежду, а только одну видимость надежды на успех. И в то время, когда дела приняли такой оборот, когда на континенте предстоит всеобщая война, когда в Балтийское море снаряжается новая экспедиция, — экспедиция, которая на этот раз будет действительно что-то делать и поэтому скоро потребует больше десантных войск, чем в 1854 г., — в такой момент Бонапарт посылает новые пять дивизий пехоты в крымскую трясину, где люди исчезают и полки пропадают, как по волшебству. Да, он решил сам туда отправиться, и он туда отправится, если мало вероятный мир или серьезные события на польской границе не вынудят другого решения. Такова ситуация, до которой довел первый стратегический эксперимент Бонапарта его самого и «императорскую» Францию. Но не только одно упрямство толкает его туда, а и фаталистическое чутье, что судьба французской империи решится в севастопольских траншеях. До сих пор ни одно Маренго не оправдало второго издания 18 брюмера.

Можно считать иронией истории то обстоятельство, что реставрированная империя, как мучительно она ни старается подражать своему прообразу, вынуждена всюду делать противоположное тому, что делал Наполеон. Наполеон напал на самое сердце тех государств, которые он завоевывал; нынешняя Франция напала на *sine de sac* (закоулок) России. Расчет строился не на крупных военных операциях, а на неожиданном ударе, на желании захватить врасплох, на авантюре. В этих различных намерениях заключается вся разница между Первой и Второй французской империей и ее обоими представителями. Наполеон имел обыкновение вступать победителем в столицы с о в р е м е н н о й Европы. Его преемник под различными предлогами — защиты папы, защиты султана, защиты короля эллинов — разместил французские гарнизоны по столицам а н т и ч н о й Европы — в Риме, в Константинополе и в Афинах; в результате — никакого усиления могущества, а одно только раздробление сил. Искусство Наполеона заключалось в концентрации, искусство его преемника — в распылении. Когда Наполеон видел себя вынужденным вести войну на двух различных театрах, как в своих войнах против Австрии, он концентрировал сразу самую значительную часть своих боевых сил на имеющей решающее значение операционной линии (в войнах с Австрией — линия Страсбург — Вена), оставив относительно незначительные силы на второстепенном театре военных действий (Италия), уверенный в том, что даже в случае поражения его войск на второстепенном театре его собственные успехи на главной линии вернее задержат продвижение вражеской армии, чем непосредственное сопротивление на второстепенной линии. Его преемник, напротив, рассеивает военные силы Франции по многим пунктам, а часть их концентрирует в том пункте, где малейший, да и вообще всякий успех должен быть куплен ценою величайших жертв. Кроме войск в Риме, Афинах, Константинополе, Крыму, предстоит еще послать вспомогательную армию в Австрию к польской границе и другую — в Балтийское море. Таким образом французская армия должна была бы действовать на трех театрах военных действий, отделенных один от другого расстоянием самое меньшее в 1.000 миль. В соответствии с этим планом были отданы распоряжения относительно французских военных сил в целом

еще до того, как война серьезно началась в Европе. Когда Наполеон считал какое-нибудь свое предприятие иррациональным (как например у Асперна), он вместо того, чтобы настаивать на нем, умел сейчас же найти какой-нибудь новый ход, незаметно перебросить свои войска к новому пункту нападения и часто, при помощи блестящего удачного маневра, выставить частичное поражение как необходимый шаг в окончательной победе. Только в дни своего падения, когда он потерял после 1812 г. веру в самого себя, энергия его воли превратилась в ослепленное упрямство, заставлявшее его удерживать позиции (как у Лейпцига)⁸, которые отвергались его же собственным суждением как стратега. А его пресмник в ы ну ж д е н начать с того, чем кончил его предшественник. То, что у одного было результатом необъяснимых поражений, у другого являлось следствием необъяснимых счастливых случаев. У одного звездой, в которую он верил, был собственный гений, у другого вера в свою звезду должна была заменить гений. Один победил действительную революцию, как как он был единственным человеком, способным ее осуществить; другой победил вновь ожившее воспоминание о прошедшей революционной эпохе, ибо он носил имя этого единственного человека, т. е. был сам одним лишь воспоминанием. Можно было бы легко доказать, что во внутреннем управлении Второй империи находит свое отражение претенциозная посредственность его системы ведения войны, что и здесь иллюзия стала на место подлинной сущности и что «экономические» походы ни в коем случае не были успешнее походов военных.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «КРИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ».

¹ Жером Бонапарт Младший (1822—1891)—французский принц, двоюродный брат Наполеона III, считавшийся вождем «левых» бонапартистов.

² Сент-Арно, Жак-Амиль-Леруа (1801—1854)—французский генерал, активный участник переворота 2 декабря 1851 г., главнокомандующий французских войск в Крыму.

³ Раглан, Фигурой-Джемс-Генри-Сомерсет (1788—1855)—английский генерал, главнокомандующий британской армией в Крымской войне.

⁴ Канробер, Франсуа-Серген (1809—1895)—французский генерал, бонапартист, после смерти Сент-Арно главнокомандующий французских войск.

⁵ Ниэль, Адольф (1802—1869)—французский генерал, инженер, руководивший осадными работами у Севастополя.

⁶ Маренго—деревня в Италии, где в 1800 г. Наполеон I одержал крупную победу над австрийскими войсками.

⁷ Асперна—австрийское селение на берегу Дуная против Вены, где в 1809 г. произошло крупное сражение между войсками Наполеона I и австрийской армией, закончившееся неопределенным результатом для обеих сторон.

⁸ Лейпциг—город в Саксонии; в 1813 г. близ него произошла так называемая «битва народов», когда французские войска были разбиты союзными армиями (Россия, Пруссия, Австрия, Швеция), превосходившими их почти в два раза своей численностью.

Эсеры во главе расправы с национально-освободительным восстанием

История 1917 г. в Казакстане представляет исключительный интерес для характеристики национально-колониальной политики временного правительства и особенно для характеристики партии социалистов-революционеров. Деятельность эсеров в Казакстане является предельно законченным выражением той великодержавной, провинцистической позиции, которую занимала эта партия в национальном вопросе. Русский великодержавный национализм, лежавший в основе национальной политики временного правительства, принял в Казакстане наиболее последовательные свои формы.

Публикуемый нами доклад о положении в Казакстане рисует яркую картину той расправы, которая проводилась на протяжении всего 1917 г. над коренным населением края. Социалисты-революционеры, заполнившие все местные советские организации и занимавшие все руководящие посты, в течение всего 1917 г. возглавляли кровавую расправу русского кулачества с киргизами и казаками, восставшими незадолго до Февральской революции.

Восстание 1916 г. было вызвано политикой безграничного национального и колониального угнетения, проводившейся царским правительством. В оседлых районах Туркестана колониальный гнет вылился в эксплуатацию туземного крестьянина-хлопководца, в превращение его в раба русского капитала, вечно голодного производителя хлопка, навеки запертого в ростовщической кабале, задыхавшегося под двойным гнетом — «своих» и русских помещиков и капиталистов.

Кочевые районы Средней Азии (к которым принадлежат Казакстан и Киргизия) были превращены царской Россией в зону неприкрытого колониального грабежа. В течение всего периода их пребывания под властью России шел процесс экспроприации земель коренного населения. Особенно усилился он после 1905 г., когда самодержавие решило широко использовать переселенческую политику в целях предотвращения революционного взрыва. Оно хотело произвести значительное переселение крестьян из центральных губерний на земли колониальных народов, ослабить таким образом аграрные противоречия в центре и создать себе в колониях опору из переселяемых крестьян. Избежать революции самодержавию таким путем не удалось, но вторая цель им была частично достигнута: дело в том, что переселить бедноту в сколько-нибудь значительной массе оказалось невозможным, ибо она была слишком слаба хозяйственно, чтобы наладить хозяйство на новых местах. Значительно более приспособленным к переселению оказался кулак, охотно отправившийся на разграбление колониального крестьянства. Поэтому значительную часть пересе-

денцев составляли кулаки, сделавшиеся конечно верной опорой колониальной политики России.

Кавказстан и Киргизия были одними из основных районов, куда направляло правительство переселенцев. К 1914 г. в руках русских переселенцев находилось 1.800 тыс. десятин земли, притом лучшей, наиболее плодородной земли, насильственно отнятой у коренного населения. Положение киргизской и казакской бедноты — «букары» — становилось отчаянным. Из года в год усиливалось голодное вымирание. В 1916 г., в ответ на приказ о мобилизации «туземцев» в армию, вспыхнуло восстание, охватившее почти всю Среднюю Азию. Особенно упорным и героическим оно было в кочевых ее районах. Восставала в первую очередь беднота. Полуфеодалы баи, связанные с русской властью, либо боролись против восстания либо сохраняли нейтралитет.

Восстание это было подавлено силою оружия. Русское кулачество приняло в его подавлении активнейшее участие. Когда сопротивление восставших было сломлено, началась кровавая расправа. Восставших вырезывали тысячами, истребляли женщин и детей. Кулачество превратило свою победу в безудержный колониальный грабеж: у коренного населения была отнята почти вся его земля, угнан его скот, сожжены кибитки.

Обезумевшие от ужаса киргизы и казаки решили бежать от неминуемой гибели в Китай. Тысячами бросились они к китайской границе, преследуемые по пятам озверевшими колонизаторами. Но в Китае они были обречены на голод и смерть. И вдруг пришла весть о революции в России. Она вселила в них надежду на возможность возвращения. Они вновь хлынули обратно. Однако в Семиречьи на месте царских чиновников сидели эсеры и кадеты, и это решило судьбу возвращавшихся казаков и киргизов: их ожидало истребление.

Как раз к этому моменту возвращения казаков и киргизов относится публикуемый нами документ. Конечно этот документ не дает правильного освещения происходивших тогда событий: его авторы, посланные краевым советом, находившимся в руках меньшевиков, отнюдь не считали своей задачей прекращение той национальной политики, которую проводило временное правительство и его местные органы. Они хотели лишь несколько смягчить острое положение, создавшееся в Кавказе и Киргизии, и заставить киргизов притти с повинной к русскому населению.

Однако даже столь «умеренные» по своему настроению делегаты краевого совета вынуждены в докладе своем нарисовать поистине потрясающую картину расправы с коренным населением.

Особенную яркость этой картине придает тот факт, что руководство расправой принадлежит эсерам. что комиссар временного правительства Шкапский, который проводит эту расправу,—эсер, что политика эта целиком согласована с временным правительством, наконец то, что на каждом шагу видна связь этих «советских», «революционных» деятелей с монархистами и охранниками.

Публикуемый нами документ впервые был напечатан в ташкентской «Нашей газете» за 20, 21 и 22 июня 1917 г. Номера этой газеты стали библиографической редкостью, поэтому мы решили опубликовать этот материал вновь.

Н. О.

В Семиречьи

Доклад пржевальской группы делегатов
краевому совету Р. и С. Д.

Перевалив Басимское ущелье, на ст. Куть-Малды, 20 мая мы зашли в стоящую там на окраине 3-ю роту 434-й саратовской дружины, где солдаты нам сообщили, что киргизы очень спокойны, но голодают и просят помощи хлебом. Русское население мстит им за прошлый год, не останавливаясь перед грабежами и убийствами. Особенно отличаются солдаты, уволенные в отпуск и на работы. Многие из них взяли из частей винтовки и, собираясь группами в 20—25 человек, отбирают у киргизов скот и другое имущество. 12 мая 4 солдата неизвестной пока части попросились сопровождать пока почту и на перегоне за с. Тюп встретили возчиков Восточн. Общества, у которых эти солдаты забрали 3 кошмы и кап ячменя, это подтвердил нам командир 3-й роты 434-й сарат. друж., производивший дознание. Тот же командир роты сказал, что в Пржевальском уезде есть много дезертиров и особенно отпускных солдат, которые страшно мстят киргизам. Напр., один крестьянин берет себе киргизов в работники, а другой этих работников убивает. Крестьяне группами ездят обирать киргизов, не останавливаясь перед убийствами. В с. Кольцовке есть один дезертир, бывший житель Сазановки, который сообщил, что целью их является—вызвать восстание киргизов для того, чтобы их перебить. В с. Григорьевке крестьяне сожгли 5 киргизов, завернув их сначала в кошмы. 18 апреля около Кольцовки подверглось этой же участи 9 киргизов. Были случаи нападения партий русских на киргизов и в с. Быстроречьянской (Пишпекского уезда).

Далее солдаты еще сообщали, что в Пржевальском уезде из отпускных солдат сформированы дружины, которые выставили по ущельям к Джаркентскому уезду посты для преследования киргизов и что в с. Рыбачьем существует раздор между русскими и киргизами из-за клевера, куда мы решили захватить.

В с. Рыбачьем крестьянин Чешев сообщил нам, что Шабалинский комитет решил поливать клевер на киргизских землях, и если не вернутся хозяева, то пользоваться им. Хозяев же до сих пор нет, они все в г. Пржевальске. Клевер поливался,

но теперь приехали киргизы Столыпинской волости и не дают поливать, хотя это не их клевер, а киргизов Семизбекской волости. Поливать клевер крестьян уполномочил пржевальский купец Сулейманов, снявший здесь по пути почтовые станции, для которых ему нужно заготовить клевер.

Приехав в с. Сазановку, в дом сельского комиссара, мы узнали, что в селе митинг, где присутствуют уездный комиссар Шабалин и два депутата от Верненского военного комитета. Вскоре все трое вернулись и хоть отнеслись к нам довольно предупредительно, но даже не заинтересовались узнать у нас цели нашей поездки, а сразу же стали собираться ехать. Они все торопились навстречу Шкапскому.

Мы прибыли в г. Пржевальск 23 мая и на другой день пошли на заседание военного комитета, где попросили разрешения устроить митинг солдат. На следующий день, 25 мая, митинг открыл т. Ястребчиков, который сказал приветственное слово и изложил цель нашей поездки, а затем приступили к чтению постановления военной секции. Солдаты встретили одобрительно, но когда прочитали постановление о бывших охранниках, то один солдат, приводя в пример апостола Павла, сказал, что апостол Павел был сыщиком, но раскаялся и был прощен, и что охранники, бросившие эту службу в охранном отделении за несколько лет до переворота, тоже могут быть прощены. Оказалось, что здесь командиром второй роты 243-й самарской дружины состоит прапорщик Гришин, служивший 6 лет тому назад в Самарском и Саратовском сыских отделениях. Комитет дружины постановил отправить его в действующую армию, но рота, видя в нем хорошего командира, этому постановлению воспротивилась, и он остался на месте.

В вопросе о примирении с киргизами обнаружилось два течения: солдаты — уроженцы России — находят, что если местное население бросит мечь и грабежи, то все успокоится, семиреченцы же указывают на то, что почему же киргизы, виновники всех несчастий, не пришли до сих пор с повинной. На наш вопрос, возможно ли примирение, если киргизы организуются, выдадут русских пленных, которые еще

есть, сдадут оружие, выдадут защитников и от организаций изъявит покорность,— протестов не последовало.

На этом митинг и закончился, так как начальник гарнизона капитан Шулешко объявил, что войскам нужно встречать комиссара Временного правительства Шкапского.

Капитан Шулешко спросил нас, как теперь происходят встречи начальства, на что мы сказали, что встречи войсками начальников не военного ведомства не практикуются, но что это дело военного комитета. Предложение о встрече войсками исходило от Шабалина как уездного комиссара. Военный комитет постановил устроить встречу, и начальник гарнизона издал накануне, т. е. 24 мая, приказ: «Для встречи комиссара Врем. правит. Шкапского всем свободным от нарядов войскам выстроиться у дома, отведенного под квартиру комиссара; форма одежды—караульная, казаки и артиллерия должны быть в конном строю».

По причине ли задержки митингов, или по каким другим соображениям, войска не выстраивались, а пришли как граждане. Около квартиры Шкапского, часа за два до его приезда, собрались все граждане города. Приезд состоялся в 7 час. вечера; сначала промчалось бешеным аллюром один за другим несколько джигитов и потом самый кортеж: три тройки, окруженные со всех сторон верховыми милиционерами и джигитами, приблизительно около 50 человек, сзади еще долго тянулись на измученных лошадях сарты, киргизы и прочие всадники. Граждане встречали хлебом-солью и восторженными криками «ура». Крыльцо дома, отведенного под квартиру, было украшено двумя огромными трехцветными флагами самодержавия, а около них были маленькие и в большинстве белые флаги с надписями: «Вечная память борцам за свободу», «Земля и воля» и проч. Вообще—всюду еще признаки рабства и несознания своего гражданского достоинства. На воротах сада «Ц. М.» (царь-миротворец), а сверх их корона. Нигде нет флага—символа свободы.

Нам заявили некоторые члены местных организаций, что Шкапский и его помощники в Пишпеке постановили выселить пржевальских киргизов в Вернинский и Нарынский районы. Видя в этом противоположность нашему наказу, мы 26 мая утром пошли к Шкапскому—спросить, действительно ли было постановление о высе-

лени, и как теперь вести пропаганду и примирение, а также был ли извещен об этом постановлении Краевой Совет. На это Шкапский сказал, что имеет полномочия Временного правительства, и что Краевой совет извещать было не так необходимо. Шендриков сказал, что если мы будем говорить о примирении, то нас толпа разорвет, закупорит в ящик и отправит обратно, а в лучшем случае просто арестует, что они об'ехали большую часть уезда и вынесли впечатление, что теперь говорить о примирении—это абсурд.

«Я, в присутствии комиссара, заявляю,—сказал Шабалин,—что если вы будете говорить о примирении и проводить наказ, то я буду протестовать, так как не считаю вас уполномоченным работать в Пржевальском уезде, а также протестую против того, что вы требуете объяснений от комиссара Временного правительства о его постановлениях. Это—тон недопустимый».

Шкапский, не сказав ни слова, вышел в другую комнату. На наше объяснение, что мы не пришли требовать заявления, а только спрашиваем совета, как нам работать, и что если находят это недопустимым тоном, то мы люди простые, а не тонкие дипломаты, Шабалин ответил, что погорчился, предложил все забыть и подал нам руку.

Обсудив предварительно происшедшее, мы пришли на заседание военного комитета.

Заседание военного комитета было открытое, и собралось много публики. Сначала обсуждали действия некоего Фадеева-Сергеева, который был сначала очень хорошим организатором, но потом, сойдясь с Шапуновым, резко изменился. Послан он был на Сантач не допустить киргизов, идущих из Китая. Постановление о его посылке с отрядом в 40 человек состоялось в с. Лизагубовке, где были Шабалин и представители других сельских комитетов. Основанием послужили (по словам Шабалина) известия, что киргизы идут из Китая, ведут скот и мрут с голода, а крестьяне целой бандой бросились на них с целью мести, о чем была записка от волостей Лизагубовки и Соколовки, и в этой же записке просили прислать им для руководства Фадеева-Сергеева. Сформированный отряд в 40 чел. под предводительством Фадеева-Сергеева, одного унтер-офицера и Шапунова (последний был как переводчик) отобрал у купца 1.100 лошадей, 800 коров и множество баранов, при-

гнал весь этот скот и разделил между крестьянами селений Сазановки, Григорьевки и Покровки. Кроме того Фадеев-Сергеев брал с каждой киргизской юрты по 2 рубля, отобрал у киргизов трех лошадей и продал их за 700 руб. Шапунову. Последний недавно сидел в тюрьме за грабежи и избивание киргизов, освобожден в дни свободы и сразу же, выйдя на свободу, избил на улице сарта. Сведения о действиях этих лиц доставил некто Волков (вероятно, крестьянин из с. Лизагубовки, о нем будет сказано дальше), но впоследствии этот же Волков стал защищать их. Есть подозрение, что Волков их соучастник. Дело решено передать в следственную комиссию уездного Исполнительного комитета.

Какие меры принимались против нашествия киргизов из Китая? Шабалин говорит, что как только узнали, что они идут, то сразу же поставлены были заставы в ущельях. Капитан Шулешко говорит, что это было решено в Уездном испол. комитете, коим и поручено полковнику Гейцигу сформировать отряды, и он, не считаясь с воен. комитетом, выслал отряды солдат и казаков. Крестьяне страшно киргизов обирали. Командир говорит, что отряд их был в 40 чел.; а киргизов было около 5.000 чел.; последних загнали в ущелье; местные солдаты и крестьяне их грабили и даже брали кошмы с завернутыми в них детьми и неизвестно куда девали. Шабалин говорит, что он поехал в с. Валерьяновку предупредить грабежи и насилия, и, проезжая село Валерьяновку, он заметил, что все мужчины куда-то ушли и что в поле были видны головы спрятавшихся мужчин. В селе остались одни женщины, которые варили для казаков самогонку. Валерьяновцы отобрали от киргизов баранов на 16.000 руб. Солдаты говорят, что крестьяне же сразу бросились к пришедшим киргизам под предлогом взять их в работники, но были вооружены топорами, косами, вилами и камнями. Солдаты их не допускали, но Гейцит и Шабалин приказали крестьян допустить, и тогда крестьяне их перебили и забрали все имущество киргизов. Остался на месте избитым даже ребенок.

Кем же выдано населению оружие?

Шабалин говорит, что в январе ездил просить о выдаче оружия населению, что и было разрешено. Оружие вез один прапорщик и по дороге говорил крестьянам, что везет для них оружие. Оружие было роздано по селениям,—всего 400 русских и 150 итальянских винтовок. После раздачи

последовал приказ не раздавать оружия и вскоре другой приказ—отобрать выданное. Верненский губернатор прислал оружие для выдачи населению в случае надобности, и вот теперь, во время мобилизации, роздано населению 450 винтовок и 15.000 патронов.

Вопрос этот, как и вопрос об обеспечении киргизами работников на зиму, постановлено передать на разработку в Исполн. Уездн. Комитет.

По вопросу об организации киргизов силами депутатов местных организаций Шканский говорит, что закон 1861 г. был неудачный, так как не раскрепостил киргизов от манапов. Потом в 1901 г., или около этого времени, было заседание на Сибирской железной дороге, где присутствовал Николай II, на коем было постановлено организовать всех кочующих всей России. Это постановление достигло цели. Так, поселок Таш-Тюбе изолирован от манапов и сделался оседлым, чему завидовали другие киргизы. Шканский находит, что нужно сорганизовать Бухару, а тогда и всех киргизов.

Много говорили об устройстве киргизов, и большинство местных жителей находит, что киргизов нужно выселить в другие уезды, или даже в Сибирь, разделить их по их родам, а манапов или арестовать или поместить отдельно. Все-таки вопрос этот остался открытым.

28 мая состоялось соединенное заседание всех комитетов.

По вопросу о возмещении убытков пострадавшим во время киргизского восстания было постановлено выдать по 500 рублей и кроме того возместить убытки по выяснении таковых комиссией, в следующей пропорции:

Потерпевшим убытки убыток возмещается: до 2.500 руб. полностью, до 5.000 руб. $\frac{1}{2}$ суммы; до 10.000 руб. $\frac{1}{3}$ суммы; до 50.000 руб. $\frac{1}{4}$ суммы.

До 100.000 и свыше убыток возмещается в размере $\frac{1}{8}$ суммы.

По вопросу об устройстве киргизов постановлено временно выселить киргизов в другой район и наказать манапов и других виновников восстания.

По этому вопросу выступало очень много ораторов-крестьян, и большинство настаивало на выселении.

Во время прений многие ораторы бросали упреки находящимся здесь на охране солдатам, уроженцам России, на что кроме нас никто не возражал.

Вопрос о приравнивании семейств погибших во время восстания к семьям воинов, погибших на войне, решен в положительном смысле.

Вопрос об избрании обл. комиссара после долгих прений предоставлен усмотрению обл. с'езда.

По вопросу о крестьянском обл. с'езде постановлено просить присоединить с'езд к общеобластному.

В вопросе о статистических карточках для распределения убытков принята следующая расценка:

За 1 десятину, посеянную чем угодно, 100 р.; за 1 пару волов 250 р.; за 1 барана 10 р.; за 1 улей пчел 25 р.; за 1 пуд меда 23 руб.

Вопрос о санитарном положении города и уезда вызвал продолжительные прения. Зарегистрированы случаи заболевания сыпным тифом в городе и пока неустановленный род болезни в селах. Находят, что болезни заносят киргизы. Замечание, что хлеб — лучшее лекарство от сыпного тифа, встречено неодобрительно. Большинство — за измор киргизов голодом и голодным тифом. Все же постановили, что

если будет излишек хлеба, то дать его киргизам (это совсем безнадежно), но все же скорее их удалить.

Вопрос о том, как и на каких условиях брать киргизов в работники, оставлен до выяснения условий в селах и деревнях, хотя много киргизов находится в работниках и даже есть артель киргизов-работников, работающая у крестьян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О киргизском вопросе много говорится. По селам велась агитация — просить Шкапского о выселении киргизов. Постараемся выявить агитаторов.

Все организации перемешались, т. е. одна в другую влила своих депутатов, что, по нашему мнению, и вызывает у них трения. Крестьяне сами не знают, чего хотят. Один раз постановят выселить всех киргизов, а на другой день приходят просить разрешения взять киргизов в работники. Во всяком случае рабочие руки киргизов для крестьян необходимы.

Считаем, что замена российских солдат семиреченцами вызовет эмиграцию многих мусульман.

О. ЧААДАЕВА

1917 год

В меньшевистско-троцкистском освещении

А. Шляпников, Семнадцатый год, книги 1, 2, 3 и 4.

История—самая политическая из всех наук.

Развитие исторического знания дает ряд свидетельств того, что самая тематика многих якобы сугубо академических исторических исследований диктовалась обычно наиболее жгучими потребностями современной классовой борьбы.

Буржуазные историки всегда проявляли исключительную чуткость и готовность выполнять «социальный заказ» господствующего класса.

Так например немецкий историк Пельман занялся изучением социалистических и коммунистических учений древности, имея прямой целью «научно» обосновать буржуазный тезис о беспочвенности и исторической неосуществимости социализма.

Русская буржуазная историография создала довольно стройную схему «внеклассового» происхождения самодержавия, чтобы обосновать и оправдать таким путем контрреволюционную тактику русской буржуазии.

Всякое историческое произведение есть произведение классовое. Классовая точка зрения находит отражение не только в обобщениях, выводах и в создаваемых историками концепциях и схемах. Ею диктовался и диктуется самый подбор фактов и группировка публикуемых документов и материалов.

Основоположники марксизма-ленинизма всегда учитывали то огромное политическое значение, какое имеет история как ключ к объяснению миллионам рабочих их положения при капитализме, как доказательство необходимости борьбы и исторической обусловленности диктатуры пролетариата. Маркс, Энгельс и Ленин написали работы, представляющие собой непре-

зойденные образцы подлинно научного исторического исследования.

Буржуазные историки проводили и проводят свою классовую точку зрения под флагом сугубой «беспартийности» и научной «объективности». Историки-марксисты совершенно открыто заявляют о своих классовых политических установках.

В руках буржуазии история—орудие затемнения сознания масс; для пролетариата она—одно из средств воспитания и закалки кадров бойцов революции. Свое значение историческая наука полностью сохраняет и сейчас, когда на территории одной шестой мира поставлена задача переделки сознания миллионов рабочих и колхозников Советского союза и когда во второй пятилетке на ряде участков и в частности на идеологическом предстоит обострение и усиление классовой борьбы, когда международный пролетариат подходит к открытым боям с буржуазией. История должна быть одним из передовых участков в борьбе за марксистско-ленинскую теорию, за воинствующую партийность, одной из форм участия в борьбе за построение бесклассового социалистического общества.

Историческая наука только тогда сможет стать живым образцом творчества миллионов трудящихся, сбросивших гнет капитализма и строящих под руководством партии новое общество, только тогда сможет действительно помогать лучшей ориентировке миллионов в стоящих перед ними задачах, вооружать их еще большей уверенностью в победе, когда она до конца вскрыет и разоблачит враждебные ленинизму теории и теориейки, нашедшие место на страницах исторической литературы.

Классовый враг не дремлет. Выполняя «социальный заказ» этого врага, троцкистские контрабандисты пустили в обраще-

ние на страницах исторических журналов идеи о «переворужении» партии в 1917 году, о том, что Ленин не боролся с оппортунизмом во II интернационале до 1914 г. и т. п.

Тов. Сталин в письме в редакцию «Пролетарской революции» с исключительной четкостью вскрыл гнилой либерализм, проявления которого имели место на историческом фронте, и мобилизовал внимание историков-марксистов на самую решительную и неуклонную борьбу с протаскиванием троцкистских, правооппортунистических и иных оппортунистических идей в области теории. К числу тех работ, которые должны быть беспощадно разоблачены, в первую очередь относятся конечно «труды» А. Шляпникова, посвященные истории 1917 года.

Писания Шляпникова в области истории—это прямая пропаганда взглядов, уже осужденных партией. Это—своеобразное «кредо» человека, неоднократно выступавшего под знаменем борьбы против ленинской партии и ее руководства и не останавливающегося в интересах оправдания своей линии перед клеветой на партию, перед прямой фальсификацией ее истории.

Линия развития Шляпникова как «политика» имеет две основные и наиболее знаменательные вехи — штрейкбрехерская позиция в дни Октября и выступление во главе «рабочей оппозиции» во время профсоюзной дискуссии и на X съезде партии.

В октябрьские дни, когда пролетариат России под руководством большевистской партии штурмовал твердыни капитализма, когда вся партия выразила твердую и непреклонную решимость биться до конца, небольшая группа членов партии проявила «позорные колебания», как сказал Ленин, и высказалась против восстания, а после победы последнего — за создание «социалистического» правительства с участием меньшевиков и правых эсеров.

В этой горсточке большевиков, которая шла заодно с Каменевым и Зиновьевым, был и Шляпников.

Вместе со своими единомышленниками (Рязановым, Рыковым, Теодоровичем, В. П. Милутиным и др.) Шляпников заявлял, что недопущение в правительство меньшевиков и правых эсеров «ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны».

Это выступление Шляпникова было не случайным. Вся его деятельность на протяжении революции показывает, что он всегда оставался чуждым большевистскому пониманию значения и роли партии в системе диктатуры пролетариата. Поэтому во время профсоюзной дискуссии он проявил теоретически и политически неверное, по существу антипартийное, антиленинское понимание роли профсоюзов в период господства пролетариата.

Партию, возглавлявшую героическую борьбу пролетариата и основных масс крестьянства в гражданской войне, Шляпников обвинял в оторванности от рабочих масс, бросался словечками о «перерождении», заявлял о том, что «усвоенные за время гражданской войны приемы работы не только не позволяют нам осуществить программное требование о вовлечении в советское строительство широких групп пролетариата, но определенно отталкивают их от нас и нашей партии» (из речи Шляпникова на X съезде партии).

Во время профсоюзной дискуссии и на X съезде партии Шляпников выступил с платформой, главный тезис которой гласил:

«Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики».

Это было одним из наиболее законченных и оформленных выражений анархо-синдикалистского уклона, представляющего собою полнейший разрыв с теорией марксизма-ленинизма и полнейший отказ от учета опыта пролетарской революции в России. Шляпников игнорировал тот факт, что коммунистическая партия—авангард пролетариата, который один только способен противостоять мелкобуржуазным колебаниям массы в первый период пролетарской диктатуры, победить неизбежные рецидивы профессионалистской узости и профессионалистских предрассудков среди пролетариата, руководить всеми сторонами пролетарского движения, являясь основной направляющей силой пролетарской диктатуры. «Без этого диктатура пролетариата немыслима» (из резолюции X съезда).

X съезд партии признал, что взгляды «рабочей оппозиции» и подобных ей эле-

ментов неверны теоретически и служат практически выражением мелкобуржуазных и анархических шатаний, ослабляют выдержанную руководящую линию коммунистической партии и помогают на деле классовым врагам пролетарской революции.

X съезд партии в своем постановлении зафиксировал, что «неправильное понимание роли коммунистической партии в ее отношении к беспартийным рабочим массам, с одной стороны, и столь же неправильное понимание роли рабочего класса в его отношении ко всей массе трудящихся—с другой, является коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пропитывает все воззрения «рабочей оппозиции».

X съезд партии признал пропаганду анархо-синдикалистских идей несовместимой с пребыванием в рядах партии.

Шляпников в числе группы 22 обращается тогда в Исполком Коминтерна с «заявлением 22», направленным против решения партии. После того как Коминтерн осудил его взгляды, он не оставляет все же своей борьбы против партии. Он и в последующие годы неуклонно выполняет роль рупора мелкобуржуазной стихии и активного противника генеральной линии партии.

В промежутке между X и XI съездами партии и в 1923, 1924 и 1926 гг. он ведет упорную борьбу против партии.

В этой борьбе он не ограничивается непосредственной партийно-политической деятельностью, а решает использовать для нее и область изучения истории партии, ставя своей прямой задачей придать событиям именно то освещение, которое ему необходимо в интересах его антипартийной работы.

Поэтому его позиция как историка и мемуариста—это позиция постоянной борьбы против ленинского учения о сущности диктатуры пролетариата, о социалистическом характере нашей революции и о возможности построения социализма внутренними силами нашей страны, о роли большевистской партии.

Выступая как историк, Шляпников не только пытается протащить снова свои правооппортунистические троцкистские и анархо-синдикалистские взгляды, давно решительно осужденные партией, но он пытается выдать их за взгляды и позицию самой партии.

Шляпников употребляет слова «мы», «большевики», «партия» во всех тех случаях, когда фактически излагает только свою собственную оппортунистическую позицию или же характеризует позицию самого ничтожного, самого незначительного меньшинства и даже одного-двух ее членов (как например Каменев и др. в 1917 г.).

Четко и определенно оформившиеся оппортунистические воззрения Шляпникова в сочетании с проводившейся им лично в прошлой его деятельности по целому ряду основных вопросов оппортунистической линией дают не отражение того, что в действительности является основным содержанием истории нашей партии, ее постоянно развернутой борьбы на два фронта—борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории, борьбы за массы, за поднятие их на более высокую ступень сознательности и организованности, а дают освещение всей истории нашей партии с враждебных ленинизму троцкистско-меньшевистских позиций.

Собственные колебания Шляпников на каждом шагу приписывает самой партии. То он ей приписывает тенденции к объединению с меньшевиками накануне и во время Февральской революции, то дает ложное освещение ее роли, принося последнюю и доказывая тем самым, что прошлая деятельность нашей партии сводилась фактически к «подчинению партии беспартийной стихии».

Выступления Шляпникова как историка граничат с прямым выполнением «социального заказа» сил, враждебных ленинизму и пролетарской революции.

С тех же меньшевистско-троцкистских позиций он освещает позицию партии в вопросе о движущих силах буржуазно-демократической революции, о вооруженном восстании; в совершенно троцкистском стиле он замалчивает ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую; в духе анархо-синдикализма характеризует он роль советов и тем самым следовательно существо пролетарской диктатуры.

Надо сказать, что троцкистская установка в отношении крестьянства Шляпниковым проводится с исключительной последовательностью.

Как известно, Троцкий утверждал, что между пролетариатом и крестьянством в революции существуют непримиримые внутренние противоречия и что россий-

ский пролетариат может удержаться у власти только при государственной поддержке и помощи западноевропейского пролетариата. Совершенно в духе своей теории «перманентной революции» Троцкий утверждал позднее, что крестьянство смогло принять участие в Февральской и Октябрьской революциях потому, что во время войны оно помимо своей воли и желания было организовано в массовом масштабе через армию в компактные единицы—воинские части. Отсюда сам собой вытекал вывод: не будь империалистической войны, крестьянство не приняло бы участия и не сыграло бы никакой роли в революции. Таким образом Троцкий выступил против ленинского учения о движущих силах буржуазно-демократической и социалистической революций.

Признав же участие крестьянства в революции, Троцкий впал в другое извращение. Факт боевых выступлений вооруженных крестьян настолько ослепил его, что при характеристике Октябрьского восстания он совсем «не заметил» Красной гвардии и руководящей роли пролетариата в восстании, приписав тем самым первенствующую роль солдатам-крестьянам.

Шляпников является прямым сторонником и проводником троцкистских взглядов в отношении крестьянства. В первой книге своих «трудов» Шляпников говорит, что большевиков от всех социалистов отделяло то, что единственно они считали, что «основными двигателями грядущей революции во время войны будут пролетариат и крестьяне, одетые в солдатские шинели».

К этому сводит Шляпников позицию большевиков, извращая ее, ибо, во-первых, большевики считали, что союзником пролетариата являются отнюдь не только «крестьяне, одетые в солдатские шинели», а во-вторых,—что самое главное,—Шляпников ни словом не говорит об основном, что характеризует большевистское учение о движущих силах революции, учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую—о гегемонии пролетариата, Шляпников отрицает ленинское учение о движущих силах буржуазно-демократической революции и о гегемонии пролетариата.

Особенно это антиленинское отношение к вопросу о гегемонии пролетариата проявилось в освещении Шляпниковым момента свержения царизма и в деятельности его в это время. Большевики еще в 1905 г. говорили, что обязанность партии заклю-

чается не только в том, чтобы пропагандировать революцию, но в том, чтобы организовать ее, имея четкий план подготовки и проведения вооруженного восстания.

В этой связи вопрос о необходимости вооружения рабочих должен был являться для каждого большевика аксиомой.

Для Шляпникова это аксиомой не являлось. Шляпников сам рассказывает, что в февральские дни многие рабочие и представители районов обращались к нему с просьбой добыть оружие. «Хоть несколько револьверов, товарищ»—умоляли Шляпникова пролетариат. Но он отказывал в этом рабочим, хотя, по его собственным словам, оружие «достать можно было и сравнительно легко» (кн. I, стр. 86).

Приходящие мотивировали свое требование оружия энтузиазмом и солидарностью рабочих, возможным нейтралитетом и дезорганизацией войск. Шляпников отказывал им на том основании, что вооруженные дружины не могут соперничать с войсками и что победа революции возможна лишь при активном участии в ней солдатских масс.

Но где же та активная борьба пролетариата за солдатскую массу, о которой говорил Ленин в своей статье, посвященной подведению итогов декабрьского вооруженного восстания? Где та тактика, которая должна была колеблющегося солдата возможно быстро завоевать на сторону революции?

Ленин писал, что нельзя себе представлять переход войска на сторону революции в виде какого-то простого единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания—с другой. Нужна активная, смелая, предприимчивая и наступательная борьба за колеблющееся войско. Еще старая «Искра» указывала на то, что беспощадное истребление гражданских и военных начальников есть долг социал-демократов во время восстания.

Восстание—искусство, и главное правило этого искусства—отчаянно смелое, бесповоротное решительное наступление.

Ленин говорил: «Не пассивность должны проповедывать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско,—нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за

колеблющееся войско». Одним из недостатков декабрьского вооруженного восстания Ленин считал то, что «рабочая масса не получила лозунга смелых наступлений и не применила его», что оружие и приемы партизанских отрядов были недостаточны, их умение руководит массой было почти не развито.

Шляпников же даже теперь, после опыта Октябрьского восстания, осмеливается поучать, что задача большевиков и пролетариата в Февральской революции была отнюдь не в том, чтобы создавать боевые дружины, а дело было в наших лозунгах, кружках и организациях, которые в момент решительных боев с царским правительством должны иметь еще большее значение, объединить вокруг себя массы и являться проводниками партийного влияния.

Никто не осмелится отрицать огромное значение лозунгов и организации большевизма. В чем же ошибочность позиции Шляпникова? В том, что она совершенно недостаточна в момент подготовки штурма самодержавия, в том, что она целиком смыкается с меньшевистской установкой на отказ от подготовки вооруженного восстания. Большевики еще в 1905 г. любили козырять фразой о том, что они против «вспышкострательства» в подготовке восстания и за то, чтобы вооружать головы пролетариев желанием и готовностью бороться до конца. Иначе как меньшевистской нельзя квалифицировать тактику Шляпникова по отношению к вооружению рабочих. Шляпников же и теперь клеветнически осмеливается утверждать, что февральские события подтвердили правильность его точки зрения.

Февральская революция победила именно потому, что большевики Петрограда целиком выполняли указания Ленина, что рабочие и работницы, действовавшие вначале при стычках с полицией одними камнями, затем начинали немедленно вооружаться, громя цейхгаузы и оружейные склады, что они не следовали тактике Шляпникова, согласно которой пролетариат должен был вооружиться только тогда, когда чуть ли не вся армия присоединилась бы к восстанию.

Искажая ленинское учение о гегемонии пролетариата, Шляпников в типично меньшевистском тоне говорит о роли авангарда рабочего класса—партии—и о той работе, какую провела последняя в процессе подготовки революции.

По Шляпникову партия—только регистратор событий, революция идет вне ее влияния.

Это в корне противоречит той основной установке, которую всегда имела партия в своей деятельности.

Большевики всегда решительным образом боролись с «теорией стихийности», которая развивалась «экономистами», русскими и международными меньшевиками. Теория стихийности—меньшевистская теория, «теория оппортунизма, теория преклонения перед стихийностью рабочего движения, теория фактического отрицания руководящей роли авангарда рабочего класса, партии рабочего класса» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 21, изд. 4-е).

А эта «теория стихийности» красной нитью проходит через весь «Семнадцатый год» Шляпникова и через его практическую деятельность.

«Никто из нас не предполагал заранее наметить «план революции», но все считали необходимым осмыслить развертывание событий и наметить линию своего поведения в них»—говорит Шляпников (кн. 1-я, стр. 15). В свете «теории стихийности» А. Шляпников рассматривает накануне Февраля и коренной вопрос грядущей революции—вопрос о власти и ее классовом характере.

«В наших товарищеских дискуссиях,—утверждает А. Шляпников,—нередко подходили мы к вопросу о власти. Однако все разговоры о власти, ее классовом составе, носили отвлеченный, «принципиальный» характер. Все прекрасно понимали, что вопрос о власти, о ее характере будет решен реальным соотношением сил в той борьбе, которая развертывалась перед нами. Попытки конкретизировать вопросы власти не встречали живого отклика среди наших работников. Все детали и обсуждение такого порядка встречали ироническое «нельзя делить шкуру еще не убитого зверя» (кн. 1-я, стр. 57).

Проводившийся им саботаж вооружения рабочих Шляпников называет борьбой «с некоторыми заблуждениями и иллюзиями товарищей относительно преувеличения сил рабочего класса в надвигающейся борьбе». Преувеличение может создать неправильную ориентировку и опасно для политической партии, но о каком «преувеличении» может идти речь там и тогда, когда только героизм и самоотверженность пролетариата, увлекающего за собою

своего союзника, должны были решить исход события?

Только тем, что Шляпникову была совершенно чужда ленинская постановка вопроса о гегемонии пролетариата, могут быть объяснены следующие его высказывания:

«Рабочие не отставали от настроения мелкобуржуазных элементов» (кн. 1-я, стр. 15). «Со сцены Таврического дворца борьба переходит на фабрики, на заводы, казармы» и т. д. (там же).

По Шляпникову выходит, что партия не имела никаких перспектив по вопросу о характере предстоящей революции, не давала никаких лозунгов по вопросу об органах революционной власти.

Между тем, как известно, Ленин в 1905 г. определял советы как органы мобилизации масс, как органы вооруженного восстания.

В тезисах, опубликованных 13 октября 1915 г. в «Социал-демократе», Ленин с особой силой подчеркивает значение советов рабочих депутатов как органов восстания и органов революционной власти (см. Ленин, т. XVIII, стр. 312, изд. 2-е).

Шляпникову нет дела до того, что писал Ленин, как ставила вопрос о советах вся партия.

Не понимая ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, Шляпников остался чужд пониманию ленинского плана перерастания ее в социалистическую и самого существа диктатуры пролетариата.

«Нередко по целому ряду вопросов,— вспоминает» Шляпников, — возникала оживленная дискуссия. Я помню случаи, когда споры поднимались до вопросов о характере нашей грядущей революции. Многим товарищам было «не по душе ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка» («Семнадцатый год», кн. 1-я, стр. 55, изд. 2-е).

Это место с достаточной яркостью показывает, как представлял себе Шляпников характер революции. В отличие «от многих товарищей», «ограничение грядущей революции рамками буржуазного порядка» Шляпникову видимо было «по душе».

О шляпниковском понимании характера предстоящей революции дает не менее яркое представление и следующее место в его 1-й книге:

«Мы соглашались с социал-демократами меньшевиками в том, что переживаем момент революционной ломки феодальных

крепостнических отношений, что на смену им идут всяческие свободы, свойственные буржуазным отношениям. Разногласия у нас были не в том, чтобы мы ставили непосредственной задачей нашей революции немедленно осуществление социализма, а они были бы против. Так вопрос не стоял. Мы, социал-демократы большевики, не были «максималистами» (стр. 181).

Отличаются чем-либо эти утверждения от того, что говорит по этому поводу троцкизм? Нисколько. Мы наблюдаем на этот счет исключительно полное совпадение точек зрения и Шляпникова и Троцкого.

Троцкий в своей «Февральской революции» утверждает, что большевики отнюдь не связывали задачи демократической диктатуры с курсом на построение социалистического общества и что имелось в виду «даже не создание переходных мер к нему, а лишь беспощадная чистка авгиевых конюшен средневековья» (стр. 349).

По заявлениям Троцкого, ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции никогда не увязывалось с проблемой перерастания ее в социалистическую: «Во всяком случае речи о руководящей роли пролетариата в буржуазной революции отнюдь не означали, что пролетариат использует крестьянское восстание для того, чтобы, опираясь на него, поставить в порядок дня свои собственные исторические задачи, т. е. прямой переход к социалистическому обществу» (стр. 350).

Большевики, по Троцкому, выдвигали задачу исключительно «крестьянской революции» и отводили в ней пролетариату только роль левого союзника и не больше. Признание большевиками идеи гегемонии пролетариата в демократической революции не могло, по его словам, означать ничего, кроме того, что «рабочая партия поможет крестьянам политическим оружием из своих arsenалов, подскажет им наилучшие способы и методы ликвидации феодального общества и покажет, как применить их на деле» (там же). Это — самая неприкрытая и наглая клевета на нашу партию.

Ленин в 1905 г. писал:

«Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот... Чем полнее будет демократический переворот, тем ско-

рее, шире, чище и решительнее развернется эта новая борьба... когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, — тогда мы «подменим»... лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота» (т. VIII, стр. 118—119, изд. 2-е).

Шляпников же заодно с троцкистами умышленно игнорирует все, что говорил Ленин о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1905 г., игнорирует относящиеся к этому вопросу положения манифеста ЦК (конец 1914 г.) и тезисов, опубликованных в «Социал-демократе» в октябре 1915 г., и наконец прямые указания Ленина в статье против Троцкого, напечатанной в «Социал-демократе» от 23 августа 1915 г., в которой Ленин формулировал и обосновал возможность победы социализма «первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (т. XVIII, стр. 232, изд. 2-е).

Манифест ЦК, выпущенный в конце 1914 года, и тезисы, опубликованные «Социал-демократом» 13 октября 1915 г., давали совершенно четкую директиву—держать курс на подготовку и организацию новой революции, на превращение войны империалистической в гражданскую. Лозунги «трех китов» (демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день) должны были выставляться в обязательном сочетании с призывом к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, против войны и за революционное свержение воюющих правительств. «Наш лозунг против шовинистов... против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции» — писал Ленин (т. XVIII, стр. 312, изд. 2-е).

В тех же тезисах Ленин указывал, что задача доведения до конца буржуазно-демократической революции в России необычайно приблизилась ко второй задаче—социалистической революции.

Ленин целиком оставался верен своей точке зрения, высказанной им еще в период подготовки революции 1905 г., что доведение до конца буржуазно-демократической революции в России сделает русский пролетариат авангардом пролетарской революции в Европе. Он писал тогда:

«История поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (Ленин, т. IV, стр. 382, изд. 2-е). Разбить царизм—это значит нанести сокрушительный удар реакции всего империалистического мира и приблизить российский и западноевропейский пролетариат к решающему штурму устоев буржуазного господства.

Все эти указания были известны Шляпникову, жившему и работавшему в передовом революционном центре—в пролетарском Петрограде, который давал образцы героической борьбы против империалистической войны и самодержавия. Шляпников игнорировал их прежде как «политик», игнорирует сейчас как «историк».

В полном соответствии с курсом на социалистическую революцию Ленин считал принципиально недопустимым какое бы то ни было сближение с шовинистами и примиренцами.

Не говоря уже об общих директивах, которые давались ЦК партии и были обязательны для каждого большевика, Ленин в своем письме от IX. 1916 г., несомненно известном А. Шляпникову, специально подчеркивал:

«Примиренчество и объединенчество есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и гибель партии».

Какова же была «практика» Шляпникова в этих вопросах? Как он проводил директивы Ленина? С известным самолюбованием Шляпников рассказывает, что принимал участие в совместных совещаниях с меньшевиками и эсерами, где ставился вопрос о контакте, о согласовании действий с ними. «Уже не один раз собирались мы за время войны с представителями фракции меньшевиков и партии социалистов-революционеров, много было потрачено времени и сил, чтобы отыскать линию единства действия» — повествует А. Шляпников (кн. 1-я, стр. 43).

А несколько выше А. Шляпников утверждает: «На всех наших совместных (с меньшевиками и эсерами. — О. Ч.) совещаниях всегда стоял вопрос о контак-

те, о согласовании действий в рядах «революционной демократии» (там же, стр. 43).

Так отвечал А. Шляпников на категорические указания Ленина, так реагировал он на предостережения Ленина о гибельности для партии об'единенчества с социал-шовинистами.

То «я», которое фигурирует в начале этой главы, выдает Шляпникова целиком и с головой. «В течение января и начала февраля я имел несколько свиданий с Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенским» — заявляет Шляпников (кн. 1-я, стр. 43). Любопытнее всего то, что в этой части своего «труда» Шляпников ни разу не называет даже имени Ленина и не «вспоминает» о его указаниях.

Точка зрения Ленина была четкой линией борьбы каждого большевика в развертывавшейся революционной борьбе рабочего класса. Шляпников осмеливается свою оппортунистическую позицию выдавать за позицию партии и клеветает на петербургскую организацию, шедшую во главе передового петроградского пролетариата. Тактика, проводившаяся Шляпниковым, была прямым искажением ленинских директив.

Игнорирование ленинского плана перерастания революции в социалистическую и оценки советов как органов революционной власти привело Шляпникова к полнейшему непониманию своеобразия революции 1917 г. и полностью обнаружило оппортунистическую сущность его позиции.

Лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществился в своеобразной форме двоевластия.

Этого совершенно не понял Шляпников. Свидетельство этому — то освещение февральско-мартовских событий в провинции, какое дается им во второй книге его «трудов». Совершенно в духе официальных буржуазных сообщений Шляпников старательно рассказывает о том, что сказал тот или иной городской голова или председатель земской управы, как сконструировался губернский общественный комитет, и всегда только на втором плане упоминает о советах.

Все это объясняется совершенно не ленинским пониманием роли советов и пролетариата в революции. Шляпников ослеплен фактом быстрой и повсеместной победы революции и остается чужд пониманию того, что этот успех был возможен именно в силу революционной активности

рабочего класса, руководившего и возглавлявшего выступление солдатско-крестьянской массы, в силу организованности пролетариата, руководимого большевистской партией, класса-гегемона, использовавшего опыт 1905 г. и создавшего советы — органы революционной власти. Ему совершенно неизвестно, что победа революции не была бы такой полной и решительной, если бы пролетариат не взял на себя задачи свержения и ареста старых властей и не проявил бы в этой борьбе своей организованности.

Шляпников утверждает: «организуемое начало провинциальных переворотов, т. е. смещение старой власти и замена ее другой, находилось в руках буржуазного большинства» (кн. 2-я, стр. 30).

Если раньше еще можно было сомневаться в том, насколько последователен Шляпников в отрицании гегемонии пролетариата в Февральской революции, то его ответ на критику «Семнадцатого года» ставит все точки над «и». «Глубоко ошибаетесь, «ученые критики», когда принимаете мартовский период революции как период гегемонии пролетариата» — пишет он.

Большевиков от меньшевиков отличала и отделяла ленинская установка на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, на победу социализма, отделяла неуклонная борьба с шовинизмом. Шляпников и здесь отказывается от ленинских установок. Ленин писал еще в 1915 г.:

«Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции» (Ленин, т. XVIII, стр. 312, изд. 2-е).

Шляпников не понимает соотношения классовых сил на первом этапе Февральской революции и дает совершенно чуждую большевизму характеристику двоевластия. Он утверждает, что большевики были против агитации за немедленное вооруженное выступление против временного правительства по следующим соображениям: «Соотношение сил не позволяло ставить вопрос в плоскость борьбы с оружием в руках. У временного правительства тогда оружия было куда больше, чем у нас». Это неверно ни с какой стороны. Оружие было в руках народа — вооруженных рабо-

чих и крестьян, но вооруженная борьба с временным правительством была немыслима, невозможна, так как временное правительство существовало на основе соглашения с советами, являвшимися единственным и непререкаемым авторитетом и властью в глазах масс.

Этого в свое время не понимал Шляпников-«политик», этого не понимает теперь Шляпников-«историк», который отрицает ленинскую характеристику классовых основ двоевластия.

Первый этап революции закончился с захватом власти буржуазией. Ленин сразу же выдвинул вопрос о переходе ко второму этапу. Партия, исходя из ленинских установок о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, этот переход начала уже до приезда Ленина, правда, нуверенно, ошущую.

Партия в своем подавляющем большинстве еще до приезда Ленина решительно боролась против какой бы то ни было поддержки временного правительства, против каких бы то ни было уступок оборончеству. Только в одной, весьма незначительной части во главе с тогда же изгнанными из партии Войтинским и Севруком преобладали правые настроения. В частности изгнанные из партии Войтинский и Севрук пытались стянуть нашу партию на оппортунистические позиции, пытались навязать большевикам политику поддержки временного правительства и непротиводействия войне. Ставить знак равенства между позицией изгнанных из партии Войтинских и Севруков и позицией партии могут только заведомые клеветники и фальсификаторы.

Если бы дело обстояло так, как изображает Шляпников, тогда совершенно нельзя было бы объяснить тот факт, что сразу же по приезде Ленина подавляющая часть партии приняла знаменитые ленинские тезисы. Если бы дело обстояло так, как хотят изобразить всякого рода троцкистские и иные фальсификаторы, тогда нельзя было бы объяснить, почему остатки правых оппортунистов во главе с Л. Каменевым были изолированы и разгромлены на апрельской конференции.

Таковы неопровержимые факты.

Как же обращается с этими неопровержимыми фактами Шляпников?

Состояние партии в первый период революции Шляпников опять-таки изображает совершенно в тех же красках и то-

нах, что и Троцкий. Обнаглевший в своей клевете на большевистскую партию Троцкий заявляет сейчас, что революционные события застигли партию врасплох:

«Она перестраивалась в огне и выравнивала свои ряды под натиском событий. Массы оказались на повороте, «раз в сто» левее крайней левой партии» (Троцкий, «Февральская революция», стр. 477). По Троцкому, только к Октябрю партия выравнивает свой шаг и выступает во главе масс. «То, что происходило в партии после переворота, слишком грозно обнаруживало запоздалость перевооружения» — клеветнически заявляет Троцкий (там же, стр. 353).

Шляпников, как и Троцкий, сваливает партию в общую кучу с оборонцами и оппортунистами. Он рассказывает о том, что в мартовские дни в рядах партии было увлечение «единством всех социал-демократов» и что большевики будто бы «в угоду ему (единству — О. Ч.) жертвовали принципиальной выдержанностью политической линии» (кн. 2-я, стр. 178). Внутри руководящих партийных органов, по Шляпникову, были постоянные разногласия и колебания. В своем стремлении показать себя «левым», а всю партию обвинить в шатаниях и колебаниях, Шляпников все время изображает дело так, что якобы чуть ли не вся целиком партия находилась на позиции правых. По его рассказу, приезд «ссылных» усилил группу правых, приезд Ленина, его доклад и выдвинутые им положения вызвали «большие колебания» (кн. 3-я, стр. 263). «Внутри партии продолжался разброд, нарушения большевистской политики происходили во многих местах...» — говорит Шляпников по поводу мартовских дней (кн. 2-я, стр. 187). Он бросает даже фразу о том, что тогда назревал раскол партии, идея которого якобы была в то время весьма популярна среди рабочих.

Все эти утверждения, как небо от земли, отличаются от того, что в это время говорилось о партии Лениным, от того, что было в действительности. Находясь еще за границей и получая известия о событиях в России лишь из буржуазных источников, Ленин однако видел авторитет нашей партии и ее влияние на пролетариат, на массы. Это влияние Ленин объяснял тем, что партия шла во главе масс, руководила ими во время войны и в момент свержения самодержавия.

«Наша партия оказалась с массами, с революционным пролетариатом, несмотря на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 г. наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский комитет за свою нелегальную работу во время войны против войны и против царизма...

Факт руководства или по крайней мере беззавестной помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии должен был признать «сам» английский гучковец—писал Ленин (т. XX, стр. 25, изд. 2-е).

Свои клеветнические утверждения Шляпников распространяет на февральско-мартовский и на последующий период 1917 г. Когда дело доходит до характеристики позиции партии по отношению к Стокгольмской конференции, то по поводу ошибочного выступления Каменева 6 августа с заявлением о том, что «Стокгольм—знамя пролетариата» (выступления, немедленно осужденного партией), Шляпников раздражается следующей фразой:

«Это выступление Каменева отражало тогдашние колебания в большевистской среде, сказавшиеся особенно резко после июльского погрома» (кн. 4-я, стр. 69).

Когда же, по Шляпникову, не «колебалась» большевистская партия, когда же наконец она была в 1917 г. монолитной и единой? И как в конце концов эта на каждом шагу сомневающаяся и колеблющаяся, по Шляпникову, партия могла в Октябре привести пролетариат к победе?

Вместо действительного анализа стратегии и тактики большевизма в первый период Февральской революции Шляпников прибегает к свойственному «историкам» этого типа методу—фальсификации. Вместо того, чтобы дать действительное изображение положения в партии, Шляпников сознательно искажает историю и изображает линию партии в первый период революции как оппортунистическую.

С этой целью Шляпников пускает легенду о господстве центристов в нашей партии в этот период. Позицию подавляющего большинства нашей партии, вопреки всем фактам и всей действительной истории, Шляпников пытается изобразить как центристскую, поставить знак равенства между правооппортунистической позицией Л. Каменева и позицией подавляющего большинства партии.

Мало этого. Шляпников идет дальше, «сближая» позицию руководства партии не только с позицией Л. Каменева, но и с позицией тогда же изгнанных из партии Войтинского и Севрука. Положения, выдвинутые Шляпниковым, имеют целью обосновать главное утверждение троцкистов о расчленении и расщеплении большевизма на две части: «на ленинизм довоенный, ленинизм «старый», «негодный», с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный, октябрьский, который рассчитывают они приспособить к требованиям троцкизма» (Сталин).

Кстати сказать, на протяжении всех четырех томов Шляпников так и не «удосуживается» дать развернутой и последовательно большевистской критики позиций «межрайонцев» и самого Троцкого, пришедших в большевистскую партию в июле, а до этого занимавшихся обсуждением и формулировкой таких условий перехода в большевистскую партию, которые дали бы им возможность сохраниться как партия внутри партии. Шляпников осмеливается даже объяснить позднее вхождение «межрайонцев» в ряды большевиков ни чем другим, как... оппортунизмом самих большевиков. Он утверждает, что вопрос о вхождении «межрайонцев» был решен положительно уже в марте. «Лишь появление внутри нашей партии разногласий с приехавшими из Сибири товарищами и скачок в сторону оборончества нашей «Правды» помешали тогда слиянию, усилив колебавшиеся между большевиками и «интернационалистами» вообще элементы «межрайонки» (кн. 2-я, стр. 173). Дальше этого ехать некуда!

Тон, каким обычно Шляпников говорит о партии, может вызвать только глубокое негодование. Говоря о большевистской партии и ее фракции в совете, Шляпников всегда прибегает к терминам «оппозиция», «левая оппозиция» (см. кн. 1-ю, стр. 207; кн. 4-ю, стр. 32). Когда же дело доходит до освещения деятельности военной комиссии Государственной думы, то он о ней рассказывает в главе, которая носит общий заголовок «Военные организации революции в тылу и на фронте». Что революционного было в деятельности этой комиссии, ревностно наводившей буржуазный порядок в столице,—на это едва ли сможет ответить теперь и сам Шляпников.

Напрасно читатель стал бы искать у Шляпникова освещения ленинского ло-

зунга о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, о превращении войны империалистической в гражданскую (первым этапом которой была Февральская революция). Шляпников говорит о крестьянстве (чаще он говорит о крестьянской массе армии) в 1917 г. без учета классового расслоения и различной роли бедноты и середнячества в революции. Лозунг превращения войны империалистической в гражданскую у него вовсе не фигурирует, хотя он сотни страниц уделяет проблемам войны и мира.

В своем стремлении умалить, смазать роль партии Шляпников заходит так далеко, что совершенно игнорирует важнейшие партийные решения и директивы.

Он так «оригинально» строит всю свою схему, что весь период за апрель—июль 1917 г., по его плану, выпадает из жизни и деятельности партии.

Шляпников совершенно замалчивает апрельскую конференцию 1917 г. и VI съезд партии (июль—август 1917 года), принявшие решения на основе ленинских положений о характере нашей революции.

Сознательно обходя важнейшие моменты в истории большевизма, Шляпников совершенно не останавливается на той гигантской массе работы, которая в это время была проделана партией под руководством Ленина по завоеванию масс.

Совершенно не случайно, что на протяжении 1.500 страниц «трудов» Шляпникова большевистской партии отведено буквально несколько десятков страниц, а среди нескольких сот документов всего лишь единицы имеют отношение к нашей партии. Подавляющее большинство документов—телеграммы царских генералов, приказы, инструкции, положения, доклады агентов временного правительства и т. д., не имеющие серьезного политического и исторического значения.

Известно, что вся партийная работа в апреле—мае шла под лозунгом перевыборов советов, братания на фронте, опубликования тайных договоров против антидемократических пунктов «декларации беспартия солдат», под лозунгом сплочения масс на борьбу за осуществление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. В мае—июне партия с огромным напряжением вела кампанию против подготовки и самого лозунга наступления на фронте и вскрывала гибельность для революции коалиционных иллюзий. Ленин в ряде своих имеющих исключительное исто-

рическое значение выступлений на всероссийском крестьянском съезде и I всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов, обрисовав необычайно четко программу и тактику большевизма в вопросах войны, мира и земли, вскрыл всю непоследовательность и контрреволюционность эсеро-меньшевистского блока. Конференция военных большевистских организаций, проведенная при активном участии Ленина и Сталина, способствовала упрочению большевизма на фронте. В результате всей той огромной работы, которая была развернута партией в этот период, партии удалось завоевать в Петрограде около половины мест в рабочей секции и около четверти—в солдатской.

В массах крестьян и солдат начал рассеиваться угар «добросовестного оборончества». Лозунги партии находили все более живой отклик в рабочем классе и беднейшем крестьянстве. Имея во главе стойкого и непреклонного вождя — большевистскую партию, пролетариат упрочивает свои классовые организации (профсоюзы и фабзавкомы), развертывает борьбу за улучшение своего экономического положения и вплотную подходит к развернутому осуществлению лозунга рабочего контроля. В политической борьбе за укрепление и упрочение советов и под лозунгом перехода к ним всей власти героический пролетариат России дает незабываемые образцы революционной активности и классовой зрелости. Обо всем этом или только упоминается или почти не упоминается в пухлых томах Шляпникова. О рабочем и крестьянском движении приводятся только самые сухие данные.

Взгляды Шляпникова по вопросу об условиях победы пролетарской революции и сущности диктатуры пролетариата в России представляют собою смесь самого махрового правого оппортунизма и крайне «левого» анархо-синдикализма.

Шляпников клеветнически заявляет, что после июльских дней анархо-синдикалистские настроения были будто бы особенно сильны в нашей партии и что будто бы «наша партия одно время готова была заменить лозунг «власти советов» лозунгом «борьбы за рабочую власть профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов» (кн. 4-я, стр. 250).

Больше того: А. Шляпников утверждает, будто бы наша партия в июле временно

отодвинула (!) вопрос о борьбе за власть (кн. 4-я, стр. 250).

Так Шляпников приписывает свои анархо-синдикалистские воззрения всей партии.

«Мемуары» А. Шляпникова имеют лишь один смысл: создать «историческую» базу для лживых клеветнических утверждений контрреволюционного троцкизма о «центризме» нашей партии, о «переворужении» большевизма и т. д.

Недаром школка троцкистских контрабандистов широко использовала при освещении истории партии в 1917 г. ряд утверждений Шляпникова и положила их в основу своего «анализа» событий того времени.

Так совершенно клеветнически, в шляпниковско-троцкистском духе, в IV томе

«Истории ВКП(б)» под ред. т. Ярославского освещается роль большевиков в феврале и марте 1917 г., делаются утверждения о господстве примиренческих и объединенческих тенденций среди большевиков в первый период революции, совершенно не давая выдержанной большевистской характеристики позиции Троцкого в 1917 г. и т. п.

Разоблачение клеветнических заявлений и утверждений Шляпникова и школки троцкистских контрабандистов является одной из первых и наиболее настоятельных задач марксистско-ленинской критики, выдвинутых перед историческим фронтом письмом т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» и решениями XVII всесоюзной партконференции, мобилизующими массы на активную борьбу за построение бесклассового социалистического общества.

Ответственный редактор **М. Н. Покровский**

Редакционная коллегия: Б. Волин (зам. отв. редактора),

Л. Мехлис, А. Панкратова, И. Токин (ответствен. секретарь)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
<i>Передовая</i>	
За большевистские темы реализации решений ЦК (об изучении истории фабрик и заводов)	1
<i>Е.м. Ярославский</i>	
М. Н. Покровский—боевик и безбож- ник	11
<i>Роза Левине</i>	
Лицо социал-фашиста (мемуары со- циал-демократа Зеверинга)	13
<i>П. Филсев</i>	
Ленин и Парижская коммуна	30
<i>Захар Абрамов</i>	
ППС в войне белополяков против РСФСР	33
<i>В. Прямаков</i>	
Рейд червонных казаков на Проскуров	63
ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ	
<i>Мирецкий</i>	
От Сытина к 1-й образцовой типо- графии	74
МАРКС — ЭНГЕЛЬС — ЛЕНИН	
<i>Карл Маркс</i>	
Критика французской системы веде- ния войны	91
ДОКУМЕНТЫ	
Эсеры во главе расправы с нацио- нально-освободительным восстанием	94
БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>О. Чаадаева</i>	
1917 год в меньшевистско-троцкист- ском освещении (А. Шляпников, «Сем- надцатый год», книги 1, 2, 3, 4)	100

